Тамара Сычева

ПО ЗОВУ СЕРДЦА

Молодая гвардия

Тамара Сычева

ПО ЗОВУ СЕРДЦА
ЗАПИСКИ АРТИЛЛЕРИСТА

Издательство ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1952

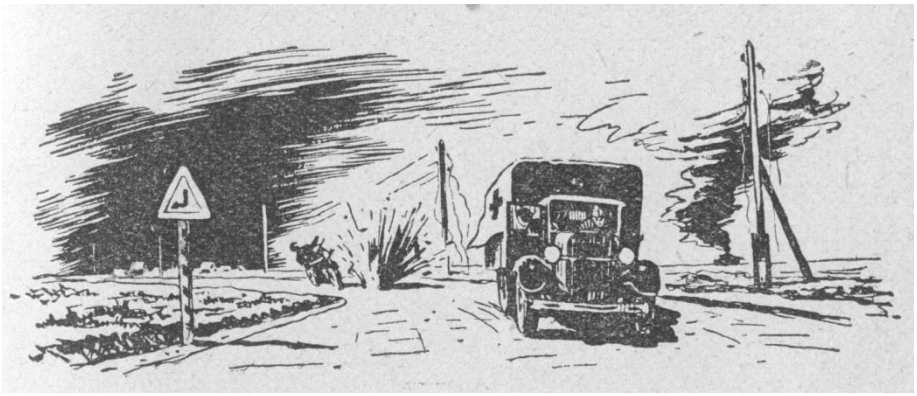
СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ…….3
ЧАСТЬ ВТОРАЯ…….95
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ…….179

Переплет В. Романовского
Оформление В. Носкова

Редактор М. ФИЛАТОВА
Худож. редактор З. ИЛЬИНСКАЯ
Техн. редактор М. ТЕРЮШИН
А00609. Подп. к печ. 5/I 1952 г. Бум. 84x108$^{1}/_{32}$=3,625 бум.л. =12,88 п. л. Уч.-изд. л. 11.
Тираж 15 000. Цена 6 руб. Заказ 2122.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, Сущевская, 21.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Меня разбудил непонятный гул. Багровое зарево освещало комнату, на соседней кровати стояла на коленях пионервожатая и смотрела в окно на пылающий горизонт.

— Что случилось?

— Какие-то взрывы. Во Львове пожар...

Дальнейших слов я уже не расслышала: их заглушили частые выстрелы и густой рев пролетевших над лагерем самолетов. Мы выскочили на веранду. Вдалеке, вероятно во Львове, ухали взрывы. По листьям деревьев и белым статуям мраморного бассейна плясали пятна света. В высоких окнах корпусов пылало отражение пожара. Мы стояли ошеломленные, не понимая, в чем дело. На соседний балкон выбежали перепуганные малыши.

— Пойдемте к детям! — крикнула пионервожатая.

В дверях детской спальни мы столкнулись с маленькой девочкой. Она прижимала к груди марлевый костюм стрекозы, приготовленный для выступления на вечере, и белые балетные туфельки. За ней бежали старшие девочки.

— Дети! Вы куда? Не выходить! — приказала вожатая. — Ложитесь!

Но все были уже на ногах. Землю снова потрясли взрывы. Перепуганные малыши плакали, старшие дети притихли.

— Теперь не будет костра? — спросила маленькая девочка, все еще прижимавшая к груди костюм стрекозы.

— Будет, обязательно будет... И танцы, и костер— все будет, — успокаивала я обступивших меня ребят.

Когда я снова вышла на веранду, уже светало. На стене отчетливо была видна красочная афиша, написанная детским почерком:

«В воскресенье, 22 июня 1941 года, открытие пионерского лагеря. Линейка и подъем флага в 7 часов вечера. Массовые игры и танцы у костра».

Холодный мрамор лестницы напомнил мне, что я босая. Вернулась в комнату, чтобы надеть туфли. За мной вошел начальник лагеря.

— Сычева, ты понимаешь, что происходит? — спросил он.

— Догадываюсь...

— Война, — взволнованно сказал начальник, — война... — Он помолчал и уже обычным голосом продолжил: — Пришли родители, проследите, чтобы детей забирали без паники. Я поеду в город, в горком партии.

Он ушел. Я быстро переодевалась, думая с тревогой: «Где теперь Гриша? Может быть, уже воюет?»

Прошло всего шесть месяцев с тех пор, как я приехала к мужу во Львов. В Крыму остались старики— отец и мать — с нашей маленькой дочерью Лорочкой. Муж, Григорий Васильевич Жернев, служил в армии, он был лейтенантом, командиром взвода. Мне не сиделось без дела. Горком комсомола направил меня на работу в пионерский лагерь, вблизи Львова. В городе мы с мужем имели квартиру. По выходным дням я и Гриша приезжали в город. Радостны были эти встречи в день отдыха после трудовой недели.

«Скоро поедем в отпуск, в Крым, — мечтала я. — А потом заберем сюда Лорочку. Она уже большая, второй годик пошел».

В прошлое воскресенье мы были в кино. Картина «Фронтовые подруги» взволновала меня. Поделилась мыслями с мужем:

— Если когда-нибудь будет война, пойду на фронт, как эти девушки.

— Подумаешь, вояка! Если что-нибудь случится, собирай свои платья и поезжай к родным. На войне тебе делать нечего.

Меня обидел тон мужа, но я промолчала.

И вот война. Не хотелось верить....

Вышла в сад. У ворот стояли заплаканные матери. «Встреча пионеров с родителями состоялась,— .подумала я, — но не такая, к какой мы готовились». Плакали дети, плакали матери, рассказывая, как бомбили Львов.

И все-таки дети оставались детьми. Прощаясь, девочки спрашивали, можно ли забрать с собой маскарадные костюмы.

— Берите, берите, — отвечали мы.

Когда по радио говорил товарищ Молотов, детей в лагере уже не было. На митинге мы составили список добровольцев. Записалось одиннадцать мужчин и две женщины. Среди нас были повара, пионервожатые и кладовщики. Мы собрались идти пешком в военкомат. Когда вышли из ворот, к нам подъехал грузовик. Шофер подал письмо от мужа. Гриша предлагал мне немедленно ехать во Львов, собирать вещи и на этой же машине отправляться на станцию. Он писал, чтобы я жила в Крыму и ждала от него вестей.

Узнав от шофера, что воинская часть, в которой служил муж, уже выступила навстречу врагу, я посоветовалась с товарищами, и мы попросили шофера отвезти всех нас, добровольцев, в штаб полка. Шофер взглянул на мое красное крепдешиновое платье и сказал, что фашистские самолеты охотятся за каждым человеком, а такое яркое платье будет демаскировать машину. Он достал из-под сиденья рабочее обмундирование и предложил его мне. Я натянула порванные на коленях брюки и замасленную гимнастерку.

Скоро мы были в полку, он занимал оборону в лесу.

Командир и замполит полка стояли у только что отрытого окопа и рассматривали какие-то бумаги. Рядом на ящиках от снарядов сидел начальник штаба и что-то писал, положив и а колени планшетку. Вокруг толпились штабные командиры. Лица у всех были озабоченные. Над лесом резали воздух самолеты, вдалеке били зенитки.

Командование полка меня знало. Вместе с другими женами командиров я училась на курсах снайперов, принимала участие в вечерах самодеятельности. Поздоровавшись, я доложила, что тринадцать комсомольцев изъявляют желание идти добровольно на защиту родины.

— Просим принять нас во вверенную вам часть.

— Можно, — ответил замполит. — Народ нам нужен, всем работа найдется. Как думаете, товарищ подполковник?

— Правильно. Работу найдем, оставайтесь. Только не трусить, — ответил командир.

— Ребята боевые, — уверил кладовщик.

Подполковник одобрительно кивнул головой и

ушел.

— Товарищ батальонный комиссар, — продолжала я взволнованно и торопясь, — я иду в армию. А муж требует, чтобы я эвакуировалась. Прошу поговорить с ним.

В это время подбежал Жернев, как всегда, щеголеватый и подтянутый.

— Товарищ батальонный комиссар, разрешите обратиться к жене?

— С сегодняшнего дня, товарищ лейтенант, ваша жена — боец Красной Армии, — строго сказал замполит.

— Разрешите обратиться к бойцу Красной Армии?

— Говорите при мне.

В присутствии замполита муж чувствовал себя неловко, но говорил резко, продолжая настаивать, чтобы я эвакуировалась. Я почувствовала облегчение, когда наш разговор прервал начальник штаба.

— Сычева, — он протянул мне листок бумаги, — пойдите вместе с этой девушкой, — он кивнул на пионервожатую, — к начальнику санитарной службы полка капитану Ниловой и отдайте ей эту записку.

Кто-то из командиров рассказал нам, как пройти в санчасть.

— Наверное, здесь, — раздвигая кусты, проговорила моя спутница, когда мы перешли пыльную дорогу и увидели замаскированную санитарную машину.

На небольшой поляне лежало несколько носилок, и на одних, сладко похрапывая, прикрыв лицо пилоткой, спал боец в замасленной гимнастерке.

Тут же, недалеко от машины, о чем-то тихо разговаривая, на корточках сидели два санитара и укладывали в большой, зеленого цвета, ящик бинты и пакеты.

Чуть в сторонке, под кустом, расположилась девушка; она внимательно рассматривала и укладывала в санитарную сумку какие-то пузырьки и коробочки.

— Наверное, она.

— Не может быть: слишком молода.

В это время один из сидящих у ящика санитаров обратился к девушке:

— Товарищ начальник, все уложено, разрешите будить Евдокимова и грузиться?

— Нет, шофер пусть отдыхает пока.

— Товарищ капитан! — обратилась я к Ниловой, увидев на петлицах ее гимнастерки поблескивающие ка солнце знаки различия. — Нас направили из штаба к вам, вот записка.

Девушка подняла на меня строгие серые глаза, взяла записку и стала читать. Легкий загар покрывал ее худощавое милое лицо, из-под синего берета выбивались каштановые локоны.

— Очень хорошо, нам нужны помощники. Но, девушки, у нас будет трудно. В подразделениях, возможно, и без сна придется работать. Война, — внушительно сказала Нилова.

— Понимаем, — в один голос ответили мы.

Проинструктировав и снабдив санитарными сумками, Нилова повела нас в батальон, находившийся поблизости.

— Пока будете здесь, а потом Сычева пойдет на батарею, там нужен санитар. Но сейчас батарея далеко.

Так 22 июня 1941 года началась моя служба в армии.

2

Через шесть часов я приняла боевое крещение. Перед нашим батальоном была поставлена задача: уничтожить немецко-фашистский десант, прорвавшийся на улицы Львова.

Мы ехали на машинах по Жовкевской улице, мимо дома, где я жила. В нашей квартире, на втором этаже, окна и двери на балкой были распахнуты. Подумала, что вещи не удастся спасти. Но это уже не волновало.

На улице Зофии нас обстреляли. Откуда-то строчили пулеметы и автоматы. Наши бойцы стали отвечать. В ушах звенело, —казалось, что стреляют по мне. Не в силах сдержать гнетущего чувства страха, отбежала от машины и залегла у стены дома. «Ну, конечно, сейчас убьет», — промелькнула мысль. Некоторое время не решалась даже посмотреть вокруг. Неожиданно что-то сильно ударило по голове, даже в глазах засветилось. «Все! Навоевалась...» Но, опомнившись, увидела, что на мою каску упал большой кусок карниза. Было очень стыдно, что я струсила.

Поднялась и стала внимательно следить, откуда стреляют.

Из дома напротив, спрятавшись за занавеской, кто-то строчил по нашим людям. Я, не помня себя, выхватила автомат из рук раненого бойца и весь диск выпустила в окно. Грузное тело в черном пиджаке свалилось на подоконник, а потом медленно сползло в комнату. Я не отрывала глаз от окна: казалось, черный пиджак покажется снова, но никто не появлялся.

Страх утихал, уши привыкали к грохоту боя, но по телу пробегала неприятная дрожь. Я стала перевязывать раненых.

Подбежал боец.

— Сестра, командира ранили, иди перевяжи!

Побежала вслед за бойцом. Раненый оказался товарищем моего мужа. Его звали Мишей, он был тяжело ранен в. живот, Миша попросил, чтобы его поскорее отправили в госпиталь. Потом мне рассказывали, что, не доехав до госпиталя, он умер.

Батальон продолжал уничтожать фашистских десантников на улицах города. К вечеру мы дошли до Стрийското парка. Впервые мне пришлось провести ночь под открытым небом. Легла под деревом, съежилась, положила кулак под голову и заснула.

Напав на нас без объявления войны, немецкие фашисты в первый день встретили сопротивление пограничников. Только к концу дня и утром 23 июня в боях смогли принять участие передовые части регулярных войск.

Наша часть также вступила в бой на границе. Тем, кто сражался во Львове, дали отдохнуть до утра в лесу, а меня перевели в батарею противотанковых пушек санинструктором. Вечером меня разыскал муж.

Обоим хотелось помириться. Мы сели в сторонке, открыли банку консервов и начали закусывать.

— Ну, какая от тебя польза на фронте? — говорил мне Гриша. — Что ты сможешь здесь делать?

Я ему доказывала, что уже принесла вчера пользу — убила автоматчика на улице Зофии и перевязала нескольких раненых.

— Не для того меня учили на курсах снайперов, чтобы во время войны я пряталась в тылу. Я ведь комсомолка!

Гриша молчал, но видно было, что он не согласен со мной.

— Помнишь, мы видели фильм «Фронтовые подруги»? — продолжала я. — Эти девушки воевали, и хорошо воевали, почему же я не могу?

— Тамара, я обязан воевать, а ты сама идешь... Убьют меня и тебя, останется Лорочка со стариками. А потом, какой из тебя вояка! Ну как ты, женщина, пойдешь против танков?

— Так и пойду... Стану изучать противотанковую пушку, буду помогать истреблять танки. Знаешь, я хочу стать артиллеристом и свою снайперскую выучку использовать у орудия.

— Это не бабье дело, — засмеялся муж и, покосившись на мою старенькую гимнастерку и рваные брюки, сказал: —Ты меня только позоришь таким обмундированием. Пойди переоденься.

— Ничего, я еще повоюю и в этом, пока не выдадут новое.

Очевидно, мы еще долго разговаривали бы в таком духе, если бы не послышалась стрельба из зениток.

Объявили тревогу. Пришлось спрыгнуть в щель. Когда самолеты улетели, я побежала перевязывать раненых, а муж ушел в свой взвод.

На рассвете батарею направили на передовую. Мы заняли огневую позицию. Я вздрагивала от выстрелов, раздававшихся позади нас, и при свисте каждой пролетавшей над головой мины припадала к земле. Бойцы посмеивались.

— Чего боишься? Сзади, за кустами, стоят наши минометы. Они и стреляют...

Стрельба с обеих сторон усиливалась.

— Внимание! Противник пошел в атаку! — крикнул командир батареи.

Недалеко от нас, в лощине, из-за кустов выбежали вражеские автоматчики.

— Огонь! — раздалась команда, и грохот еще более усилился.

При каждом выстреле нашей пушки у меня звенело в голове, и вскоре совсем заложило уши.

— Брось сумку, подавай снаряды! — крикнул кто- то, наклоняясь ко мне. — Оглохла, что ли? — и посоветовал: — Открой рот.

Я поспешила к ящику, дрожащими руками стала вынимать снаряд и, пока вынимала, все хотела оглянуться назад. Казалось, враги вот-вот появятся на огневой. Подала заряжающему снаряд, выглянула из- за щита пушки и увидела, что гитлеровцы залегли. Разрывы снарядов и минометный огонь преградили им путь.

Потом из укрытий медленно выползли вражеские танки. Разбрасывая комья сырой земли, танки пошли в атаку, стреляя из пушек и пулеметов. Прошипевший, казалось, над самым ухом снаряд обдал меня горячим воздухом. Я упала на землю, а когда поднялась, мне бросилось в глаза, что кубок щита и панорама у пушки отбита. Прозвучала команда:

— В укрытие!

Мы бросились в щели.

— Приготовить бутылки и гранаты!

Через минуту меня снова оглушили выстрелы нашей пушки, я вспомнила совет бойца и поспешила открыть рот, потом осторожно высунула из щели голову. Вижу, лейтенант сам наводит орудие, прицеливаясь через ствол, боец заряжает пушку и она стреляет по танкам. Вдруг лейтенант схватился за грудь и упал на кучу гильз.

Страшно было, но выскочила из окопа и начала подавать снаряды бойцу, заменившему лейтенанта. Остальные, схватив бутылки и гранаты, бросились к ближайшей траншее, где приготовилась к бою наша пехота. Три танка уже горели.

Немецкие автоматчики, встретив жестокое сопротивление, повернули назад.

Надолго я запомнила свою первую встречу с вражескими танками.

На Львовском направлении противник ввел в бой крупные механизированные силы, но в течение нескольких дней все его попытки прорваться пресекались с большими для него потерями. 27 и 28 июня в районе Львова продолжались упорные бои.

29 июня мы отступили к окраинам города. Вечером я и другой санинструктор ползали между окопами, перевязывали раненых и относили их в лощину, где стояла санитарная машина. Было совсем темно, когда к машине поднесли еще нескольких раненых.

— Немедленно везите в госпиталь! — приказали мне.

По дороге нельзя было проехать. Ее загромоздили машины, танки, пушки.

— Не прорваться нам здесь, — проговорил шофер Евдокимов. — Нужно подождать, пока рассосется пробка.

— Как же раненые? Им ведь необходима помощь...

— Что же я могу сделать? — рассердился Евдокимов. — Вы же видите! — И он выключил мотор.

Чувствовалось, что шофер тоже торопится доставить раненых в госпиталь; но проехать не может.

— Вы слышали о своем муже? — помолчав, спросил Евдокимов.

— Нет, — испугалась я. — Что с ним?

— Этого не знаю, а дело он сделал большое. При мне командир полка говорил замполиту. «Жернев — герой, надо его представить к награде. Если бы не он, гитлеровцы могли бы отрезать весь полк».

— Что же сделал муж? Он жив? — волнуясь, спросила я.

— Не знаю. Подполковник только сказал: «Здорово взлетел мост!», а потом добавил, что, посылая Жернева, не рассчитывал на успех. Мост был уже у фашистов, они переправлялись, а Жернев не только мост, но и плотину подорвал. Подполковник видел в бинокль, как на переправе тонули гитлеровцы.

«Молодец Гриша!»—радовалась я и в то же время тревожилась за мужа.

Наконец затор рассосался, и колонна двинулась. На улицах Львова валялись телеграфные столбы, вывороченные рельсы, груды камней, повсюду висели оборванные провода.

С большим трудом мы добрались до госпиталя. Вернее, это была одна из поликлиник города, наскоро переоборудованная под госпиталь. Все его работники — от начальника до санитаров — были гражданскими людьми. Электростанция уже не давала света, и в помещениях горели коптилки и свечи. Госпиталь был переполнен ранеными. Они лежали в палатах, в операционных, в коридорах. Вместе с шофером мы перенесли в приемную и наших.

— Скорее забирайте людей и освобождайте носилки. Надо ехать обратно, —сказала я сестре.

Но она попросила:

— Помогите записать фамилии.

Я доставала из гимнастерок документы и диктовала фамилии. Вдруг с ужасом увидела, что у меня в руках удостоверение личности Жернева.

Не верилось, взглянула на фотокарточку и увидела знакомое, дорогое лицо.

— Гриша! — закричала я.

Сестра вскочила и подбежала ко мне.

— Садитесь, паненка, садитесь.

— Это мой муж!

Лицо Гриши закрывали окровавленные бинты. Узнать его было невозможно. Он лежал без сознания. К нам подошел врач. Я бросилась к нему, спросила: «Будет он жить?» Врач велел санитарам отнести Жернева в операционную. Я осталась в коридоре. Хотя бы дождаться окончания операции! Но надо было возвращаться на передовую...

— Берите носилки, пора ехать, — робко сказал Евдокимов.

Гитлеровцы бомбили шоссе. В полку мне снова приказали везти раненых во Львов. На этот раз путь был еще труднее: шли отступающие обозы. Только к утру мы добрались до госпиталя.

— Жив Жернев? Где он?

Сестра показала палату, в которой лежал муж. Лица и головы раненых были забинтованы. Я остановилась посреди палаты, не зная, который Гриша. Нерешительно спросила у ближайшего:

— Гриша, это ты?

Из дальнего угла послышался голос:

— Я здесь, Тамара.

Гриша лежал передо мной, неподвижный, беспомощный. Не видно лица, волос, — все перевязано, через бинты проступила кровь. Разыскала под одеялом его руку и прижалась к ней лицом.

— Как ты себя чувствуешь?

— Тяжело мне, Тамара, наверно, останусь без глаз.

Я тихонько плакала и говорила что-то несвязное, стараясь овладеть собой и ободрить его.

Мы не побыли вместе и пяти минут: меня торопили ехать.

За городом встретили свою батарею. Нам велели возвращаться в город и сворачивать на Киевское шоссе.

3

Говорили, что батарея займет оборону в Винниках, но мы продолжали отходить дальше, на Злочев. По дороге один из санитаров спросил меня:

— Что же ты бросила мужа? Фашисты занимают Львов!

Это меня огорошило. Город занимают фашисты? Гриша, слепой, израненный, остается у врага?! Тот же санитар рассказал, что час назад он вывез из львовского госпиталя раненого начальника штаба. Там остались еще раненые, в том числе и Жернев. Их не успели эвакуировать.

Я побежала к командиру полка за разрешением вернуться в город.

— Раненых не вывезешь и сама пропадешь,—возразил командир полка. — Оккупанты уже во Львове.

— Если не вывезу — приеду, но я должна попытаться спасти наших людей.

— Поезжай, —согласился подполковник, — только вооружись хорошенько. — Затем ласково добавил: — Желаю успеха.

Он вызвал шофера Евдокимова, приказал:

— В распоряжение Сычевой. Безоговорочно исполнять ее приказания.

Мы помчались. Шоссе загромождали разбитые повозки, машины. Спереди и сзади разрывались бомбы. Налеты не прекращались во все время нашего пути.

Нас остановили на погранзаставе. Я сошла с машины.

— Куда едете? В город нельзя.

— Еду за ранеными из нашего полка.

— Поворачивайте обратно, — приказал лейтенант-пограничник,— во Львове немцы.

«Нужно его обмануть, иначе не пропустит», — решила я. И, притворившись очень испуганной, сказала:

— Неужели? Значит, не поедем. Только здесь развернуться нельзя. Мы проедем вон до того перекрестка и там повернем.

Пограничник поверил. Сев в кабину, я сказала шоферу:

— Полный вперед!

Евдокимов встревоженно спросил:

— Что сказали на заставе? — Ему из-за шума мотора не был слышен наш разговор.

— Ничего. Сказали, что еще можно проехать, но нужно побыстрей.

Евдокимов дал полный газ. Мне показалось, что я слышу выстрелы. Действительно, с погранзаставы стреляли по нашей машине, вероятно решив, что мы сдаемся врагу.

Навстречу нам двигался поток беженцев. Люди не хотели оставаться во власти фашистов.

Я остановила машину и спросила, можно ли проехать в город. На меня смотрели с ужасом.

— Что вы! В городе немцы!

— Везде?

— Клепаровский вокзал и улица Первого мая заняты, а при въезде, возле Киевского, шныряет разведка, —объяснил паренек.

— Они расстреливают уходящих из города, — закричала женщина, державшая на руках двоих ребят.

Я решила, что мы успеем домчаться до госпиталя. Он стоит не слишком далеко от Киевского шоссе, а разведка нам не так страшна.

— Поедем, — повернулась я к шоферу.

Но Евдокимов заупрямился.

— Куда, врагу в лапы?

— Если ты свернешь в сторону и не будешь выполнять моих приказаний... Действуй по уставу, как приказал командир полка...

— Вот баба! — покачал он головой и нажал на педали.

Мы стремительно влетели в город. Где-то слышалась стрельба.

Озаренные пожаром улицы обезлюдели. Горели заводы, склады и жилые дома. «Въехали, а сумеем ли выехать?» — промелькнула тревожная мысль.

Наконец перед нами госпиталь. Ворота открыты, на высоком крыльце стоит человек в белом халате.

Я поднялась на ступеньки и сказала, что приехала за оставшимися ранеными.

— Нет, мы вам раненых не дадим, вы уже тут не господари. Хай живе Гитлер! — крикнул он.

Поняв, что это фашист, я подняла пистолет, прицелилась в очки в золотой оправе и спустила курок. Предатель рухнул на ступеньки.

На крыльцо выбежали врачи и сестры.

— Правильно сделали, что убили его. Он ждал гитлеровцев и нам грозил, — закричал знакомый мне хирург, тот, который распорядился забрать Жернева в операционную.

— Берите носилки и помогайте выносить раненых, — обратилась я к врачам.

Раненые, не дожидаясь носилок, выходили, поддерживая друг друга. Жернева вынесли. Я велела Евдокимову обежать все палаты, посмотреть, не остался ли кто-нибудь. Хирург помог ему вынести последних раненых и уложить их в машину. Евдокимов доложил:

— Все!

Мы хотели ехать, но хирург и еще несколько человек в белых халатах бросились к машине.

— Возьмите и нас. Мы не успели эвакуироваться...

Машина была перегружена, но я ответила:

— Быстрее садитесь!

Машина тронулась. Навстречу шли двое мужчин в гражданских костюмах с автоматами наперевес. Это, видимо, были немецкие разведчики. Нашу машину они сначала приняли, очевидно, за свою санитарную, но когда мы проскочили мимо них, сзади раздалась автоматная очередь. Мы свернули за угол.

По красному, напряженному лицу Евдокимова лился пот. Веснушки, густо усыпавшие его нос, стали ярче, большие руки судорожно сжимали руль. Машина подпрыгивала на развороченной мостовой, раненые кричали и ругались, кто-то из них стучал кулаком по кабине, требуя не гнать так, потому что быстрая езда причиняет людям боль.

Киевское шоссе было уже недалеко. Вдруг засвистели пули и в ветровом стекле образовались две круглые дырочки. Откуда стреляли, я не могла понять.

Приготовила гранату. Позади машины что-то трещало, а раненые кричали еще громче. Я выглянула, но никого не увидела. В следующую секунду вскрикнул и застонал Евдокимов. Гимнастерка на плече у него заалела.

— Ранило, — скривившись, сказал он.

— Крепись! Можешь? — опросила я и с надеждой посмотрела на шофера.

Ветровое стекло снова пробила пуля. «Откуда же стреляют?» — подумала я и увидела: слева нас нагоняет мотоциклист. Сорвала с гранаты предохранитель и, открыв дверцу кабины, кинула ее в мотоциклиста. Наша машина задрожала и вильнула в сторону. Когда дым рассеялся, мотоциклиста за нами не было видно.

Мы выскочили на Киевское шоссе. Километрах в пяти от города остановили машину. И тут увидели, что трое раненых убиты, один львовский врач смертельно ранен. Но надо было двигаться дальше.

Доехали до погранзаставы. Пограничники меня узнали и хотели задержать. Раненые возмутились:

— Этим людям надо спасибо сказать. Они вывезли нас из города, а вы их ругаете.

Лейтенант-пограничник пропустил машину.

Под городом Злочевом мы догнали свою часть. Начальник санитарной службы Нилова приказала везти раненых в Тарнополь и там сдать их на санитарный поезд.

Дорогу в Тарнополь бомбили. Мы приехали туда только к вечеру. Сдав раненых, я сама уложила мужа в вагон. Гриша просил ехать с ним:

— Буду беспокоиться о тебе, Тамара. Ты здесь можешь погибнуть. Я, наверное, останусь калекой, мне тяжело будет одному. Поедем, ты будешь работать в госпитале, в который меня положат, — уговаривал он.

С забинтованным лицом, лишенный зрения, неподвижный, лежал он передо мной. В моей душе происходила борьба. Как отпустить его одного в таком состоянии? Выдержит ли?

— Что же ты молчишь, Тамара? Ты здесь? — он шарил по одеялу, ища мою руку.

— Я здесь, Гриша.

— Поедем вместе, Тамара!

Слезы душили меня.

— Нет, не могу! — ответила я.

Хотела еще многое сказать, но слов не нашла.

— Должна остаться здесь, прости меня, пиши.

— А куда писать?

Полевой почты еще не было, и я задумалась.

— Пиши в Тарнополь, на главную почту.

Загудел паровоз. Я поцеловала мужа в забинтованную голову.

На минуту мне показалось, что готова изменить свое решение и поехать с Гришей, но чувство долга перед родиной остановило меня.

Поезд тронулся. Я спрыгнула уже на ходу. Перед глазами мелькали белые круги с красными крестами. Слезы текли по моим щекам. Долго простояла, прислушиваясь, не бомбят ли ушедший эшелон.

4

В районе Тернополя полк несколько дней сдерживал натиск превосходящих сил противника. Наступали крупные мотомеханизированные части, которые стремились прорваться на юго-восток. В этих боях советские воины показали себя мужественными и стойкими. Наша батарея, выбиваясь из сил, боролась с танками. Пехотинцы связками гранат и бутылками с горючим отражали атаки бронированных машин. Я перевязывала раненых, вытаскивала их из-под огня. К сожалению, я все еще недостаточно умело делала перевязки. Зато уже привыкла к разрывам мин и снарядов.

Встретив сильное сопротивление под Тернополем, противник вынужден был перенести свои силы на Новоград-Волынское направление.

...Наша часть получила приказ отойти в район одного из селений на старой советской границе, западнее Старо-Константинова.

Теперь было ясно, что связь с мужем у меня прервана и писем от него мне не дождаться. Недавно установленного номера полевой почты он не знал. Тревожило одно: благополучно ли Гриша доехал до госпиталя? Когда я его провожала, он жаловался на страшную боль в обожженных глазах.

Однажды поделилась своей душевной тревогой с врачом Ниловой. Та постаралась рассеять мое беспокойство.

— Раненые в тылу окружены заботой... Муж поправится, и вы еще повоюете вместе.

Слова ее не успокоили меня.

К полудню мы прибыли на опушку небольшого леса и приступили к оборудованию огневой позиции. Было приказано к утру зарыться в землю и пополнить боезапас. Очевидно, предстоял трудный боевой день.

Наводчик Юшков сказал, ни к кому не обращаясь:

— Вот и дошел враг до старой границы...

— А где старая граница? — поинтересовался кто-то.

— А вот позади нас, дальше нам нельзя отступать...

— Значит, будем драться здесь, дальше не пойдем,— с жаром сказал командир орудия Наташвили, разогнув спину, — надо поглубже зарываться. — И, поплевав на ладони,- снова взялся за лопату.

Я навела порядок в своей санитарной сумке, потом стала помогать наводчику Юшкову расчищать сектор обстрела. Недалеко в лесу проходила дорога, по ней двигались подводы с боеприпасами. Где-то в сторонке танкисты маскировали танки. Впереди нас, на поляне, безустали работали пехотинцы, роя окопы и пулеметные гнезда.

«Здесь готовится крепкий замочек», — подумала я.

Целую ночь люди не выпускали из рук лопат и кирок. А из-за леса методически вела огонь наша артиллерия, и снаряды с воем пролетали над нашими головами.

Перед рассветом прислонилась к стенке окопа и от усталости задремала.

— Кухня приехала! — прокричал над окопом командир орудия. — Идите за завтраком.

Взяла четыре чьих-то котелка. По пути в кухню пришлось ложиться, потому что противник обстреливал из минометов.

Собравшиеся около кухни бойцы торопили старшину:

— Давайте быстрее, солнце всходит! Фашисты, наверное, уже позавтракали, начинают обстрел.

Не успела я принести котелки, наполненные жирной рисовой кашей с мясом, и спуститься на дно окопа, чтобы позавтракать, как послышалась автоматная трескотня. Мины стали рваться чаще.

Юшков, отставив котелок, высунулся из окопа и крикнул наблюдателю:

— Что за шум?

— Гитлеровцы пошли в атаку, — ответил тот.

Мы видели, как маленькие серые фигурки, пригнувшись к земле, бежали в нашу сторону.

— У них и танки есть, вон из балки выходят! — крикнул наблюдатель. — Что это они позади пехоты? — удивился он.

— Расчеты, по местам! — раздалась команда.

Мы бросили котелки и побежали к орудию.

— Пока раненых нет, будешь заряжающей, ты же хотела к орудию, — сказал командир взвода.

Я встала у замка, вспомнила, как меня бойцы учили заряжать.

Танки приближались. Они ползли медленно, опасаясь наскочить на мины, и вели огонь из пушек и пулеметов, прикрывая наступление своей пехоты. Вот они подошли к нашим ориентирам.

— По головному танку — огонь! — скомандовал командир орудия.

Юшков сбросил маскировку, я втолкнула снаряд в канал ствола. Последовал выстрел.

Снаряд разорвался у головного танка, черный дым разрыва застлал машину, но через мгновение танк прорезал облачко пыли и дыма, продолжая идти. Втолкнув второй снаряд, посмотрела на Юшкова. Он, прикусив губу и прищурив левый глаз, вглядывался в панораму, лицо его стало бледным, правая рука нервно вращала рукоятку поворотного механизма. Снова прогремел выстрел, танк вздрогнул и остановился. Я зарядила в третий раз.

Следующий за первым танк развернулся в нашу сторону. Из его пушки вырвалось пламя. Земля под нами задрожала, воздушной волной меня ударило о станину. По щиту застучали осколки.

Когда поднялась, увидела, что Юшков держится правой рукой за голову, кровь проступает сквозь его пальцы и заливает глаза, но он, пригнувшись к панораме, прицеливается.

— Идите в санчасть! Здесь недалеко. — И, оттолкнув его от пушки, встала за наводку.

Танк был совсем близко, он двигался на соседнюю батарею, подставив мне свой грязный бок с крестом. Прицелилась и выстрелила. Танк остановился. Не веря глазам своим, крикнула, не слыша собственного голоса:

— Заряжайте скорее! — и дала еще выстрел на том же прицеле.

Подбитый танк воспламенился. Из щелей повалил белый дым. Башенная крышка поднялась, и из танка стали выскакивать фашисты. Я стояла, раскрыв рот, ошеломленная успехом.

Позади зарокотали моторы. На поляну выходили наши танки. Они с места открыли огонь по фашистской пехоте и прижали ее к земле. Из-за леса гремели орудийные раскаты, и снаряды рвались в балке, откуда гитлеровцы бросили на нас пехоту и танки. Вскоре над балкой взвился клуб пламени и послышались большие взрывы. По-видимому, наши артиллеристы подожгли бензохранилище и склад боеприпасов врага.

Противник засуетился. Танки его остановились, пехота залегла. В это время над нами взвились три красные ракеты. На огневой появился бледный, с перевязанной головой Юшков.

— Зачем пришел? — крикнул ему командир орудия Наташвили. — Почему в санбат не отправился?

— А что, с царапиной — и уже в санбат?

Подбежал связной командира взвода и передал приказ.

— Полк переходит в контратаку!

Шел жестокий танковый бой. Ревели моторы, пыль и дым клубились над полем. Вой, скрежет, выстрелы сливались в единый оглушающий звук. Смотрю, совсем недалеко мчится немецкий танк, а за ним — наш. Из открытой башни нашего танка валит дым, а он все продолжает преследовать врага. Когда фашист, видимо желая удрать, свернул к лесу, советский танк направился ему наперерез, догнал и с разгона врезался во вражескую машину. Оба танка остановились, окутанные дымом и пламенем.

— Вот как отстаивают границу! — воскликнул Наташвили.

Без устали стрекотали наши пулеметы, в сторону врага летели сотни снарядов, мин, взрывались фугасы. В разгар танкового сражения взвилась и повисла в воздухе желтая ракета. Впереди нас начали подниматься из траншей бойцы. С криком «ура» они бросились вперед.

Мы снялись с огневых и двинулись за пехотой.

Контратака увенчалась успехом. Наступление врага было сорвано. Наша часть продвинулась на несколько километров вперед, захватив трофеи и пленных.

Но как только стемнело, последовал приказ: «Приостановить преследование врага».

Наташвили встал на станину пушки и, погрозив кулаком в сторону запада, сказал что-то на родном языке.

Юшков задумчиво произнес:

— Эх, дали бы приказ наступать ночью, и погнали бы мы фашистов сразу на сотню километров...

— На все будет свое время, — проговорил командир взвода. — Не только на сотню километров, а до самого Берлина дойдем, когда встанет перед нами такая задача.

Юшков махнул рукой. Его не удовлетворил ответ командира.

На старой границе продолжались тяжелые бои. К нам на батарею пришел замполит полка. Вытирая платком пот с лица, он сказал:

— Противник готовится к новой атаке. Не сдавать позиций, ребята, граница наша здесь.

— Я целую батарею вот этих штучек около своей пушки приготовил! — доложил наводчик Юшков, указывая на бутылки с горючей жидкостью, которые лежали рядом с небольшой горкой снарядов. — Пусть идут фашистские танки, мы им покажем, где раки зимуют.

— А ты почему, Юшков, в санчасть не пошел? — спросил замполит, указывая на его забинтованную голову. — У тебя вон бинт кровью пропитался.

— И не пойду в санчасть, товарищ батальонный комиссар, я хорошо себя чувствую, — ответил Юшков. Его черные глаза сердито сверкали из-под белой повязки. Он помолчал и стал что-то искать в карманчике гимнастерки.

— Вот, товарищ батальонный комиссар, я написал заявление. — Юшков подал замполиту аккуратно сложенный лист бумаги.

— Он сегодня четыре раза переписывал его,— сказал кто-то из бойцов.

Замполит развернул лист.

— В партию хочешь вступить? Правильно! Только это надо отдать секретарю партбюро полка, я его увижу сегодня и передам.

Юшков благодарно взглянул в лицо замполиту.

— Ну, а как ты, Тамара, — устала?

— Немного, товарищ батальонный комиссар, — ответила я. И, подойдя ближе, тихо и взволнованно сказала: — Я тоже хочу подать заявление... Была пионеркой, потом меня приняли в комсомол, а теперь, когда родина в беде... я хочу стать членом партии.

В эту минуту мы услышали приближающийся свист снаряда и соскочили в траншею. Загудели вражеские самолеты.

Замполит ушел по траншее дальше, к бойцам. Вскоре на нас начали пикировать немецкие самолеты. С грохотом стали рваться бомбы. Кто-то крикнул:

— Сестра, комиссара ранило!

Это известие больно поразило всех. Я схватила сумку и, забыв об опасности, побежала. Нилова уже стояла на коленях и накладывала жгут на раненую ногу замполита. В боку зияла рана со вставленным тампоном. Замполит лежал бледный, но в сознании, с открытыми глазами. Слабым жестом он указал на свой планшет и прошептал побелевшими губами:

— Передайте, товарищ Нилова, заявление Юшкова секретарю партбюро и скажите, что я голосую за прием в партию.

Потом, остановив на мне свой взгляд, медленно, с расстановкой продолжил:

— И пусть готовит Сычеву, она... — замполит не договорил, его отяжелевшие веки закрылись.

По озабоченному лицу Ниловой все поняли, что батальонному комиссару очень плохо.

Вечером Нилова провожала его в госпиталь.

5

Нам было приказано отойти в район города Старо-Константинова. Трое суток здесь продолжались ожесточенные бои. Трое суток беспрерывно ревели самолеты, лязгали гусеницы танков, ходила в атаку фашистская пехота. Не переставая, рвались мины и свистели пули. Немецко-фашистское командование бросало на наш участок фронта все новые и новые силы, стараясь сломить оборону. Подбитые танки врага стояли перед нашими позициями немыми свидетелями горячих боев.

Настали четвертые сутки. Люди изнемогали. Противник с восходом солнца начал артиллерийскую подготовку. Предстоял тяжелый день. И, несмотря на то, что солнце поднималось яркое, радостное, на душе каждого солдата было тяжело. Хлеба, посеянные нашими руками, топтали кованые сапоги гитлеровцев, над волнами золотых колосьев, налитых крупным зерном, двигались немецкие танки, за ними шли фашистские автоматчики. Над высокими хлебами непрерывно свистели пули и мины. Но самым страшным, заполнявшим душу каждого из нас тоской, было отступление.

Артиллерийский обстрел продолжался. Потом налетела авиация и пошли танки, а за ними автоматчики. Третий час длился жестокий, кровопролитный бой.

Перевязывая раненых, я увидела, что у меня кончаются бинты. Надо было бежать в санчасть. В небольшом лесочке остановилась у прикрепленных к деревьям плащ-палаток. Подвешенные по кругу, они образовали большую палатку. В ней на особых носилках, как на операционном столе, лежал боец, покрытый марлей, и стонал. Двое санитаров крепко держали его за руки.

Нагнувшись над раненым, в белых халатах стояли Нилова и ее помощник — фельдшер, он подавал инструменты. Лица их были серьезны и сосредоточенны.

За моей спиной послышались шаги, и тревожный голос спросил:

— Где начальник Нилова?

— Начальник делает операцию,—ответила я, указывая на палатку, и посмотрела в полные тревоги глаза подбежавшего бойца.

Разговор услышала Нилова.

— В чем дело?

— Товарищ начальник, — сказал, заглянув в палатку, боец, — командир полка приказал немедленно эвакуировать раненых. Сейчас придут машины. У левофлангового соседа .прорвались танки и держат направление сюда. Немедленно примите меры.

— Идите! —спокойно произнесла Нилова, продолжая обрабатывать рану бойца.

Связной убежал на командный пункт.

— Товарищ Гусев! — обратилась Нилова к фельдшеру, не поднимая глаз. — Подготовьте раненых к эвакуации. Соберите всех легко раненных и, уточнив обстановку, идите на помощь, занимайте оборону. Гранат и бутылок возьмите побольше.

— А как же вы, товарищ капитан? —спросил фельдшер.

— Управлюсь одна.

— Скорее, доктор, прошу вас, скорее, — умоляюще шептал побледневшими губами раненый боец, — мне больно...

— Потерпите немного, скоро станет легче...

Через минуту Нилова выпрямилась, глаза ее сияли. Маленькая рука в желтой резиновой перчатке держала сверкающий на солнце пинцет, зажимавший извлеченную из раны пулю.

— Вот она! — торжествовала Нилова.

В это время над нами прошипел снаряд, и совсем недалеко от кустарников на дороге рвануло землю так, что все невольно пригнулись. Только Нилова, казалось, не замечала близкого разрыва.

— Вот теперь останетесь с ногой, а то бы и до госпиталя не доехали, у вас началась бы гангрена...

Снаряды рвались все ближе и ближе, перелетали через санчасть. Я хотела бежать на батарею, но Нилова, увидев меня, приказала остаться с ранеными.

— Сестра! Что там за тревога? — волновались они.

Два санитара принесли носилки с новым раненым.

Увидев вновь прибывшего, лежащий рядом, с перевязанной грудью, лейтенант с трудом повернул к новичку голову и спросил слабым голосом:

— Браток, вторая рота второго батальона не сдала высотку, не знаешь?

— Не знаю, — ответил тот чуть слышно.

— А ты, сестра, не знаешь?

— Не сдала, — твердо сказала я, хотя и не представляла, о какой высотке идет речь.

На бледном лице лейтенанта появилась довольная улыбка, и он прошептал:

— Молодцы ребята, орлы!

Из палатки вышла Нилова.

— Тамара, поручаю тебе очень ответственное дело: будешь сопровождать колонну с ранеными в город Бердичев. Подойдут машины, погрузим раненых, и поедешь.

Она испытующе посмотрела на меня.

— Дорога тревожная и дальняя. Будь осторожна... В дороге проверяй перевязки, раненным в область брюшины не давай много воды. Ты уже должна разбираться в медицине... Хотя, впрочем, твой командир рассказывал, что тебя больше интересует артиллерия, чем медицина, — добавила она недовольно.

Стало почти темно, когда все было готово « отъезду.

Нилова еще раз заботливо осмотрела всех раненых, а мне сказала:

— Ну, я полагаюсь на тебя. Утром будете на месте.

Я села в кабину первой машины, и мы тронулись

в путь. Когда проехали Старо-Константинов, остановились. На перекрестке указатель показывал — «Бердичев».

Ночь была душная, темная, но звездная. Прислушалась— тихо. На дороге никакого движения. Меня это немного удивило. Где-то стороной пролетели тяжелые самолеты противника. Потом послышался далекий, но сильный грохот.

— Поехали дальше, — сказала я шоферу, захлопнув дверцу кабины.

Мы ехали по незнакомым дорогам, без огня, не встречая ни единого человека. Мне это показалось подозрительным.

Среди ночи впереди показалось зарево. По всем расчетам до Бердичева оставалось 'Километров пятнадцать. Что же это горит? Остановила машины, решив отправиться на разведку.

Оставив старшим по колонне шофера передней машины, я пошла. В километре от колонны увидела около кювета труп красноармейца. Пройдя еще немного, увидела два трупа. Мне стало жутко — это же у нас в тылу. Но возвращаться ни с чем было нельзя. Продолжала идти к месту пожара. «Если горит деревня, — рассуждала я, — то в ней есть кто-нибудь живой и можно будет разузнать, что здесь произошло».

Чем ближе подходила, тем чаще натыкалась на убитых. Вскоре увидела, что горели не дома, а самолеты и горючее на аэродроме. Невольно опустилась на землю и отползла в сторону. Недалеко виднелось несколько домиков. Приближался рассвет. Нужно было добраться до этого жилья и выяснить обстановку.

То, что я приняла за домики, оказалось танками. Чьи это машины? Подобралась к стоящему отдельно танку. Подняла голову и увидела обведенный белой каймой крест. Сердце замерло: «Столько машин с ранеными завезла к фашистам!» Донесся слабый звук губной гармошки и пьяные голоса. Тело мое онемело, даже не могла пошевельнуться. Через несколько минут тихо поползла обратно к дороге.

Неожиданно люк башни открылся, и на предутреннем сером небе появился силуэт человека. Два немца выбрались из танка и тоже направились к дороге.

Я прижалась к земле, стараясь слиться с ней. Весело разговаривая, вражеские танкисты спокойно прошли мимо меня метрах в десяти и направились в сторону Бердичева. Тогда мне стало ясно, что Бердичев, куда мы везли раненых, занят противником.

Сначала я ползла, потом поднялась во весь рост и побежала к своей колонне.

На расспросы шоферов ответила коротко:

— Дальше проезда нет. Разворачивайтесь. Поедем обратно!

Шоферы ругались:

— Завезла не на ту дорогу!

Проехав километров десять, встретили свой полк. Я доложила обстановку под Бердичевом. Подполковник приказал нам двигаться вместе со всеми обратно и сдать раненых в Казатине.

Одна за другой, вздымая за собой пыль, шли наши машины по узкой проселочной дороге. По обе стороны колосились высокие хлеба. За нами следовала санитарная машина Ниловой. Из-за тяжело раненных приходилось часто останавливать колонну и делать привалы. От полка мы отстали, но следовали по указателям на перекрестках. На каждой остановке Нилова делала обходы. Переходя от машины к машине, она вскакивала на колесо, влезала в кузов, внимательно прислушивалась к дыханию того или другого раненого, поправляла повязку.

В одной из машин послышался протяжный слабый стон.

— Что здесь случилось? — спросила Нилова, взявшись за борт и вскочив на колесо.

Ответа не последовало. В кузове с закрытыми глазами лежал молодой капитан. Его вьющиеся светлые волосы слиплись от пота на высоком лбу. Он тяжело дышал.

— Капитан! Не падать духом, крепитесь! Скоро доедете до госпиталя, там отдохнете, — старалась подбодрить его Нилова.

Но раненый молчал, не поднимая век.

— Товарищ Гусев, сделайте укол,—приказала Нилова фельдшеру. — Девушки, смените бинты...

После укола раненый почувствовал облегчение, и когда Нилова подошла к нему, он пожал ей руку, с благодарностью взглянув на нее большими ясными глазами.

В городе Казатине мы подъехали прямо к эшелону. Гражданское население помогло нам перенести раненых в вагоны. Эшелон отправился в тыл, а мы вернулись в часть.

6

Дивизия получила приказ: задержать противника западнее Белой Церкви.

Снова завязались жаркие бои.

Как-то утром во время бомбежки я перевязывала раненого командира орудия Наташвили и только хотела пойти за санитарами, чтобы те взяли его на носилки, как услышала, что меня кто-то зовет на помощь в другом окопе. Бросилась туда. Там лежал раненый боец из роты автоматчиков. Перевязала его, дала воды, и уже закрывала флягу, как вдруг меня что-то сильно толкнуло к стенке окопа, по спине ударили комья земли. Оглянулась и с ужасом увидела авиационную бомбу. Она врылась в землю, крылья стабилизатора зловеще торчали на поверхности. У меня все похолодело внутри. Стала поспешно выбираться из окопа. В голове только одна мысль: «Вот сейчас взорвется, это бомба замедленного действия».

Выскочила из окопа, отбежала, спрыгнула в другой окоп прямо на головы бойцам.

— Что случилось, Тамара? Бомба гналась за тобой, что ли? Э-э, ты, оказывается, трусиха? — смеялись они.

Я поднялась на ноги, оглянулась. Веселый тон бойцов немного успокоил меня. И тут обожгла мысль: «Как же я бросила беспомощного бойца!»

— Помогите вытащить раненого из того окопа.

— Пусть там лежит, пока не кончится бомбежка, —ответили бойцы.

— Там бомба! — крикнула я и, выпрыгнув из окопа, побежала обратно. За мной последовал Юшков.

Подскочила к окопу, увидела — раненый открыл глаза, застонал. Мне стало мучительно стыдно.

— Скорей! — попросила я Юшкова и спрыгнула в окоп. Раненый немного приподнялся. Мы схватили его на руки, вытащили — и скорей от окопа. Но далеко отбежать не успели: землю потряс оглушительный взрыв.

Меня рвануло, отбросило в сторону, в голове зазвенело. Больше я ничего не помнила.

Очнулась в госпитале. Попыталась повернуть голову — и не могла. Хотела позвать кого-нибудь, но язык не слушался. Потом меня окружили врачи и сестры, они о чем-то говорили, но я почти не слышала их голосов. Все время нестерпимо болела голова.

Позже узнала, что была контужена и ранена в голову. Лежала в госпитале города Прилуки. Где-то недалеко от Прилук стояла наша часть, отведенная несколько дней назад на отдых и переформирование.

Однажды проведать меня приехала врач Нилова. Она привезла газеты, в которых рассказывали о людях нашего полка. О Ниловой писали в центральных газетах, а в дивизионной немного обо мне.

В госпитале ко мне относились хорошо. Девушки-практикантки, заканчивающие курсы медицинских сестер, заботливо ухаживали за ранеными. После дежурства они собирались возле моей койки и просили рассказать о боях, в которых участвовала наша часть. Я говорила с трудом, заикалась, но девушки слушали терпеливо. Много рассказывала им о Ниловой. Они восхищались ее мужеством и мечтали пойти на фронт, чтобы так же, как она, спасать раненых.

Довольно долго пролежала в госпитале, а когда выписалась, получила недельный отпуск. Решила использовать его на поиски Гриши.

В жаркий летний день, который показался мне особенно хорошим, я шагала по улицам маленького города с вещевым мешком за плечами и радовалась жизни. Как хорошо вокруг, как ласково греет

солнышко! Хотелось обнять и расцеловать всех людей, которые шли мне навстречу. Ведь это наши советские люди! Какие у них серьезные, озабоченные лица! Они сейчас работают для фронта, работают много, напряженно.

В этот день я поехала в Киев, где находилось много госпиталей. Там надеялась отыскать мужа.

Киев подвергался разрушительным бомбардировкам. Трамваи стояли, и мне пришлось пешком обходить город из конца в конец. С трудом передвигала ноги в больших кирзовых сапогах, выданных в госпитале.

На второй день поисков, к вечеру, добралась до последнего необследованного мною госпиталя, который находился в Киево-Печерской лавре. Спросила у дежурной сестры:

— Жернев Григорий Васильевич лежит у вас?

Мужа не было и в этом госпитале. Моя поездка

оказалась напрасной. Раненые, заходившие к сестре, расспрашивали, откуда я, из какой части, где воевала. Подошел человек с перевязанной рукой и забинтованной головой. Я узнала его. Это был политрук из нашей дивизии. Он знал меня еще до войны. Я вывезла его в числе других раненых из львовского госпиталя.

— Тамара, ты жива? — обрадовался он.

— Вы не знаете, где мой муж? —сразу же вырвалось у меня.

— Его отправили дальше, кажется в Нежин. А ты откуда? Видно, тоже из госпиталя?

— Да, из Прилук. Второй день блуждаю по киевским госпиталям. Так он в Нежине?

— Да, — ответил политрук. — Ты, наверно, голодная? Ты очень изменилась, похудела, острижена. Тебя не узнать... Я сейчас приду.

Он вышел и через несколько минут принес кусок хлеба с маслом и сахар.

— На, покушай, осталось от ужина.

Я с жадностью набросилась на еду. А ведь в моем вещевом мешке где-то лежал продпаек. Просто не было сил заниматься собой.

Рано утром я была в Нежине. Госпиталей здесь было, как мне показалось, не меньше, чем в Киеве. Одно облегчало задачу: они находились неподалеку друг от друга. И я была твердо уверена, что в одном из них найду Гришу.

Однако безрезультатно обошла три госпиталя. Зашла в четвертый.

— Скажите, у вас лежит раненый Жернев?

— Жернев лежит, —ответила дежурная сестра..

От радости я онемела.

— У него было черепное ранение и ожоги глаз: — объяснила дежурная.

— Он видит?

— Конечно. Он совсем уже поправился,—поспешила успокоить сестра,—должен выписаться на- днях. Сейчас пойду узнаю, где он.

Как я обрадовалась! Нашла! Нашла здорового. Значит, вместе поедем в часть.

Вернулась сестра.

— Простите, я не знала... — смущенно оказала она, — я только что приняла дежурство... Жернев, оказывается, вчера выписался.

У меня сжалось сердце.

— Куда его направили?

— Выбыл в распоряжение военкомата, узнайте там.

Каждый попадавшийся навстречу командир казался мне Жерневым. «Если он вчера выписался из госпиталя, то сегодня должен быть еще в городе». Меня не оставляла надежда увидеть мужа.

Но в военкомате мне сказали:

— Был вчера лейтенант Жернев и вчера же получил направление в часть.

— В какую?

— Направляем в близстоящие части.

Вышла из военкомата. Хотелось плакать, чувствовала себя плохо. Часто присаживалась, чтобы передохнуть. Но решила искать. Пошла по частям. Меня долго расспрашивали, откуда я, проверяли документы, а потом советовали, где еще искать. Кормили, успокаивали, но никто не мог сказать, где Жернев. К вечеру, совсем измученная, добралась до гостиницы. Утром снова зашла в военкомат и нашумела там, говоря, что должны записывать, куда направляют командиров. С досады чуть не заплакала. Дежурный сказал мне:

— Вы тут ищете его, а он, может быть, уже в вашей части.

Это предположение меня обрадовало. Действительно, Гриша скорее всего направился в свою часть. Я вышла на шоссе.

Машины ходили груженные боеприпасами, и шоферы не обращали внимания на поднятую руку. Показалась легковая машина. Я рискнула: «Дай проголосую, может быть, возьмет». Машина остановилась. Дверцу открыл пожилой полковник с большими белыми усами. «Вот сейчас он задаст мне». Полковник ждал, что я скажу, а я стояла и испуганно смотрела на него. Прервав неловкое молчание, полковник ласково спросил:

— Вам, товарищ боец, подъехать надо?

— Да.

— Садитесь.

Усадил рядом с собой. Попросил документы и, прочитав отпускной билет, удивленно посмотрел на меня.

— Вы женщина?

— Да.

— Почему же вы острижены?

— В госпитале остригли...

Полковник так приветливо разговаривал со мной, что я начала рассказывать ему о муже и расплакалась.

— Вот так боец! — засмеялся он.

Он стал было успокаивать меня, а потом откинулся на сиденье и долго молчал: пусть, мол, выплачется.

Наплакавшись вдоволь, я утихла.

Мы ехали по грунтовой дороге. Машина то и дело подпрыгивала на ухабах. Нам часто приходилось объезжать двигающиеся колоннами подводы, груженные зерном. Они' следовали с большим интервалом, опасаясь налетов авиации. Каждая подвода была замаскирована зелеными ветками. На передней мы увидели прибитый к борту плакат: «Все для фронта, все для победы!»

На полях кипела работа: шел обмолот убранных хлебов, очистка и просушка зерна. То там, то тут мелькали белые косынки колхозниц.

Полковник сказал:

— Ваш муж, возможно, из военкомата получил направление в штаб фронта. Я заеду в Прилуки, а оттуда направлюсь в штаб фронта. Поедемте со мной, там вы скорее разыщете мужа.

В Прилуках он сошел у какого-то здания, а мне велел ждать его в машине. Прошло много времени. Полковника не было. Я подумала: «Зачем ехать еще куда-то, когда Гриша, возможно, уже в своей части.

Отпуск кончается, наши могут вступить в бой, а я буду разъезжать».

Я сказала шоферу.

— Передайте, пожалуйста, полковнику, что я благодарна ему, но раздумала ехать в штаб фронта, думаю, что муж уже в части, поеду туда.

Вышла на дорогу, встретила попутную машину, на ней и поехала.

Но Жернева в полку не оказалось.

Меня встретили приветливо, особенно старые бойцы и командиры. Они добродушно посмеивались над моей стриженой головой. Я чувствовала, что вернулась в родную семью.

Вскоре полк двинулся в путь. На какой-то станции мы сели в эшелон и через несколько дней были в районе Днепропетровска, где шли бои с просочившимся на левый берег Днепра противником. Мы несколько дней обороняли деревню на берегу небольшой речушки, притока Днепра, сковывая маневры подвижных групп оккупантов.

Затем нас перебросили на кукурузное поле какого-то совхоза. Гитлеровцы, видимо, не знали наших сил и на этом участке не наступали. На правом фланге гремели орудийные раскаты и слышалась частая ружейная перестрелка.

Вечером начальник штаба приказал отправить всех бойцов из тыловых подразделений на правый фланг. Капитану Ниловой, мне и одному санитару майор велел остаться с ранеными в кукурузе. Он предупредил:

— Не спите, товарищи. Следите, чтобы немецкая разведка не подошла к вам близко. Кроме вас, на участке никого нет.

Нилова высказала опасение:

— А если противник нас атакует?

— Здесь противник не пойдет в атаку, а на правом фланге трудно, там люди нужны.

Взошла луна и осветила развороченные бомбами дома совхозного поселка. На правом фланге не утихал бой. Метрах в пятистах от нас взлетали осветительные ракеты, и где-то совсем близко строчил пулемет.

Выставив санитара в охранение на краю кукурузного поля, мы с Ниловой, прижавшись друг к другу, сели в окопчике и стали вспоминать прошлые дни, говорить о родных и товарищах. Нилова была москвичка. Она рассказала, как на первомайском параде проходила мимо мавзолея и товарищ Сталин улыбался и приветствовал колонны демонстрантов. Я завидовала Ниловой, — она видела на параде товарища Сталина, а я даже ни разу не была в Москве.

Разговор прервала близкая автоматная очередь. Нилова вскочила.

— Видишь, какого нахальства набрались! — прислушиваясь, сказала она.

Я трусила: вдруг гитлеровцы узнают, что здесь почти никого нет, придут сюда и перережут нас и раненых, ведь по кукурузе нетрудно подобраться незаметно.

Внезапно мы услышали окрик часового:

— Стой! Кто идет?

Нилова вставила новый диск в автомат.

— Посмотрю, кто там ходит, а ты иди к раненым.

Она скрылась в высокой кукурузе.

Не успела я поднять санитарную сумку, как раздался приглушенный гортанный крик — и сразу все стихло.

«Что-то неладно», — подумала я. И, надев через плечо сумку, пошла к раненым.

— Сестра, что за крик? — спросил меня раненый капитан.

— Не знаю, туда пошла Нилова, — ответила я, стараясь скрыть тревогу.

— Дайте мне воды, — попросил капитан.

Когда я поила его из алюминиевой фляги, застрочил наш автомат и послышался пронзительный крик Ниловой:

— Хальт! Ложись!

И снова выстрелы.

— Тамара! — долетел до меня тревожный голос Ниловой.

Я побежала на помощь. Но высокая кукуруза мешала видеть. «Дам очередь», — и я нажала на спусковой крючок. Пули одна за другой полетели в небо, и сейчас же совсем близко последовала ответная очередь. В нескольких шагах от меня над кукурузой показался летний кожаный шлем Ниловой.

— Тамара, — не оглядываясь, сказала она,— смотри, я двух разведчиков поймала. Они задушили нашего часового. Я незаметно подкралась и дала очередь им по ногам, заставив лечь.

На земле лежали, вытянув руки, два здоровенных гитлеровца. Один из них тихо стонал, видимо жалуясь на простреленную ногу. Нилова крикнула им что-то по-немецки.

— Тамара, обыщи их, — сказала она. — Они обижаются, что к русским бабам в плен попали.

Я не совсем смело подошла к немцам и начала выворачивать их карманы. Нилова заметила мою робость:

— Ты смелей, не бойся. Пусть только пошевельнутся... Я их предупредила.

В карманах нашла зажигалку, фонарик, перочинные ножи и какие-то таблетки.

— Сними с них автоматы, — раздраженно проговорила Нилова.

Я поняла, что ошиблась. Прежде всего надо было забрать оружие. Когда доложила, что все готово, Нилова сказала:

— Я их отведу в штаб, а ты останешься на посту. Да смотри в оба, — добавила она.

Я осталась одна. «А вдруг еще фашисты подойдут?» — закралась тревожная мысль. Несмотря на то, что была теплая летняя ночь, меня знобило. Прислушивалась к каждому шороху.

На небе плыла большая круглая луна. Она серебристыми лучами освещала, кукурузные листья. Вдруг совсем рядом листья зашелестели. «Кто же это? Наверное, гитлеровцы зашли с тыла?»

— Стон! Кто идет? - крикнула я не своим голосом и машинально выпустила очередь в воздух.

— Ты с ума сошла, Сычева! Свои, — раздался знакомый голос.

Через минуту показалась голова раненого капитана.

— Хочешь добить? Я и так еле двигаюсь.

— Что вы здесь ходите? — рассердилась я на него, хотя рада была живому человеку. Я рассказала капитану о происшедшем.

— Нилова геройская девушка, я давно знаю ее, — ответил он. — Это, наверно, была разведка, надо ждать новых гостей.

Скоро возвратилась Нилова. Капитана она отругала за то, что тот встал.

— Вам нельзя ходить. Утром придет машина, поедете в госпиталь.

— Нет, я завтра на передовую пойду.

— Идите на место, — строго сказала Нилова капитану. — Ия пойду с вами, посмотрю раненых, а ты оставайся здесь, Тамара. Скоро будет светать.

Когда рассвело, подошли наши.

— Ну как, девушки, здорово трусили? Строчили всю ночь. Мы слышали, как вы тут огрызались, а помочь вам не могли. Противник все время нас атаковал: хотел прорвать нашу оборону.

День прошел спокойно. Вечером меня вызвали в штаб полка. В чисто убранной крестьянской хате, над столом, покрытым клетчатой полотняной скатертью, висела маленькая керосиновая лампа с закопченным стеклом. За столом сидел командир полка и что-то отмечал на карте.

Я доложила о прибытии.

— Сычева, хотим дать вам ответственное задание, — сказал командир полка, поднимая голову. — Пойдете в разведку в тыл врага?

Вопрос был для меня неожиданным, и я молчала.

Командир полка, видя мою нерешительность, спросил:

— Вы что, боитесь?

— Конечно, страшно, — призналась я, — но если нужно...

— Я уверен, что вы успешно выполните задание, — перебил он. — Здесь нужна женщина. В деревне, где мы стояли неделю назад, противник сосредоточил много войск. Вы помните хату, где находился штаб полка?

— Хорошо помню. Наша батарея недалеко от этой хаты стояла.

— Да, да. Так вот вам задача: пройти в эту хату. Хозяин ушел в партизаны еще при нас, дома осталась хозяйка с двумя детьми.

— Как я перейду линию фронта?

— Пойдете с группой разведчиков, они вас проведут через боевое охранение немцев. Вот карта деревни. Изучите. Ваша задача — проникнуть в деревню и запомнить: в каком месте огневые точки противника, где стоят танки, артиллерия. Есть ли у них там штабы. Запомните силы врага...

Всю ночь я не спала, обдумывая, как лучше выполнить задание. Заснула только на рассвете.

С вечера пять разведчиков и я стали собираться в путь.

Командир разведывательного взвода, лейтенант, принес мне туфли, ситцевое платье и косынку. Дал кошелку, в ней лежал крестьянский хлеб и килограмма два сала. Все это для маскировки.

— Если попадешься, — сказал командир взвода,— говори, что идешь к тете Гаше, так зовут хозяйку хаты.

— Я знаю ее хорошо. Если попадусь, лучше умереть...

— Умереть никогда не поздно. Надо выполнить задание, — строго сказал лейтенант.

В двенадцать ночи мы вышли. Впереди шел командир. За ним легко и неслышно двигались бойцы. Последней шла я.

Ночь была облачная и прохладная. В легком платье с короткими рукавами я продрогла. Но, возможно, дрожала не только от свежести летней ночи. Ведь это была моя первая разведка. За бугром изредка вспыхивало зарево, временами слышалась пулеметная или автоматная стрельба. Разведчики шли быстро, мягко ступая, словно им не раз приходилось ходить по этой дороге. Я отставала: мешала кошелка. Один из бойцов предложил:

— Давайте понесу.

Отдала ему ношу и пошла быстрее.

Пулеметные очереди стали слышны совсем близко. Мы спустились в траншею и, пройдя по ней немного, остановились. Тут находилась пулеметная рота, бойцы разговаривали шепотом, никто не спал.

— Ну, ребята, закуривай, — сказал командир взвода разведчикам.

Я присела на корточки и прислонилась к стенке траншеи. Засветились папироски, кто-то из пулеметчиков предупредил:

— Прикрывайте рукой, а то немецкий наблюдатель заметит.

— Ведете в гости? — спросил командир пулеметчиков лейтенанта, указывая на меня.

— Да.

— Это нужно.

Мы двинулись дальше. Мины изредка прижимали нас к земле. Вскоре пришлось ползти.

— Здесь начинается боевое охранение врага, — прошептал лейтенант.

Впереди послышались голоса. Немцы сменяли посты. Мы залегли. Когда шаги затихли, поползли дальше. Меня подозвал командир взвода.

— Мы останемся здесь. Если надо будет, откроем огонь, а ты ползи вперед.

На спину мне прикрепили кошелку с салом.

Простившись с товарищами, я поползла.

Где-то вспыхнула ракета. Подняла голову и впереди увидела силуэты домика и деревьев.

Двинулась дальше. Ползла долго-долго. Показалась дорога. Хотела ее пересечь, но чудилось, что из темноты за мной следят десятки глаз. Пересилила страх и поползла дальше. За дорогой начались огороды, шелестела высокая ботва картофеля. В голове вертелись десятки ответов на случай, если попадусь. «Скажу, что несу тетке Гаше сало. Неужели она откажется принять его? Не может быть, у нее муж — наш человек, меня она знает. И соседи люди надежные». Ползла очень медленно, чтобы не шуметь.

В нескольких метрах от дороги услышала приглушенный разговор, раздавшийся как будто из-под земли. Приподнялась и увидела землянку, сквозь щель пробивался свет.

Направилась в сторону, в гущу зелени. На всякий случай тихо сняла со спины кошелку и положила ее рядом. В это время свет в землянке погас. «Ну, — думаю, — сейчас выйдут». Но никто не показывался: наверное, легли спать. Вдруг за кустом послышалось сопение. Сквозь ветви разглядела, что там не то на камне, не то на пеньке, опершись на винтовку, дремлет солдат.

Сзади меня вспыхнула ракета. Я быстро осмотрелась и увидела, что других часовых поблизости нет. «Что же лежать? Скоро рассвет...» Продвинулась левее. Подо мной треснул сучок. Часовой поднял голову, сонными глазами оглядел огород и, не найдя ничего подозрительного, снова задремал.

«Обойди его да побыстрее», — сверлила мысль. Только отползла в кукурузу метров на двадцать, позади меня, там, где остались разведчики, тишину разрезала автоматная очередь, взрывы гранат. Затем, так же внезапно, как и началось, все стихло.

Я забросила за спину кошелку и подползла поближе к деревне. Неподалеку от крайней хаты залегла в подсолнухи, поджидая рассвета.

В забытьи не заметила, как развеялся предутренний туман. Уже совсем рассвело. Мимо проскрипела подвода.

Дрожащими руками я нарвала полную корзину подсолнухов и пошла к дому тети Гаши. У самого крыльца стоял замаскированный соломой и ветками танк. Солдат тащил из колодца воду, он мельком взглянул в мою сторону.

Дверь открыла хозяйка, она не узнала меня и нерешительно посторонилась. Чтобы не обратить внимания гитлеровцев, я, ничего не говоря, прошла в кухню. У стола поставила кошелку. Растерявшаяся хозяйка в упор молча смотрела на меня.

Я сдвинула платок, и она, взглянув на стриженую голову, узнала меня.

— Это ты, доченька? — шепнула она и побежала прикрыть дверь. — Откуда?

— От наших...

— А это что?

— Сало вам принесла.

Шепотом я рассказала, что пришла по заданию и завтра к вечеру должна уйти. Тетя Гаша предупредила, что в комнате спят гитлеровцы. Она поставила передо мной большой таз с водой. Я умылась, потом достала из кошелки сало, хлеб, и мы поели.

— Два дня сидим голодные, немцы все подобрали, — пожаловалась хозяйка.

Она предложила мне залезть на печку, где спал ее тринадцатилетний сын Митька. Когда мальчик проснулся, мы разговорились. Гитлеровцы к этому времени уже ушли.

Митька мечтал стать партизаном, как и его отец. Толковый мальчишка, он рассказал мне, где стоят неприятельские пушки, где находится штаб. Затем Митька пошел в деревню и уточнил нужные мне сведения. Я старалась все запомнить.

К вечеру я могла бы уйти, но приказ был вернуться только завтра, когда меня будут ждать разведчики.

В кухню вошли солдаты готовить себе ужин.

— Партизан? — спросил один из них, присматриваясь ко мне.

— Моя сестра, пришла из другой деревни, сала принесла, — ответила за меня тетя Гаша. — Переночует, а завтра домой, — и она достала из кошелки сало, чтобы отвлечь внимание гитлеровца, а я, глядя ему в глаза, громко и глупо рассмеялась.

Увидев сало, гитлеровец улыбнулся, у него загорелись глаза. Тотчас к столу подскочил второй, и они, схватив самые большие куски, стали жадно есть.

В соседней комнате послышались шаги, и, широко распахнув дверь, в кухню вошел офицер. Солдаты, бросив на стол недоеденное сало, подбежали к нему. Офицер что-то сердито сказал им и вернулся к себе, а они забегали из кухни в комнату, поднося ему ужин, потом забрали наше сало и ушли.

Весь вечер и всю ночь кричал трехмесячный сын тети Гаши Коля. Мальчик заболел. Ночью несколько раз входил солдат и ругался, говоря, что ребенок мешает спать офицеру.

— Офицер капут киндер: пук-пук, — и солдат показал согнутым пальцем, что спустит курок.

Как ни успокаивала перепуганная тетя Гаша маленького Колю, он кричал все сильней и корчился от боли в животике. Вдруг мы услышали, как офицер закричал и, разъяренный, появился на пороге. Он выхватил Колю из рук матери, открыл дверь и, размахнувшись, выбросил ребенка во двор.

Обезумевшая мать выбежала следом, я кинулась за ней. Коля лежал на земле и уже не кричал, а только тихо стонал. Тетя Гаша бросилась на землю, приподняла головку мальчика, но в этот миг маленькое тело вздрогнуло: ребенок скончался. Мать долго лежала над ним, и я не могла ее поднять. Потом, опомнившись, она вырвалась из моих рук и побежала в хату. Не знаю, что она там делала, но через минуту раздался выстрел и донесся крик старшего сына — Митьки. После второго выстрела умолк и он.

Вернуться в хату я уже не могла и решила спрятаться в подсолнухах.

Поднялось солнце. Издали я увидела, как совершенно спокойно, будто ничего не случилось, вышел на крыльцо убийца. Он был в ярко начищенных сапогах, так же, как сапоги, блестели его напомаженные и прилизанные волосы. Солдаты бросили трупы на подводу и повезли в степь.

У меня больно сжалось сердце.

Проходя по деревне, запоминала, где стоит артиллерия, подсчитывала замаскированные танки, отмечала количество дымящихся походных кухонь врага.

В полдень вышла за деревню и залегла в кукурузе недалеко от той землянки, где наткнулась на часового; там и пролежала до полуночи, наблюдая за движением в сторону передовой. По дороге прошло много пехоты, танков, проехали мотоциклисты.

Когда молодой месяц был над головой, сползла в лощину к тому месту, где должны были ждать разведчики. «Но почему же никого нет? Еще рано, или я заблудилась? Может быть, ползти одной. Наша передовая недалеко». Только двинулась, как рядом зашуршала трава. Я затаила дыхание.

— Тамара? — шепнул кто-то.

— Да, — обрадованно ответила я.

Ко мне подполз командир взвода разведчиков.

До своих мы добрались благополучно. В штабе доложила все, что узнала в деревне о противнике. Рассказала о гибели тети Гаши и ее детей.

— Дать огневой налет по домику тети Гаши,— приказал командир полка.

7

На следующую ночь полк перешел в наступление и стремительной атакой к утру выбил оккупантов из деревни. С восходом солнца на нас налетела авиация противника. Самолеты пикировали звено за звеном, многие дома пылали. В санчасть начали прибывать первые раненые, и мы стали перевязывать их.

Едва улетели самолеты, противник открыл по деревне артиллерийский и минометный огонь. Мины ложились все ближе и ближе. Только я хотела наклониться над раненым, чтобы перевязать его, как меня с необычайной силой ударило в спину и отбросило далеко в сторону.

Долго ли пришлось лежать, не знаю. Когда очнулась, голова болела, в ушах звенело. Над нами завывали вражеские самолеты. Кто-то громко кричал и просил помощи, но я не могла двинуться.

В грохоте разрывов услышала, как Саша Нилова что-то уверенно приказывала санитарам и фельдшерам.

«Если эта девушка здесь, — подумала я, — то ни один раненый не останется без помощи». С трудом подняла голову и окликнула ее.

Саша подошла и ловко приподняла меня.

— Теперь, Тамара, твоя мечта сбудется, — пошутила Нилова, — в Москву попадешь. Не в Москву, так в Новомосковск, в госпиталь, — поправилась она.

Наложила повязки и добавила:

— Ничего страшного нет, осыпало тебя осколочками и контузило немного.

У меня болело все тело, особенно спина, буквально утыканная осколками. Я лежала на животе и стонала.

Раненый, которого поместили около меня, спросил:

— Откуда родом, девушка?

— Из Крыма. В Керчи жила, в Симферополе.

— В Керчи-и! — протянул он. — Что-то голос знаком, да не вижу тебя, — у него была забинтована голова. — Как твоя фамилия?

— Сычева.

— Тамара! — воскликнул он.

Это был Семен Новосильцев, монтер Керченского металлургического завода имени Войкова.

В годы первой сталинской пятилетки я по путевке райкома комсомола работала в Керчи на строительстве домны «Комсомолка». В семнадцать лет стала мастером никелировочного цеха. Все детали для подстанции домны никелировались в нашем цехе.

Трудно передать, как я обрадовалась встрече. Но мы не могли даже повернуться друг к другу. Так и разговаривали: я — уткнувшись лицом в холст носилок, он — неподвижно лежа на спине.

На следующий день нас отправили в тыл. Я пролежала в госпитале несколько дней и уже могла ходить. Но здоровье мое было сильно подорвано. У меня начались припадки, я похудела и потеряла аппетит. Военно-медицинская комиссия признала, что мне нужен не госпитальный, а домашний режим, и дала мне отпуск на шесть месяцев.

В очень тяжелом состоянии, с еще не зажившими ранами и трясущейся головой я пробиралась домой. По железной дороге проезда в Крым не было: гитлеровцы уже стояли у Перекопа. Пришлось ехать на Новороссийск, а потом морем.

8

Рано утром сошла с теплохода в Феодосии. Нужно было доехать до Белогорска, где последнее время жили мои родные, но на рейсовую машину опоздала. Закинула за плечи почти пустой вещевой мешок и пошла пешком. На шоссе меня подобрал грузовик. К вечеру добралась до Белогорска.

Был теплый октябрьский вечер. Заходившее солнце обливало розовым светом известняковые горы. Тишину нарушало только блеяние овец и мычание коров, возвращавшихся с пастбищ. Я сняла вещевой мешок, вытерла пот с лица и села на камень.

Где-то недалеко запела женщина:

Если ранили друга, сумеет подруга Врагам отомстить за него.

Если ранили друга, перевяжет подруга Горячие раны его.

Над городом быстро сгущались сумерки. Я заторопилась. Пошла по улицам быстро. Знакомые не узнавали меня, и я никого не останавливала.

Дверь открыла мать. Она постарела и осунулась за то время, что я ее не видела. Меня она в сумерках не узнала.

— Что вам, товарищ военный?

— Это я, мама.

Она бросилась ко мне и заплакала. Худая, сгорбленная, остриженная, я ее очень напугала.

— Где папа и Лора? — спросила я, оглядывая комнату.

— Папа еще на работе, — ответила мать сквозь слезы, — а Лорочка спит.

Она включила в спальне свет. Я тихо вошла за нею. На маленькой белой кроватке, широко раскинув ручки, спокойно спала моя дочурка. Я не сразу решилась поцеловать ее своими обветренными, огрубевшими губами.

Мать усадила меня на диван и, вытирая набегавшие слезы, начала рассказывать:

— Сколько мы пережили за эти месяцы! Ведь ничего не знали о тебе и Грише! Каждый раз, когда отец приходит с работы, я уже знаю, о чем он спросит: «Нет ли писем от детей?» А я, чтобы не показать своих слез, делаю вид, что чем-то занята. Думали, что ты погибла на границе. И вдруг, как-то слушая радио, узнали, что ты жива и отличилась...

Вскоре пришел отец. На пороге он спросил:

— От детей ничего нет?

— Писем нет, — едва скрывая радость, ответила мать.

Я не выдержала, выскочила в столовую и бросилась к отцу.

Отец работал в районе старшим плодоводом. За ужином он рассказал, что готовится стать партизаном, ежедневно после работы изучает военное дело.

Рано утром меня разбудил детский лепет. Лорочка стояла у моей кровати и с удивлением смотрела на меня своими большими серыми глазами. Я хотела ее притянуть к себе, но она упиралась и кричала, заливаясь слезами:

— Не надо! Не надо!

А бабушка уговаривала:

— Это твоя мама.

— Нет! — кричала она. — Это не мама... — и ни за что не шла ко мне...

...В Белогорске я впервые близко познакомилась с работой советского тыла. Меня поразило спокойствие, с каким наши люди работали для фронта. В швейных мастерских, где раньше шили дамские наряды, теперь круглые сутки машины строчили военное обмундирование и белье. Там, где раньше изготовляли модельную обувь, теперь выпускали сапоги и ботинки военного образца.

Когда я спустя несколько дней пришла в райком партии, там было много коммунистов, требовавших назначения в партизанские отряды. Здесь, в райкоме, встретила свою старую приятельницу и сослуживицу Пашу Федосееву. Мы очень обрадовались встрече.

Паша была значительно старше меня. Когда-то мы вместе работали. Она была членом партии, а я комсомолкой. Помню, однажды после моего отчета на партсобрании Паша по-большевистски критиковала меня, а я, не поняв критики, обиделась на нее. Теперь же я встретилась с ней, как с родной.

Паша рассказала, что читала в местной газете статьи о наших земляках-бойцах.

— А я пойду в партизанский отряд, — сообщила она.

— Но у тебя ведь трое детей, Паша?

— У меня дети большие: сын уже в армии, теперь и дочь идет на фронт, а маленького оставлю у сестры. Помнишь, мы с тобой были у нее, в Зуе, проездом из командировки?

— Помню.

— Я уже отвезла мальчика. Буду добиваться, чтобы меня взяли в отряд. Об этом хочу говорить с секретарем.

— Я тоже пойду в отряд, если мне разрешат.

Из кабинета секретаря райкома Паша вышла сияющая, пожала мне руку и сказала:

— Будем вместе воевать.

Секретарь Белогорского райкома партии был очень занят, но меня все же принял и выслушал. Я просила зачислить меня в партизанский отряд. Проверив мои документы, секретарь сказал:

— Нет, этого я разрешить не могу. Вам надо ехать в тыл.

— Эвакуироваться?!

— Да, вам необходимо эвакуироваться, — твердо произнес он и, чтобы не продолжать спора, встал. — Вашего отца я знаю хорошо, ему тоже надо эвакуироваться. И поторопитесь сегодня же уехать, — добавил он.

Никакие мои доводы не помогли, секретарь был неумолим. С большой обидой вышла из его кабинета. В приемной стали расспрашивать:

— Ну что, разрешил?

— Нет, отказал, — ответила я с досадой.

— А ты зайди к Надежде Анисимовне Березовиченко. Здесь второй секретарь — женщина, она тебя лучше поймет, — посоветовал кто-то.

— Знаешь, Сычева, — сказала мне Березовиченко, женщина с утомленными от бессонных ночей глазами, — я тоже, как и ты, хотела отправиться в лес и воевать в тылу врага, но мне это запретили товарищи. У меня двое детей, один из них грудной, а муж ушел на фронт. Но я решила увезти детей в тыл и вернуться в распоряжение командования, Я тебя, конечно, понимаю, но советую уехать, тем более, что здоровье у тебя неважное.

Увидев через расстегнутый ворот гимнастерки еще не снятые бинты, она добавила:

— Трясешься вся и раны не совсем зажили... Обузой только будешь в лесу.

— Раны — это ерунда, они быстро затянутся.

— Нет, Сычева, эвакуируй семью, подлечись, а вернуться всегда сможешь... Завтра я поеду в Керчь и оттуда через пролив переправлюсь на Кубань. Могу и вас забрать, — сказала она в заключение.

Обстановка на Крымском фронте в последние дни октября резко изменилась. Противник бомбил крымские города, шли бои на Перекопе и Сиваше.

Тридцатого октября, за несколько дней до прихода оккупантов, мы выехали в Керчь.

В Керчи я познакомилась с Григорием Жерневым, который потом стал моим мужем. Он тоже работал на заводе имени Войкова. Мы оба учились на вечернем рабфаке, были в одной комсомольской организации.

До войны в воскресные дни на набережной Керчи гуляла рабочая молодежь. Мы с Гришей смотрели на море, катались на лодке, а на берегу, в ресторане, ели чебуреки. Больно было теперь смотреть на разбитые здания. Перепуганные жители рассказывали о недавней бомбежке: бомба попала в баржу с боеприпасами. Снаряды рвались двое суток подряд.

На пристани несколько семейств ожидало катер, чтобы переправиться на Кубань. Мы с Березовиченко пошли к коменданту узнать, скоро ли подадут судно. Из приемной коменданта услышали залпы зениток и рев самолетов. Выскочили во двор. Над пристанью, где оставили родных с ребятами, вздымались клубы черного дыма. Бросились туда. Вокруг рвались бомбы, свистели осколки. Мы ложились, бежали, снова ложились.

Когда подбежали к пристани, налет окончился. Мои старики сидели бледные, оглушенные. Перепуганная Лорочка плакала. Фашистские стервятники убили и ранили много женщин и детей.

Вскоре к пристани подошел небольшой катер, началась посадка. Снова забили зенитки; с запада, со стороны заходящего солнца, выплыли самолеты. Некоторые эвакуируемые успели погрузить вещи и взойти на катер. Двое детей Березовиченко, мама с Лорочкой тоже были уже на палубе. Я, отец и Надежда Анисимовна не успели сесть и остались на берегу. Катер отчалил. В море его настигли фашистские хищники. Вихри воды скрыли от нас судно, а бомбы со свистом все падали и падали вокруг. Трудно передать, что мы пережили в те минуты.

Как только самолеты улетели, тяжело погруженный в воду катер вернулся к пристани. Вынесли раненых и убитых. Судно сильно потрепало, и оно не могло уже идти в рейс. Ночь пришлось провести на берегу.

Утром к пристани подошел другой катер. Быстро погрузились, и катер отчалил. Холодный предутренний час заставил пассажиров спуститься с палубы вниз. Мне хотелось еще раз посмотреть на Керчь, и я осталась на палубе. Когда увижу этот город вновь?

День начинался в мутном тумане. Присела на скрученный смоляной канат на корме, подняла воротник шинели. С тоской в сердце смотрела на удаляющийся берег. Подожженные бомбами дома Керчи еще дымились, изредка выбрасывая языки пламени.

Встала у борта катера, и даже в это осеннее, туманное утро мои глаза отыскали вышки доменных печей. Сколько светлых воспоминаний связано у меня с заводом! «Может быть, завтра враг придет в Керчь и будет разрушать все, что построено нашими руками, а я еду отдыхать, — обожгла меня мысль. — Была бы на передовой — подбила бы танк, раненого бы перевязала...»

В это утро, покидая родной Крым, впервые почувствовала, как он дорог мне. И я поняла, что не смогу просидеть ь тылу положенных шести месяцев. «Устрою родных и уеду на фронт», — решила твердо.

Спустилась с палубы только тогда, когда берег скрылся из виду. Перепуганная бомбежками Лорочка во сне вздрагивала и плакала. Катер мерно покачивало, люди, измученные переживаниями, забылись тревожным сном.

9

Дальнейшее наше путешествие было полно трудностей и неудобств. Однако мы сравнительно быстро добрались до назначенного нам места — города Сталинири в Южной Осетии. Этот маленький городок принял нас очень гостеприимно. К эвакуированным заботливо отнеслись местные власти. Нам дали комнату, отцу предоставили работу. По нескольку раз в день соседи — грузины и осетины — приходили справляться, как мы устроились. Они всячески старались помочь нам, делились всем, чем могли.

Однажды, сидя у окна на колоде, — у нас не было ни стульев, ни стола, — я увидела подъехавшую к дому подводу, нагруженную доверху деревянными кроватями, скамейками, столом и даже шкафом для посуды. В комнату вошел старик-грузин и передал мне письмо. Я прочла:

«Уважаемая Тамара Александровна! Примите этот скромный подарок от рабочих и работниц деревообделочной фабрики, посылаем его ото всей души. Мы ежедневно после работы делали мебель в подарок эвакуированным и инвалидам-фронтовикам».

Заботливость сталинирцев нас очень растрогала. В этот же день я пошла на фабрику и попала как раз на собрание.

— Я горжусь тем, что своим трудом помогаю фронту, — сказала в своей речи на собрании работница Шведова. — Я эвакуирована из Курска. Муж мой воюет, он капитан. Получая от него по аттестату, я с двумя детьми материально обеспечена. Но мне стыдно бездельничать в такое время... Вместе с другими женщинами — женами фронтовиков — я решила пойти работать. Меня направили на эту фабрику. После напряженного трудового дня я прихожу домой усталая, утомленная, но счастливая от сознания, что помогаю фронту. Младший сын однажды спросил: «Мама, какая же это помощь фронту — делать шкафы и столы?» Я не знала, что ответить ему, а сегодня скажу: «Помогать фронтовикам-инвалидам, семьям погибших и эвакуированных — это тоже помощь фронту. Заботясь о них, мы помогаем фронтовикам громить врага».

Потом выступали другие работницы — грузинки, осетинки... Они говорили, что стали к станкам, чтобы заменить своих отцов, мужей и братьев, ушедших на фронт.

Придя домой, я сказала себе: отдохнула немного — и достаточно. Решила до окончания отпуска поступить на завод в Тбилиси. Родные с радостью встретили это предложение, втайне, очевидно, надеясь, что я отказалась от мысли идти на фронт.

...Уже издали я увидела высокие трубы. Раздался протяжный заводской гудок, возвестивший окончание дневной смены.

Подойдя к массивному красивому зданию, я увидела надпись: «Заводоуправление». Мне захотелось остановиться у проходной и посмотреть, как будут гурьбой выходить рабочие, Ведь так было в Керчи; шумная, веселая толпа людей в комбинезонах высыпала после гудка из ворот завода и растекалась во все стороны. Но почему же здесь никто не выходит? Показалось несколько пожилых женщин, и все. Меня это удивило.

Постояв несколько минут, пошла в контору. В коридоре меня обогнала девушка лет двадцати, высокая, стройная, с черными косами, повязанная пестрым клетчатым платочком.

На двери висела белая эмалевая табличка: «Приемная директора».

— Директор принимает? — спросила я женщину, сидевшую за пишущей машинкой.

— Нет, он пошел на завод, — ответила она. — Посидите, он скоро вернется.

Только я присела на кожаный диван, как открылась дверь и быстро вошла девушка, обогнавшая меня в коридоре.

— Парторг здесь?

— Ушел.

— Ты пойми, Катрио, — волнуясь, начала девушка, — вчера моя бригада выполнила две нормы, сегодня — две с половиной, а завтра сделает четыре! Выполнит, — уверенно повторила она, качнув красивой головой. — Мы взяли на себя обязательство к завтрашнему гудку выполнить четыре нормы, — сказала она, разыскивая что-то в карманах своей спецовки.

Меня заинтересовала эта энергичная девушка, и я, чтобы начать разговор, спросила:

— Почему у вас после гудка рабочих не видно?

Девушка удивленно посмотрела на меня, на мою потертую солдатскую шинель, кирзовые сапоги и холодно ответила:

— Мы, правда, не на фронте, а в тылу, но работаем для фронта. Наши рабочие не уходят с завода по двое, а то и больше суток. — Девушка подала секретарю исписанный листок бумаги.

— Отдай, пожалуйста, парторгу, когда придет. Это обязательство моей бригады, а я вернусь через несколько минут.

Покосившись на меня, она стремительно вышла из комнаты.

— А что вы хотели узнать у директора? — спросила секретарь.

— Я хотела устроиться на работу.

— Вы были на фронте?

— Да.

— А сейчас?

— В отпуску.

Вошел директор и пригласил меня в кабинет. Я рассказала ему о себе.

— У меня осталось четыре месяца отпуска. Здоровье поправилось, и я хочу на это время поступить на завод. Специальность у меня — никелировщица.

— У нас никелировки нет, у нас — хромировка.

— И хромировку я знаю.

Открылась дверь, и показалась та же девушка в пестром клетчатом платке. Директор позвал:

— Юлия.

Она вошла.

— Юлия Заидзе — бригадир хромировочной бригады, — сказал директор, рекомендуя мне девушку. — У нее в бригаде все комсомольцы. Пока еще на заводе никто не может их перегнать. Какие планы у вас на сегодня? — спросил он Юлию.

— Мы решили остаться на вторые сутки, бригада обязалась дать четыре нормы. Вызвали на соревнование сборочную бригаду.

Я, не отрывая глаз, смотрела на Юлию.

— Познакомьтесь, — директор указал на меня, — товарищ Сычева, фронтовичка. Хочет поступить к нам работать. Она ранена и сейчас в отпуску.

Юлия теперь совсем иначе посмотрела на меня и крепко пожала руку.

— Теперь понятно, почему вы удивились, когда прогудел гудок и никто не пошел домой. Вы, наверное, недавно с фронта? — смущенно спросила она, видимо, чувствуя себя неловко за свою холодность в нашем предыдущем разговоре.

— Да, — ответила я.

Юлия взяла меня за руку и повела в цех. Я еле поспевала за нею.

— Товарищи, вот фронтовичка! — крикнула Юлия, остановившись посреди большого светлого цеха. — До войны она была никелировщицей.

Нас окружили девушки и парни в замасленных спецовках.

Посыпались вопросы, на которые я едва успевала отвечать. В это время объявили, что в столовой начинается митинг. Мы пошли туда.

Слово взял парторг. Он сказал, что комсомольская бригада Юлии Заидзе вызвала на соревнование бригаду сборщиков, что необходимо приложить все силы, чтобы выполнить срочный заказ фронта. Парторг призвал людей с честью исполнить свой патриотический долг перед родиной.

Затем выступали рабочие, Юлия.

Когда митинг кончился, все разошлись по цехам. Мне не терпелось скорее стать за станок, чтобы помогать моим новым товарищам.

Ко мне подошла Юлия.

— Завтра вечером я буду дома, приходите, пожалуйста, — сказала она. — Я хочу вас познакомить с мамой и сестрой, — и Юлия на клочке бумаги написала свой адрес.

— Понравились наши ребята? — спросил директор, когда я снова зашла к нему.

— Ребята — молодцы. Поговорила с ними и снова почувствовала, что мне стыдно сидеть без дела.

— Да... А вы знаете, товарищ Сычева, что мы не имеем права ставить вас за станок: может произойти несчастный случай. Нехорошая у вас история болезни.

— Ничего не будет, товарищ директор, — и от волнения у меня начала подергиваться голова.

— Вот видите, вам и волноваться вредно. А у нас без волнений и напряжения не обойтись.

— Товарищ директор...

— Нет, нет, я вам не советую и врач возражает, — директор указал на стоящего в белом халате человека. — Да на четыре месяца не стоит и поступать. Лучше подлечитесь хорошенько, а потом приходите. Ворота завода для вас всегда открыты.

— Когда подлечусь, я на фронт пойду...

Расстроенная, вернулась в гостиницу. Поезд уходил утром. Решила остаться еще на день в Тбилиси, чтобы побывать у Заидзе.

На другой день пошла к Юлии. Дверь открыла девушка, очень похожая на нее. Любезно пригласила войти в комнаты и пошла будить сестру, которая недавно возвратилась с завода. Мне было неловко, но Юлия очень обрадовалась приходу, познакомила меня с сестрой, усадила на диван. Она спросила: поступила ли я на завод? Я рассказала об отказе директора.

— Правильно, — неожиданно для меня воскликнула Юлия, — вид у вас нездоровый, вам никак нельзя к станку.

Не найдя у нее сочувствия, я решила переменить тему разговора:

— Выполнила ваша бригада обязательство?

— Еще как! — весело ответила девушка, и ее черные глаза засверкали. Она с гордостью называла имена девушек, перевыполнивших обязательства. Таких было большинство в бригаде.

Поздно вечером пришла мать моей новой знакомой. Пока сестры готовили ужин, она рассказывала, что муж ее летчик, часто пишет письма и просит дочерей крепче помогать фронту. Девушки собирались в институт, но решили на время войны отложить учение. Они поступили на завод: одна в хромировочный цех, другая в сборочный.

— А вы где работаете? — спросила я, всматриваясь в ее утомленное, бледное лицо.

— Я бухгалтер на небольшом производстве, оно тоже работает для фронта, хотя, впрочем, сейчас все работают для фронта. Теперь даже как-то неловко себя чувствуешь, если, отработав восемь часов, идешь домой, — заключила она.

После ужина я собралась уходить, но меня не отпустили и оставили ночевать.

Я утонула в перинах и подушках. Давно не спала на такой мягкой постели. Хозяева быстро уснули, утомленные работой, а я еще долго ворочалась. Думала об этой хорошей, честной семье тружеников, о том, что все советские люди откликнулись на призыв партии, все стараются помочь фронту. Вспомнились сталинирские работницы. «Завтра же поеду в Сталинири и устроюсь на любую работу». В ушах звучали слова, сказанные Юлиной матерью. Мне казалось, что они были обращены ко мне: «Теперь даже как-то неловко себя чувствуешь, если, отработав восемь часов, идешь домой».

Утром поехала на вокзал. Купила газету и по широкой лестнице поднялась в зал для военнослужащих. Между двумя большими кадками с развесистыми пальмами стоял диван. Прошла к нему мимо шумной толпы военнослужащих в новом, только со склада, помятом обмундировании. Усевшись поудобнее на диване, развернула газету.

— Сестра! Зачиталась? — проговорил кто-то над самым ухом.

Рядом сидел очень молодой белобрысый и курносый боец с палочкой в руке. Он заглянул в газету.

— Правильно, так и знал, что сводку читаешь. Это самое важное для всех.

Я молчала.

— Ты откуда? — продолжал он расспросы.

— Из Крыма, — коротко ответила я, недовольная тем, что он мешает читать, и снова уткнулась в газету.

— Какие же известия? — не унимался мой сосед.

— Сейчас прочту.

Но боец попросил газету и стал вслух читать сводку Совинформбюро, приговаривая: «Все прут и прут. Вот и мою область заняли».

— А откуда ты? — поинтересовалась я.

— Из Донбасса.

— Я проезжала Сталино.

— Нет, я из Макеевки, шахтер. Дали мне в госпитале отпуск на месяц, а ехать некуда.

Боец вздохнул и аккуратно сложил газету.

— Трудно целый месяц болтаться. Знаешь, сестра, как на фронт тянет! Уж я с врачами и ругался, и просил их. Нет, ничего не помогает. Отпуск — и точка. Хочешь не хочешь — гуляй, и не спросят, может у тебя на душе такое, что не до гулянья, — и боец стукнул палкой по полу.

— Да куда тебе на фронт, ты ведь еще с палочкой ходишь.

— Это для маскировки: моего ранения не видно, а стыдно в тылу здоровому ходить. Все оглядываются, а девчата говорят: «Ишь, молодой, а не на фронте». Вот я и взял палочку. Девушкам не докажешь, что врачи не разрешают.

— Я тебя понимаю.

— А ты тоже фронтовичка?

— Да.

— На каком фронте была?

Я сказала.

— Куда едешь?

— В Сталинири, жду горийский поезд.

— А я сейчас оттуда, из Гори. Ездил родину товарища Сталина посмотреть. Я еще когда в школе учился, мечтал побывать там. Побывал. И теперь еще больше тянет на фронт. Решил: приеду в Баку — я там лежал в госпитале, — и буду требовать отправки на передовую. Ни одного дня не останусь, довольно!

В это время раздался голос диктора, объявившего, что начинается посадка на поезд Тбилиси— Баку. Мой сосед, забыв о палке, со всех ног побежал к поезду.

Я только улыбнулась ему вслед.

К перрону подошла электричка, объявили посадку на Гори и Сталинири.

На второй день вечером я была дома. Как обычно, слушала последние известия. Диктор говорил, что особенно ожесточенные бои происходили на Ростовском направлении. Наши войска отражали атаки противника, уничтожая его технику и живую силу.

«Враг стоит у ворот Кавказа», — подумала я.

Недавно товарищ Сталин сказал, что в итоге четырех месяцев войны опасность, нависшая над нашей страной, не только не ослабла, но, наоборот, еще больше усилилась. Враг захватил целый ряд областей, угрожает Москве.

Перед глазами вставали фронтовые картины. Там, на передовой, вьюга заносит снегом окопы и пушки. Бойцы, изнемогая, посылают на голову врагов снаряд за снарядом, окопы содрогаются от взрывов.

Каким-то особенным показался мне портрет товарища Сталина на противоположной стене, будто я его увидела в комнате впервые. Любимое лицо и добрые глаза смотрели на меня из-под густых бровей, и сегодня, после сводки Совинформбюро, они мне показались грустными.

Посмотрела на разбросавшую во сне ручонки Лорочку, на поседевшие головы отца и матери, взглянула снова на портрет Сталина и решила: поеду завтра прямо в часть действующей армии и потребую зачисления.

Рано утром пошла на почту: нет ли ответа на мой запрос о Грише. Но там ничего для меня не было. За завтраком сказала родным, что здоровье мое поправилось и я сегодня же еду на фронт.

Отец стал было уговаривать:

— Ты у нас одна, нам уже перевалило за шестой десяток, что будет с ребенком, если ты погибнешь. — И упрекнул мать, что она мне не возражает.

Мать ответила:

— Что я могу сказать, отец? Если бы мы были в ее возрасте, то поступили бы так же. Ты вот старик, а собирался партизанить. Как же ее держать? Пусть идет. Мы как-нибудь проживем...

— Ну что ж, дочка, — отец поднялся. — Тяжело нам очень, но раз решила — иди, — и поцеловал меня в голову. — А если идешь, сражайся смело и честно.

Через час я надела армейские брюки, гимнастерку, шинель, за голенище сапога засунула алюминиевую ложку, закинула за спину вещевой мешок и пошла со двора.

10

На станции стоял эшелон. Уезжала воинская часть. Показала начальнику эшелона свои документы, он несколько раз внимательно проверил их и разрешил ехать до Туапсе. На его расспросы, зачем еду, ответила, что у меня там недалеко родные и я решила провести у них отпуск.

Начальник эшелона подвел меня к одному из вагонов и постучал. Дверь открыл высокий лейтенант с красной повязкой на рукаве.

— Устройте сестру в комсостав с ком вагоне, — приказал начальник.

Лейтенант подал мне руку, и я вскочила в вагон.

— Подождите здесь, нона я подыщу вам место.

Я села на скамейку недалеко от стола, за которым несколько человек играли в домино. Сидевшие обернулись в мою сторону, и я увидела у двоих на груди ордена. «Уже бывалые фронтовики», — подумала я. В это время один из них, капитан с орденом Красного Знамени на гимнастерке, отодвинул домино, присматриваясь ко мне, поднялся из-за стола и подошел. Я смутилась.

— Сестра, не изо Львова? — спросил он.

— Да, — ответила я.

Он обнял меня.

— Ты жива, сестрица? Легка на помине.

Ошеломленная, смотрела я на радостно возбужденное лицо капитана и не могла припомнить его.

— Это та девушка, о которой я вам сегодня рассказывал, — обернулся он к товарищам.

— Что ты говоришь? Неужели? — послышались голоса, и в один миг меня окружили.

— Если бы не она, я сейчас не ехал бы с вами.

И, видя мое недоумение, засмеялся.

— Не узнаешь? Помнишь, изо Львова вывозила раненых, я на крыльцо выполз последним... Но как ты сюда попала? Рассказывай.

— Вы все уже рассказали... Мало ли что на войне бывает, всего не расскажешь. Лучше помогите мне.

— Говори, все сделаю для тебя, — произнес капитан.

Он усадил меня за стол, и я подробно изложила ему свою просьбу.

— Понятно. Мы тоже еле дождались отправки...

— Сейчас сидеть в тылу трудно,— послышались голоса.

— Иди в нашу часть, сестра, — сказал капитан под общие одобрительные возгласы,— мы скоро будем на фронте.

— Об этом вас и хочу просить.

— Хорошо, я поговорю с командованием.

На первой большой остановке капитан повел меня в штаб, к командиру полка, рассказал обо мне все, что знал.

— Я за нее ручаюсь, — заключил капитан.

— Хорошо, — ответил полковник, — если знаешь ее и уверен в ней, бери к себе в батальон.

— Пошли, — обрадовался капитан.

Мы долго беседовали в вагоне. Потом капитан познакомил меня с бойцами. Во взводе была еще одна женщина, Маня. Мы с ней быстро подружились.

Темной ночью эшелон разгрузился на маленькой станции.

Наша часть пока была оставлена в резерве. Бойцы упорно занимались, готовясь к боям. Через несколько дней радио принесло радостную весть: наши войска освободили Ростов. Вслед за тем сводки сообщили о поражении захватчиков под Тихвином и Волховом. Бойцы рвались на фронт. Всем хотелось поскорее принять участие в наступательных операциях.

Почти весь декабрь мы простояли в резерве. С восторгом встретили известие о том, что войска Западного фронта перешли в большое контрнаступление и разгромили оккупантов под Москвой. На митинге наши бойцы и командиры дали обещание громить врага, не щадя своей жизни. Мы не могли дождаться, когда нас отправят на фронт.

30 декабря узнали, что группа войск Кавказского фронта высадила десант в Крыму и заняла Керчь и Феодосию. В эту ночь я долго не могла уснуть.

В холодный январский вечер нас перевезли в порт, а перед рассветом началась погрузка на теплоходы. Ящики с гранатами и боеприпасами бойцы всю ночь таскали по узкому и крутому трапу, машины грузили подъемным краном. Пахло смоляными канатами. Старшина бегал по пристани, распоряжался по хозяйству, торопил неповоротливого повара.

— Гнатенко! Гнатенко! — кричал он. — Идите скорее, получайте продукты.

— Да подождите, дайте кухню залить водой да погрузить, — отвечал тот.

Светало. Уже можно было различать мачты и трубы кораблей. Дул свежий утренний морской ветер. Люди чаще поглядывали на небо.

Наш взвод разместился на верхней палубе, у капитанского мостика. Не прошло и получаса, как объявили воздушную тревогу.

Послышался тяжелый гул самолетов и нарастающий свист. Совсем рядом что-то загремело, засветилось, и меня сильной воздушной волной отбросило к борту корабля. Я слышала, как со всех кораблей и катеров ожесточенно стреляли, вокруг рвались бомбы. Густой черный дым нестерпимо жег глаза. Я с трудом встала. Перед глазами плыли цветные круги, уши заложило, в голове звенело.

В соседнее небольшое судно попала бомба. Оно было охвачено пламенем. Наш теплоход не повредило, и мы продолжали готовиться к отплытию.

Днем было еще несколько налетов, но зенитная артиллерия успешно отразила их, сбив два самолета врага.

В сумерках теплоход медленно пересекал бухту. Капитан стоял на мостике и подавал команды. Командиры, собравшись у борта, молчали и напряженно смотрели на воду. Непривычная тишина показалась мне подозрительной, и я спросила у командира взвода:

— Куда все смотрят, что случилось?

— Немецкие самолеты набросали мин в бухту...

Я подошла к борту и увидела, что впереди сновали тральщики-миноискатели. Вдруг возле одного из них поднялся высокий столб воды. Это взорвалась мина.

— Одну мину подорвал... И вторая есть! — после второго взрыва произнес командир взвода. — Молодцы, ребята!

Теплоход благополучно вышел из бухты в открытое море. Мы с Маней присели у борта, вполголоса запели. У Мани был хороший голос. Около нас собрались бойцы и стали подпевать. Мерзли ноги, руки, но тепло было на душе, когда мы, сгрудившись, пели наши любимые советские песни.

К полуночи подул ветер, пошел снег. Теплоход покрыло белой пеленой. Высокие пенящиеся волны то порывисто падали, то снова поднимались, качая теплоход. Совсем замерзнув, мы с Маней залезли под лежащий на верхней палубе брезент и, прижавшись друг к другу, заснули. Нас разбудил резкий толчок и треск, Теплоход сильно качнуло еще раз. Мы услышали беготню на палубе и высунули голову из-под брезента.

— Наскочили на мину, тонем! Тонем! Мина! — раздавалось со всех сторон.

Теплоход накренился на правый борт. На мостике послышался спокойный голос капитана:

— Раздать пояса. Не поднимать паники!

Погас свет, перестали работать машины, но по инерции теплоход продолжал двигаться. Волны захлестывали палубу, обдавая нас. Нам тоже дали спасательные пробковые пояса.

— Глупая смерть, — сказала Маня.

— Да. Но прыгать в море мы не будем, все равно не доплывем в такую бурю,—отозвалась я.

— Машинное отделение и трюмы залило водой! Теплоход погружается!—прокричал бежавший мимо боец.

Но капитан старался вывести корабль на мель. Начали спускать лодки. Все бросились к ним. Лодки вместили немногих и, переполненные, скрылись во тьме. Мы с ужасом смотрели на черную бездну моря.

— Тамара, я закоченела, но когда представлю, что придется нырять в эти волны, меня бросает в жар, — говорила Маня, дрожа от холода.

— А ты почаще думай об этом, тогда не замерзнешь.

— Какие тут могут быть шутки, — рассердилась Маня.

Мы молча стояли, обхватив какой-то столбик. Теплоход заметно погружался, нижняя палуба была уже в воде. Волны поднимались все выше и выше, захлестывая и сковывая морозом тело. Одежда отяжелела и тянула вниз. Собравшиеся на верхней палубе бойцы хватались за перила, за все, что могло помочь удержаться на скользкой накренившейся палубе.

Кто-то прыгнул в море в надежде доплыть до берега. Внизу послышались крики. Над нашей головой в каюте радист передавал: «Идем ко дну, спасайте, тонем, тонем!»

Сильный толчок повторился, теплоход заскрипел, затрясся, и наша палуба оказалась под водой. Кто-то крикнул:

— На вторую мину напоролись!

Вокруг бушевала метель. Вода хлынула и покрыла нас с головой. «Конец», — промелькнула мысль. Мы захлебнулись соленой водой, не хватало воздуха. Но волна сошла, и снова можно было дышать. Мокрое лицо еще сильнее жег мороз.

— Хотя бы скорее смерть, — простонала Маня, выплевывая воду.

На мостике кто-то громко сообщил:

— Сели на мель, товарищи, спасены! Это не мина...

Поднялся радостный шум.

— Маня, Маня, мы спасены! — кричала я.

— Ну и что ж, все равно здесь замерзнем, — безразлично сказала она.

— А ты не падай духом. — И, заметив, что она дремлет, прижавшись к столбику, прикрикнула: — Не спи, нельзя спать!

Меня тоже клонило ко сну. Вода хлестала в лицо, временами волны перекатывались через нас, губы мерзли, сводило скулы. Но все это было уже не так страшно. Мы верили в спасение.

На верхнем мостике стали стрелять из пистолетов. Я прислушалась: где-то далеко раздавались за унывные протяжные гудки.

— Нас разыскивают!.. Девушки, крепитесь!—крикнули нам.

— Хочется спать, — медленно проговорила Маня.

— Спать нельзя, уснешь навсегда,— сказал кто-то.

Гудки приближались. Но увидеть с корабля нас не могли. Только с рассветом, когда прекратилась метель, к нам подошли четыре тральщика. Дремлющих, нас подобрали и отвезли на крымский, берег.

Кто-то мешал спать, тормошил, растирал все тело. Когда очнулась, увидела сестру в белом халате и поняла, что я в госпитале. Маня лежала рядом со мной. Обмороженные ноги болели, душил кашель, голова горела.

Из госпиталя вернулись в часть, которая вела бои на Феодосийском плацдарме.

11

Однажды вечером меня вызвал командир батальона и повел в штаб дивизии. По дороге он объяснил, что получен приказ найти человека, знающего местность, и направить его в разведку в тыл врага.

— Товарищ майор, Сычева прибыла, — доложил капитан, когда мы спустились в подвальное помещение большого дома, где размещался штаб дивизии.

Майор предложил мне сесть.

— Вы местная? — спросил он.

— Да, крымская.

— Где жили?

— В Симферополе, в Белогорске...

— Как раз то, что нам нужно... Пойдете в разведку?

— Пойду.

— У вас там есть знакомые, на которых можно положиться?

— Да, в Зуе и Симферополе найду надежных людей.

— Это хорошо. Но ведь туда далеко идти, больше ста километров.

— Это неважно...

— А если вас забросить на самолете? Я договорюсь с летчиками. Но вы ведь на самолете никогда не летали? А тем более не прыгали с парашютом? Да?

Я замялась.

— Вижу, что не прыгали...

— Если нужно, прыгну!

— Я сообщу летчикам, а вы поезжайте на аэродром.

Мы сели в машину и через несколько минут были на летном поле.

Капитан, переговорив с начальником аэродрома, сказал мне:

— Сейчас сделаете тренировочный прыжок.

— Хорошо,—ответила я, а у самой замерло сердце.

Летчик спросил:

— Никогда не летали?

— Нет.

Он покачал головой. Мы вошли в землянку, где были сложены парашюты. Летчик взял один, проверил его и объяснил, как им пользоваться.

— Когда прыгнете, считайте до десяти и дергайте за кольцо. Запомните крепко: ноги надо держать в коленях полусогнутыми, приземляться на правый бок. Потом тушите парашют. Отрезайте или расстегивайте лямки и быстрее укрывайте парашют. Понятно? Повторите.

Я повторила.

Через час стояла на крыле самолета. Когда посмотрела вниз, на лбу выступил холодный пот. Я затаила дыхание. Подали сигнал. На мгновение мне показалось, что не смогу заставить себя сделать прыжок, но собрала всю силу воли и, стараясь не забыть, что, выпрыгнув, по счету десять необходимо дернуть кольцо, бросилась вниз головой. С силой рванула кольцо, даже не досчитав до десяти. Парашют раскрылся. Земля казалась еще далеко. Приземлилась неожиданно, но ноги держала правильно и потому не ушиблась.

Вечером мне вручили документы.

— Запомните свою новую фамилию и имя, — сказал командир батальона.

На другой день мне привезли целый чемодан нарядов, дамскую сумку, наполненную любовными письмами, пудру, помаду, зеркальце.

Вечером майор из штаба дивизии вызвал меня и долго беседовал со мной. Он сказал, что меня выбросят в двенадцати километрах за Симферополем. Задача моя: пройти через весь город и устроиться на Феодосийском шоссе на ночь и наблюдать движение противника в направлении нашего участка фронта. По возможности добывать сведения у населения, больше слушать, меньше говорить.

— Свяжитесь с надежными людьми, они вам помогут. Будьте осторожны. Выяснив резервы в тылу, продвигайтесь к передовой. Срок пять дней. Сведения незаметно записывайте в любовных письмах, между строчками, условными для себя знаками, чтобы было понятно только вам. На обратном пути запоминайте, где находятся огневые точки противника. Вы ведь ходили в разведку, вам не впервые. Умеете по-немецки разговаривать?

— Немного.

— Будьте осторожны.

В час ночи меня, одетую во все гражданское, отвезли на аэродром. Старалась держаться спокойно, но дрожь пробегала по телу, когда летчик помогал застегивать лямки парашюта. Уже в самолете он спросил:

— Не забыли правил посадки?

— Нет.

Мы летели быстро и незаметно очутились над Симферополем.

Самолет набрал высоту. Забили зенитки, вокруг рвались снаряды. Лучи прожекторов часто прорезывали темноту, стремясь нащупать нас. Я вышла на крыло самолета, приготовилась к прыжку, но когда услышала сигнал: «Пошел!» — у меня забилось сердце, стеснило дыхание. Взглянула в темную пропасть и отступила назад, прижавшись к борту самолета.

— Ну, что ты? — закричал летчик. — Пошел!

— Куда? На зенитки?..

Еще были слышны разрывы снарядов. Мне казалось, что мы не пролетели и десяти километров, думала, летчик ошибся, и я сказала ему об этом.

— Что это тебе, паровоз, что ли? Приготовиться! — скомандовал он, повернувшись в мою сторону.

Самолет опять сделал разворот. Взявшись за кольцо парашюта, встала на край крыла. Ветер бил в лицо, обдавая острыми снежинками. Внизу темнота, но теперь я была уверена, что место прыжка точное, и чувствовала себя спокойнее. Летчик скомандовал: «Пошел!» Сделав усилие, быстро шагнула вперед и прыгнула. Волны воздуха подхватили меня и стали бросать из стороны в сторону. Просчитав до десяти, рванула кольцо. Через секунду лямки натянулись, и я повисла над бездной.

Внизу ничего не было видно. Прислушалась: не стреляют ли? И неожиданно приземлилась. Упала на правый бок. Ветер потащил меня по земле. Притянула к себе парашют за лямки, легла и затаила дыхание. Только удары моего сердца, как мне казалось, нарушали тишину. Расстегнула лямки парашюта и зарыла его в снег. Отряхнула платье и жакет, поправила платок. Зенитки стреляли, очевидно, по уходившему самолету. В стороне, километра за два от меня, показался луч света: прошла машина. Значит, там дорога, туда мне и надо.

Проваливаясь в сугробы, цепляясь за кочки, стала выбираться к дороге.

В расположение врага я шла без оружия. Даже защищаться нечем. Стало как-то не по себе. А встречаться с врагом придется, разговаривать, даже улыбаться...

Зашагала в сторону города. Мне хорошо была видна черневшая полоска шоссе, по сторонам которой разливалась снежная белизна. В морозном воздухе стояла такая тишина, словно войны и не было. Не верилось, что где-то близко находится враг.

Впереди послышались голоса. Скоро увидела машину, около которой толпились люди. С тревогой в душе приблизилась к ним. Шофер заводил мотор, а женщины, укутанные в платки, садились в кузов. «Пройти мимо — можно вызвать подозрение», — подумала я. Подошла к шоферу и попросила подвезти до города. Он показал в сторону:

— Вот хозяин.

Неподалеку стоял длинный немец. Он потирал замерзшие руки.

— Пан, можно подъехать?—кокетливо улыбаясь, спросила я.

— Я, я, — сказал он, присматриваясь ко мне и направляясь к кабине.

Почти на ходу вскочила в кузов и уселась на своем чемоданчике. Уже светало, когда мы подъехали к городу.

Неожиданно машина остановилась. Из дорожной будки к нам подошли офицер и два солдата с автоматами. Офицер осветил сидевших карманным фонариком.

— Пашпорт, мадам.

Дрожащими руками я достала паспорт, справку от врача о том, что у меня больной ребенок, который нуждается в усиленном питании, и подала офицеру. Чтобы скрыть охватившее меня волнение, открыла сумочку, достала губную помаду, подставила лицо под свет фонарика и, стараясь казаться

беззаботной, стала красить похолодевшие от страха губы. Посмотрев пристально мне в лицо, а потом на фотографию, офицер сказал:

— Второй пломпа нет...

Я улыбнулась и, сделав вид, что очень занята, небрежно ответила:

— Не знаю, пан, так в Феодосии делали.

— Найн, найн. Феодос... Феодос... Найн, — сердито сказал гитлеровец, качая головой и внимательно рассматривая справку врача.

Неизвестно, чем бы кончилась проверка, если бы взгляд офицера не остановился на солдате, который влез на машину и рылся в корзинах женщин.

Офицер машинально отдал нам документы и, не сводя глаз с солдата, обнаружившего продукты, обрадованно затараторил:

— Масльо, яйки есть? Гут, гут...

Женщины начали кричать:

— Вы у детей отнимаете. Мы последние тряпки возили в деревню менять на продукты...

Но офицер навел на женщин фонарик, и те замолчали. Положив в полу шинели творог, яйца, масло, солдат выпрыгнул из кузова, офицер махнул рукой шоферу — и машина поехала.

Я подумала, что мой паспорт не очень надежен. Лучше поменьше показывать его.

Машина остановилась на окраине, и нас высадили. Чтобы не наскочить на новый патруль, я в первом попавшемся подъезде переждала до восьми часов. Потом окольными улицами пришла на вокзал. В толпе пассажиров легче всего было остаться незамеченной. Здесь неожиданно встретила свою подругу Катю. Мы с ней когда-то учились в одной школе. Я и обрадовалась встрече с ней и испугалась одновременно.

— Откуда ты, Тамара?

Я верила своей подруге, но не имела права никому открыться и потому ответила:

— Из Евпатории, на машине приехала. Теперь к родственникам иду.

— Что же ты там делаешь? Говорили, что ты в армии.

— Мало ли что скажут...

На станции раздались крики. На путях стоял груженный углем состав. На платформах его расположились женщины с корзинами и мешками, а солдаты прогоняли их, ударяя тяжелыми ботинками. Кто мог — совал фашистам деньги. Тогда они молча отходили.

— Можно пробраться без пропуска?—спросила я Катю, указывая глазами на эшелон.

— Да, я приехала на этом поезде. Добывать продукты. Ко мне тоже подошел солдат, дала ему сто рублей, и он, крикнув для порядка, ушел. В дороге было очень холодно, ветер захлестывал глаза углем и липким снегом. Видишь, какая я, — засмеялась Катя, — хотя я уже чистилась и обогревалась у бабушки.

— У какой бабушки, где это?

— А здесь недалеко...

— Ты меня не проводишь к ней? Я бы тоже отогрелась и поела. Тут ничего не купишь, а до своих далеко. Я бабушке заплачу.

— Пойдем,— согласилась Катя.

В теплой комнатке, пахнувшей свежеиспеченным хлебом, нас встретила приветливая хозяйка. Пока мы с Катей ели кашу с молоком, она, подперев щеку кулаком, пристально смотрела на нас. Глаза ее были влажны от слез.

— Твоя бабушка? — тихо спросила я Катю.

— Нет, — улыбнулась она, — я тоже только сегодня познакомилась с нею.

— Вы мне теперь все родные, — проговорила бабушка, поняв, о чем я спросила подругу. — Не насмотрюсь я на вас. Горькое времечко вам, молодым, досталось...

Когда старушка отошла к плите, Катя шепнула:

— У нее сын и дочь в партизанах. Я ей весточку привезла от них.

— Помалкивай, Катюша, — сказала я.

— Ну, я тебя знаю, Тамара, ты не выдашь.

— Кушайте, кушайте, деточки, что бог послал, — просила хозяйка.

Бабушка накормила нас и уложила отдохнуть, но мы с Катей еще долго разговаривали.

Прижавшись друг к другу на небольшой бабушкиной кровати, вспоминали счастливые пионерские годы. Вспомнили и Агнию Митрофановну Золотареву, директора симферопольской железнодорожной школы, в которой мы учились. Агния Митрофановна была старым членом партии.

Часто она рассказывала нам, ученикам, о революционном движении в России, об Октябрьской революции, участницей которой была. Ученики слушали ее с большим интересом. Всегда спокойная и выдержанная, она старалась внушить нам любовь к знаниям, воспитать нас настоящими патриотами. Этому Агния Митрофановна отдавала все свои силы и талант педагога.

Ярко вспомнился день, когда мне надели пионерский галстук и я дала торжественное обещание «стоять на защите интересов трудящихся». Крепко запомнились слова пионервожатой:

— Отдавая салют, пионер поднимает руку выше своей головы в знак того, что он интересы трудящихся ставит выше своих личных интересов.

Летом мы часто ходили в походы. Где-нибудь в лесу раскидывали палатки, зажигали костры, варили картошку, пели песни, играли в игры.

Я расспросила Катю о новостях, разузнала о немецко-фашистских приказах... Мне стало ясно, что Катя — связная партизан, но ей о себе ничего не сказала.

Отдохнув, попрощалась, поцеловала Катю, тепло поблагодарила бабушку за гостеприимство.

12

На мне было теплое шерстяное платье, добротный меховой жакет, на голове — большой шерстяной платок. Я очень неловко чувствовала себя в гражданской одежде.

Идя по городу, вглядывалась в знакомые места. Вот Феодосийский мост над шумным после обильных дождей Салгиром. Каждый камень, каждое дерево были мне с детства знакомы. Хотелось поскорее увидеть дом, где я росла, круглый бассейн во дворе, а около крыльца ветвистый орех, раздвоенный до корня. Я и мои подруги часто забирались в его расщелину и мечтали о будущем. Завернула за угол и вместо красивого двухэтажного дома и ветвистого старого ореха увидела груду развалин. Редкая решетка вокруг двора была разворочена, из-под нее торчали остатки орехового дерева.

От Симферопольского вокзала до окраины города шла быстро, нигде не задерживаясь. Остановилась у полуразрушенного домика возле шоссе. Изображая из себя рачительную хозяйку, подняла с земли валявшуюся железку от надворного фонаря с названием улицы и номера дома и стала, как бы между прочим, посматривать на дорогу.

Мимо сновали туда и сюда легковые машины, проезжали подводы с сеном и разными грузами, мчались мотоциклы. На меня уже начали обращать внимание, по-видимому в этот час не разрешалось ходить.

Зайти в домик мне показалось небезопасным, и я пошла по тропинке в поле. Голову сверлила одна мысль: «Где выбрать место для наблюдения?»

Сумерки сгущались. Отошла метров на сто и, потеряв тропинку, куда-то провалилась. Яма, в которую попала, оказалась старой воронкой от бомбы. «Вот отсюда и буду вести наблюдение». На дне оказалась талая снеговая вода. Подползла к краю воронки, сняла с себя белый шерстяной платок и накрыла черневшую землю для маскировки. Издали это должно было походить на снег. Пронизывала сырость. Чтобы не простудиться, растерла снеговой водой руки и лицо.

К ночи движение усилилось, но проезжали пока только обозы да легковые машины. Долго следила за дорогой, наконец усталость взяла свое и я задремала. И приснилось мне, что я стою на огневой у орудия, а вокруг меня столпились бойцы и расспрашивают, где я так долго была. Стала рассказывать о всем пережитом, о том, как фашисты издеваются над советскими людьми в оккупации, грабят наши земли, разрушают построенное нами. В это время что-то загрохотало, затряслась земля, и на нас вылетели танки. «Давайте снаряды!» — крикнула я бойцам, а сама хочу навести орудие, но поворотный механизм заело, и я никак не могу повернуть орудие на танки. А они подходят все ближе, и от грохота содрогается земля. В этот момент я проснулась. Вскочив, окоченевшими руками протерла глаза и увидела, что по шоссе двигаются танки. Лязг гусениц и разбудил меня.

Ночь была светлая. Танки шли быстро, не так, как на передовой, где они осторожно ползут, опасаясь мин. Подумалось: «Вот была бы здесь пушка и расчет, мы бы натворили дел, а так лежи и считай».

Прошла колонна. Насчитала в ней 33 танка, 40 машин с пехотой и несколько десятков мотоциклистов. Через небольшой промежуток времени по шоссе прогромыхало несколько тягачей с артиллерией крупного калибра, их обогнали машины с немецкими солдатами и каким-то грузом. Меня одолевала тревога: ведь наши люди ничего не знают обо всем этом, а я никак не могу сообщить им через линию фронта. «Скорее бы рассвет, скорее бы двинуться в сторону передовой».

Опять потянулись обозы. Возчики-румыны перекликались между собой, некоторые из них что-то пели. Под скрип повозок и постукивание колес, утомленная и продрогшая, я снова впала в забытье...

Очнулась, когда небо посветлело на востоке. Шоссе было пустынно. Я решила выйти из засады, хотя знала, что в такой ранний час оккупанты еще не разрешают ходить. На всякий случай достала из сумочки кусок бумаги, свернула ее, заложила за щеку, повязалась косынкой и платком, потом быстро прошмыгнула на дорогу и пошла в сторону фронта. Окоченевшие ноги -с трудом передвигались. Очень хотелось спать. Все сильнее овладевало опасение, что меня могут остановить.

Навстречу шла крытая брезентом машина. Катя предупреждала, что ночью и рано утром небезопасно встречаться с фашистами. Машина быстро приближалась. Я ухватилась за обмотанную платком щеку и принялась стонать. Машина остановилась. Гитлеровец открыл дверцу кабины и навел на меня фонарик. Я хотела продолжать путь, но, услышав строгий окрик: «Хальт, фрау!» — вернулась, подошла вплотную к машине, застонала и, приподняв платок, показала на «опухшую» щеку.

— Пан, зуб болит, — проговорила я, скривившись, и опять застонала. — Ой-ой, доктор, доктор. Я была у доктора, а теперь иду домой в село.

Фашист сочувственно покачал головой.

— Цан, цан, — объяснил он шоферу, и они поехали дальше.

У меня будто сто пудов свалилось с плеч. На горизонте занималась заря, в стороне от шоссе показалось село. Лаяли собаки, скрипел журавль колодца.

Взойдя на пригорок, увидела восходящее солнце. Мне вспомнились стихи какого-то поэта, воспевавшего солнце, идущее с востока и несущее радость и надежду людям. Эти стихи читала одна девочка на вечере художественной самодеятельности во Львове.

Я шагала по шоссе и думала, что делать дальше. Сонливость и усталость прошли. Решила идти в Зую на поиски Пашиной сестры. У нее надеялась узнать о Паше и из окон ее домика наблюдать за движением на дороге.

Пройдя несколько километров, присела отдохнуть и записать собранные сведения. Достала из сумки любовное письмо. Тонко очиненным карандашом стала между строчек сокращенно записывать все, что успела узнать, и постепенно так увлеклась, подсчитывая в уме технику и живую силу противника, что не заметила, как возле меня остановилась подвода. Услышала тяжелые шаги и машинально сунула письмо под себя. «Ну все, засыпалась». Передо мной стояли два румына.

— Что делышь? — спросил один.

— Читаю письмо от кавалера, — беспечно ответила я.

— Куда идошь?

— В деревню.

— Там кавалер есть, мадам?

— Есть, конечно, — и, улыбнувшись, подмигнула ему.

— Давай письмо читаем, — сказал другой румын, — мой русский знает мало-мало...

Я обомлела.

— Нет, не дам.

— Давай, — закричали оба и потянули меня за рукав.

Я продолжала сопротивляться, а потом подумала: наверно, не умеют читать по-русски. Встала, вызывающе протянула письмо:

— На, читай, читай, — а у самой сердце затрепетало: вдруг увидят между строк карандаш. К моему счастью, румыны, видимо, читать не умели и не взяли письма.

— Садысь, поедем, мадам, — сказал один из них, усаживаясь на подводу.

«Только этого мне и нехватает», — подумала я.

— Ничего, я пешком пойду, мне близко.

— Садысь, мадам, — настаивал румын и подвинулся, уступая место.

Было видно, что он не отвяжется. Подкрасила губы, напудрилась и села.

За спиной послышались сигналы машины. Мимо промчались один за другим двадцать четыре грузовика. В них сидели немецкие солдаты, сзади были прицеплены орудия. На нескольких машинах лежали ящики с боеприпасами.

— Артиллерия на фронт, — сказал один из румын, когда проехали пушки.

— Нет, не на фронт, этого мало на фронт, — возразила я, покачав головой.

— Нет, много на фронт уже пошел, один полк на фронт, это другой полк, — объяснил мне румын, не сводя с меня черных глаз.

Но я заговорила о другом, будто пушки меня не интересовали.

Мы подъехали к Зуе. Румыны настаивали, чтобы я указала дом, в котором остановлюсь. Обмануть их не составляло большого труда: показала им маленький белый домик на пригорке, пообещав, что останусь в деревне недолго и завтра буду ждать их в городе. Вспомнила о железке надворного фонаря с номером полуразрушенного домика на окраине и назвала его румынам. Когда они отъехали, крикнула вдогонку:

— Завтра буду ждать, обязательно приходите.

Не сразу узнала дом Пашиной сестры. Помнилось, он стоял у дороги, беленький, чистенький, снизу подведенный сажей. Теперь все дома были серые, мрачные, до самой крыши вымазанные глиной. Один двор показался мне знакомым. Я несмело вошла, в дверях меня встретила хозяйка. Я не узнала ее сначала. Она очень изменилась, сгорбилась и постарела.

Она меня тоже узнала не сразу, но когда я сказала, что до войны ночевала у нее вместе с Пашей, она вспомнила меня.

— Я видела Пашу перед приходом оккупантов. Она говорила, что оставила своего малыша у вас, а сама идет в партизаны.

Хозяйка испугалась:

— Да что вы, дорогая! Паша в партизаны? —бледнея, проговорила она. — И ребенка мне не оставляла, что вы? Нет, нет, — и она замахала руками.

Через минуту, усаживая меня у стола и недоверчиво оглядывая, хозяйка спросила:

— А вы откуда приехали?

— Я не успела эвакуироваться. Когда доехали до переправы, было уже поздно, переправу закрыли.

— А Паша куда-то эвакуировалась, а куда — не знаю, — уверяла женщина.

— Не может этого быть, — ответила я. — Вы не бойтесь, говорите правду.

— Не знаю я, где Паша, — и все.

В это время в комнату вбежал мальчик. Он очень походил на Пашу.

— Пашин мальчик, — крикнула я радостно.

— Нет, это мой сын, — настаивала хозяйка.

— Нет, я не твой, я мамин, — со слезами закричал пятилетний малыш, надув губы и сердито посмотрев на тетку.

Я засмеялась, а женщина побелела от испуга, видно опасалась провокации.

— Не волнуйтесь, — стала я успокаивать ее. — Лучше скажите, где я могу видеть Пашу? Она бывает здесь?

С большим трудом мне удалось узнать от нее, что Паша живет в городе.

— Два дня тому назад она была у меня и сказала, что придет сегодня, — еле шевеля губами, проговорила женщина.

— Буду ее ждать.

Я сидела у окна и незаметно наблюдала за движением на шоссе. В восемь часов вечера в окно постучали два раза. Хозяйка засуетилась и побежала открывать дверь.

Паша остановилась в сенцах, заметив в доме постороннего человека.

— Заходи, чего боишься, — сказала я.

Она нерешительно вошла и остановилась на пороге.

— Заходи, — обратилась к ней сестра.

Паша смотрела на меня и не двигалась с места.

Я не вытерпела, бросилась к ней на шею и крепко расцеловала ее.

— Паша, дорогая!

— Тамара! — поразилась она. -— Откуда ты? Ты же уехала?

— Уехала и приехала, — ответила я смеясь.

— Ты оттуда, Тамара?

— Да, Паша, да.

И я все рассказала о себе, о том, как попала в тыл и зачем.

— Это очень хорошо, — сказала Паша, — моя сестра ведет точный подсчет всего, что идет на фронт. Ночи теперь светлые, она и ночью считает. Дай, пожалуйста, сюда все, что у тебя есть! — обратилась Паша к сестре.

Та принесла клочок бумаги.

— Вот все, что прошло на этой неделе.

На бумаге был какой-то подсчет продуктов. Паша объяснила, что хлеб — это танки, картошка — артиллерия, мука — пехота, мука в мешках — пехота на машинах. В конце списка увидела: 24 килограмма картошки. Точные данные, — это та «картошка», которая сегодня проехала мимо меня по шоссе. Таким же способом я составила себе полный подсчет.

До полуночи мы с Пашей не смыкали глаз. Маленькая коптилочка тускло освещала нетопленную грязную комнату, специально запущенную, чтобы не вызвать у оккупантов желания поселиться здесь. Тут же в сенях стояла корова. На деревянной кровати спал сынишка Паши. Она временами подходила к нему, целовала, и он вздрагивал во сне.

Паша рассказывала о партизанской борьбе, о наших общих знакомых, которые воевали в лесу, о секретаре райкома партии. Он командовал отрядом.

Под окном послышался топот. Паша потушила коптилку. В дверь забарабанили. Мы молчали. Стук повторился.

— Ложитесь в кровать, — прошептала Пашина сестра и пошла открывать.

— Офицер... Надо спать, пусти... — услышали мы. Осветив фонариком сени, один из гитлеровцев

брезгливо сказал:

— Нет, здесь русский швайн живет, никарош. — И солдаты ушли.

Утром мы расстались.

У меня было уже много нужных и ценных сведений о противнике, и я пошла к прифронтовой полосе. Добралась до Белогорска, но город постаралась обойти стороной. За двое суток пути истомилась и проголодалась, так как достать поесть было негде, а мои запасы истощились. Шла по окраине леса, по степи, неподалеку от дороги. Шла и днем и ночью. Ночи стояли лунные, холодные, морозный ветер все время дул в лицо. Беспрестанно приходилось оттирать снегом то нос, то щеки, то руки. Если уставала, ложилась где-нибудь в зарослях и следила за шоссе.

На пятые сутки совершенно обессилела и еле передвигала ноги. Легла под кустом и почувствовала, что у меня жар. В глазах потемнело, в висках стучала кровь. Закрыла глаза, и мне померещилось, что я лежу в теплой постели, мама проводит по лбу холодной рукой. Очнувшись, поняла, что лежу лицом вниз, уткнувшись горячей головой в снег.

Надо было побороть болезнь. Уже скоро Старый Крым, а там и Феодосия. К вечеру вышла на дорогу. До Старого Крыма доехала на крестьянской подводе, а дальше среди ночи снова пошла, стараясь никому не попадаться на глаза.

До фронтовой полосы оставалось километров двадцать. Но я поняла, что больше не ступлю ни шага, и решила добраться до первой деревни. Там постучала в крайний дом.

— Кто стучит? — спросил женский голос.

— Откройте.

— А кто это?

— Не бойтесь, свои.

— Нет, до утра не открою, — ответили мне.

У этого домика я свалилась и больше ничего не помнила.

Когда открыла глаза, увидела, что лежу в постели яркое солнце заливает бедно обставленную комнату. В комнате никого нет. Вдали что-то громыхает. Хотела подняться, но не могла, хотела крикнуть — голоса не было. «Что такое могло случиться?» — подумала я. Открылась дверь, и в комнату вошла девочка лет пятнадцати, за ней пожилая женщина.

— Вы пришли в себя? Кто вы? Откуда? — спросила девочка.

Я ничего не ответила.

— Что ты, Надя, тревожишь женщину? Пусть опомнится. Она русская, а подробности потом узнаем. Главное, чтобы гитлеровцы ее не увидели. Запри дверь на засов, — сказала хозяйка.

Мне стало плохо, и я опять закрыла глаза. Трудно было дышать, болело горло. Где-то совсем близко рвались снаряды, и стекла дрожали. Разрывы напомнили мне события последних дней: я шла к передовой и заболела. А где же сумочка, которую я привязала к поясу? На прежнем месте ее не было.

Поманила женщину пальцем и шепотом спросила о сумочке.

— Да, есть, есть, я спрятала ее в комод, когда вас раздевала, — она достала и подала мне сумочку.

Все было на месте, и я успокоилась.

К вечеру снаряды рвались уже в деревне. Утром в комнату вбежала Надя.

— Мама, в деревне нет ни одного фашиста, наши идут! — закричала она.

— Наши! Наши пришли! — слышалось со всех сторон.

Но я не могла подняться. Глаза наполнились слезами.

В нашем доме расположился штаб какой-то части. Все сведения, добытые в разведке, я передала командиру и попросила сообщить обо мне в мою дивизию.

13

Отлежавшись в тыловом госпитале, я прибыла в штаб за назначением. Меня спросили:

— Пойдете на курсы младших лейтенантов?

Я с радостью согласилась.

Мне и раньше хотелось самой руководить боем, неодолимо влекла к себе артиллерия, особенно противотанковая. Казалось, что изучить прямую наводку значительно легче, чем другие виды стрельбы из орудий, да и плоды своих трудов сразу видны. Ведь артиллеристы—истребители танков идут непосредственно в боевых порядках пехоты и бьют по вражеским танкам.

Подумав, доложила капитану, отбиравшему людей для курсов:

— Я хочу стать артиллеристом.

— Хорошо, хорошо, это как раз то, что нам нужно.

На следующий день отобранных направили на курсы младших лейтенантов при тбилисском военном училище. Здесь уже были почти полностью сформированы группы артиллеристов и минометчиков. Меня определили в группу минометчиков. Это, правда, не совсем совпадало с моими стремлениями, но что поделаешь: приказ есть приказ. Говорили, что группа артиллеристов уже переполнена.

Подъем, зарядка, умывание, завтрак, затем занятия — таков был распорядок первой половины дня. В любую погоду, в дождь и ветер, мы тащили на плечах минометы в степь.

Вечером от усталости еле добиралась до кровати. Часто по ночам объявляли «тревогу». За три минуты нужно было встать, одеться, навернуть обмотки, взять шинель-скатку, котелок, ложку, оружие и стать в строй. Потом мы отправлялись в многокилометровый поход за город. В степи занимались до рассвета, а часов в пять возвращались на часок поспать.

Вначале я не понимала, зачем в училище применяют такой строгий уставный режим, зачем так усиленно занимаются строевой подготовкой. Казалось, нам надо научиться прежде всего стрелять!

Однажды на строевых занятиях командир взвода несколько раз делал мне замечания. Я попробовала возразить ему. Командир приказал:

— Курсант Сычева, выйти из строя!

А я говорю:

— Не кричите на меня.

— Идите доложите старшине, что я на вас наложил взыскание — два наряда вне очереди, — ответил командир взвода.

Я пожаловалась командиру дивизиона.

— Почему так строго требуют? Должны понять, что я женщина. Зачем мне строевая подготовка, и без нее можно воевать, — со слезами на глазах сказала я майору. — Я совершенно стала не похожа на себя: подстригли под машинку, обмундирование и белье мужское.

Терпеливо выслушав меня, командир дивизиона ответил:

— Вы воевали, не зная строевого устава, это верно. Так сложились обстоятельства. Теперь же вы готовитесь стать командиром, скоро сами будете обучать людей. А пока вы курсант, занимайтесь строевой подготовкой. Знаем, что вам трудно, но иначе нельзя.

Зима подходила к концу. Дни стояли пасмурные, дождливые. Глинистая почва налипала большими комьями на ботинки. С утра до темноты мы находились на полигоне. Шинели намокали, и холод пронизывал до костей. Однажды после вечерней поверки, не дожидаясь отбоя, я свалилась и уснула крепким сном.

— Сычева, тревога! — разбудил меня курсант с нижней койки.

Открыла глаза. Сигналили «тревогу». Вскочила. Обе ноги одновременно сунула в брюки. Портянки, ботинки, обмотки. Готово! Курсанты торопятся, толкая друг друга в узких проходах между двухэтажными железными койками: не опоздать бы!.. Гимнастерка, шинель, ремень, котелок, ложку за обмотку...

Товарищи уже строятся на улице. Бегу со второго этажа, по что-то путается в ногах, задерживает. Я теряю равновесие, лечу с лестницы и кого-то сбиваю с ног. Котелок гремит по ступенькам, винтовка летит в сторону.

— Конечно, Сычева, — слышу голос командира взвода. — Когда вы будете без грохота становиться в строй?

Курсанты смеются. Поправляю размотавшуюся обмотку, поднимаю ложку, котелок и винтовку, выхожу на улицу и становлюсь в строй.

— Ударилась? — спрашивают ребята.

— Нет!

По команде лейтенанта направляемся по шоссе, идем форсированным шагом. Моросит дождь. На пятом километре сворачиваем в горы и вскоре останавливаемся.

— Сегодня командовать батареей будет Сычева, — говорит лейтенант. — Тема занятий: рекогносцировка местности, смена огневых позиций ночью, построение параллельного веера, ведение огня ночью. Сычева, для чего предназначен минометный огонь?

— Для истребления живой силы противника. Из миномета стреляют по пехоте, снайперам, пулеметным гнездам и другим огневым точкам, из минометов хорошо стрелять из-за горы или другого укрытия. Миномет стреляет навесным огнем...

— Командуйте быстрей. Вот вам два командира взвода, — указал он на двух курсантов.

И, видя, что я задумалась, не зная, с чего начать, лейтенант подсказал:

— Выберите район огневых позиций и укажите его командирам взводов.

Впереди темнеет силуэт невысокой горы. «Здесь, — размышляю я, — в узком ущелье, нехватит угла возвышения, мина не перелетит через гору». Поднимаемся выше, ноги скользят по мокрому скалистому склону. Бот площадка; может быть, здесь? Не маловата ли для построения веера? Попробую, возможно, годится.

— Нет, здесь веера построить не удастся, не позволяет местность, — сказал один из «командиров взводов».

— А больше негде, — ответила я ему.

— Так бы сразу и сказала, что здесь нет места для огневых минометной батареи, — подтвердил лейтенант.

Я пошла искать район огневых позиций. В темноте, под дождем трудно было ориентироваться. Наконец нашла местность, состоящую из небольших холмов. «Вот в этой лощине, перед горой, следует поставить батарею», — решила я и подала команду.

— Первый взвод! Занять огневую в пятидесяти метрах от высоты за кустами. Окопаться. Второй взвод! Занять огневую у ручья около большого камня.

Прошло несколько минут, и старший на батарее сообщил, что параллельный веер готов, а я доложила руководителю занятий о готовности батареи к открытию огня.

Шел последний месяц занятий. Приближались зачеты. Мы усиленно занимались огневой подготовкой.

Над полигоном висели низкие облака. Моросило. Вскоре дождик прекратился, из-за туч показалось ласковое кавказское солнце. Я посмотрела на дорогу, ведущую из города, и увидела мужчину и женщину. Они медленно шли в нашу сторону и вели за руки ребенка. Лиц их я еще не различала, были видны одни силуэты, и я скорее почувствовала, чем узнала, что это мои родные.

— Товарищ лейтенант, разрешите отлучиться? — задыхаясь от счастья, спросила я командира взвода.

— Что случилось?

— Родные приехали.

Получив разрешение, бросилась бегом по дороге навстречу.

Расцеловалась со стариками, а к Лорочке подойти не могу: кричит — нельзя тронуть! И — в плач.

—- Не узнаешь маму?

В этот день меня освободили от занятий, и мы долго сидели в клубе, тихо разговаривая. Лорочка освоилась, прижалась ко мне и уснула на руках.

— О Грише слышно что-нибудь? — спросила я маму.

— Нет, ничего, — ответила она, опустив голову.

— Если бы я знала его адрес, могла бы по окончании курсов просить направления в его часть.

До позднего вечера гостили старики, а вечерним поездом уехали.

Все смелее начало пригревать весеннее солнце. Глядя на цветущие фруктовые деревья, я вспомнила весну в Крыму, родной завод, далекие счастливые дни...

Мы получили приказ начать подготовку к Первому мая. Каждый день по два часа курсанты шагали строевым по широкому двору, отчеканивая слова приветствия.

— Ты не пойдешь на парад, Сычева! — заявил мне командир взвода.

— Почему?

— Потому, что строевую сдала не на «отлично», а перед трибуной надо пройти строевым шагом.

При сдаче зачета по строевой подготовке у меня была оценка «хорошо».

— А если я добьюсь отличной оценки? — спросила я.

— Нет, не успеешь, осталось только' две недели.

Мне было очень обидно, что не пойду на парад.

«Надо исправить отметку».

Все свободное от занятий время я маршировала по двору и казарме. Надоедала товарищам и под их команду тренировалась. Труднее всего было ходить с оружием. Бывало уговорю какого-нибудь курсанта, и он часами командует:

— Ша-гом марш!

— На ре-мень!

— К но-ге!

— На пле-чо!

— На ру-ку!

— Кру-гом!

Пот выступал на лбу, руки болели от винтовки, но продолжала тренировку. Ребята посмеивались:

— Тамара хочет стать генералом.

Я даже во сне маршировала. Накануне Первого мая попросила командира взвода еще раз принять зачет.

— На парад хочешь пойти? Боюсь, снизишь на «посредственно». Я с натяжкой дал тебе хорошую оценку.

Я долго уговаривала его. Ребята меня поддержали:

— Она долго тренировалась.

— Бери оружие, пойдем! — приказал командир взвода.

Взяла винтовку, и мы вышли во двор. За нами последовали курсанты. Лейтенант подавал команды:

— Ша-гом марш!..

— Бе-гом!..

— На месте!..

— На-ле-во!..

— Строевым!..

Чувствую, что у меня ноги подкашиваются, а командир взвода не унимается: думаю, запарить хочет. Ребята смеются.

Через некоторое время утомленный лейтенант сказал:

— Придется тебе поставить «отлично».

— На парад пойду?

— Теперь можно, упорная ты, — ответил он.

С вечера я волновалась: завтра парад. Чистила ботинки, подшивала воротничок.

На параде нам объявили приказ Народного Комиссара Обороны. Запали в сердце слова любимого вождя. «Мы ведем войну Отечественную, освободительную, справедливую... Наша цель ясна и благородна. Мы хотим освободить нашу советскую землю от немецко-фашистских мерзавцев... У Красной Армии есть все необходимое для того, чтобы осуществить эту возвышенную цель. Нехватает только одного — умения полностью использовать против врага ту первоклассную технику, которую предоставляет ей наша Родина. Поэтому задача Красной Армии, ее бойцов, ее пулеметчиков, ее артиллеристов, ее минометчиков, ее танкистов, ее летчиков и кавалеристов — состоит в том, чтобы учиться военному делу, учиться настойчиво, изучить в совершенстве свое оружие, стать мастерами своего дела и научиться, таким образом, бить врага наверняка...»

...Сдавали последний зачет по тактике. Руководитель-майор вывел нас в поле на высотку, а там море цветов, высокая сочная трава. Вдали виднеются деревушка, цветущие сады. Солнце теплое, майское.

— Курсант Лубенцов, — вызывает майор. — Перед нами лощина. Вы действуете самостоятельно. Наши минометы стоят там, за высотой, здесь же наши бойцы в траншеях. Пехота противника пошла в атаку. Ваше решение?

— Ориентир номер один, по пехоте противника — огонь, — смело отвечает Лубенцов.

— Правильно. Теперь нам ответит курсант Сычева. Из-за тех домиков выползают один за другим немецкие танки и движутся по лощине. На танках пехота. Ваше решение?

Смотрю и не могу себе представить, что такой цветущий весенний сад мнут и ломают фашистские железные махины, несущие смерть. Майор прерывает мои мысли:

— Командуйте!

— Жду подхода танков к ориентирам и командую: взвод, приготовиться! Ориентир — три, по десанту противника — огонь!

— А если танки идут колонной, по той обсаженной кустами дороге? — перебил меня майор.

— Открываю заградительный огонь.

— Правее вас стоит другой взвод. Немецкая пехота спешилась и обходит его. Ваше решение?

— Если взводу угрожает опасность, бью по врагу, помогая товарищам.

Задав вопросы другим курсантам, майор, удовлетворенный ответами, поставил оценки в блокнот.

В конце мая 1942 года нас выпустили младшими лейтенантами. С какой гордостью пришивала я на только что выданное новое комсоставское обмундирование черные, обшитые золотым галуном петлицы, прикрепляла красный кубик, любовалась артиллерийской .эмблемой. Красный кант пролегал на гимнастерке и брюках, черный суконный околыш отличал фуражку.

Получила удостоверение личности: «Младший лейтенант, командир огневого взвода».

На наше место прибыли новые курсанты. До отправления в часть мы занимались с ними.

Получила взвод и впервые почувствовала, что я командир Красной Армии. Несколько дней занималась с новичками. Как-то утром пришла во взвод на занятия. Курсанты встали, поздоровались, а один не поднялся с места. Уже несколько дней замечала, что он не хочет подчиняться дисциплине.

— Садитесь, — разрешила я курсантам.

Когда все сели, подала команду:

— Курсант Петров, встать!

Курсант лениво поднялся.

— Заправьтесь! Вы почему не приветствуете командира?

— Чтобы я, фронтовик, и перед вами тянулся?! Вы, небось, и гитлеровцев живых не видели.

— Дисциплинарный устав знаете?

— Нет. Мы на фронте без устава фашистов били.

Я вспомнила, что и сама недавно рассуждала

так же.

— Зачем вы приехали сюда? — спросила я.

— Учиться, чтобы потом, на фронте, еще лучше бить фашистов и научить этому своих бойцов.

Мне понравился ответ.

— Да, но если бойцы не будут выполнять устава, то они и приказы ваши не будут беспрекословно исполнять.

— Я научу своих бойцов, — переступая с ноги на ногу, сказал курсант.

— Как же вы их научите, когда вы сами не знаете устава? Идите принесите буссоль, — приказала я.

Курсант медленно повернулся и пошел, еле передвигая ноги.

Когда он дошел до середины казармы, я скомандовала:

— Курсант Петров, кру-гом!

Он повернулся.

— За каждое нарушение дисциплины будете получать наряд вне очереди. То-есть мыть полы в казарме, посуду на кухне и выполнять неприятные-работы. Это значит, что вы закончите курсы не командиром, а уборщицей. Идите выполняйте приказание.

И курсант пошел почти строевым шагом. В тот день я рассказала взводу, для чего нужны устав и строгая воинская дисциплина.

Вечером меня вызвал комиссар дивизиона и похвалил за требовательность.

— Прежде всего, Сычева, помни, что ты командир, будь взыскательна к себе и подчиненным, иначе ты не сможешь командовать в боевой обстановке.

Эти слова мне не раз приходилось вспоминать на войне. День и ночь я была с бойцами. Бывали моменты, когда я, как женщина, должна была бы смущенно отвернуться или отойти и оставить безнаказанными проступки бойцов. Первое время меня мучил вопрос: как поступить? И я поняла, что в таких случаях надо действовать так, как действовал бы командир-мужчина, иначе дисциплина разболтается и бойцы станут небоеспособными. Основное для женщины-командира—это быть самой нравственно чистой, уметь переносить с бойцами все тяготы и невзгоды войны. Тогда заслужишь авторитет у бойцов, тогда будут беспрекословно выполнять твои приказы. В этом я убедилась на собственном опыте.

Перед отправлением в часть нам дали отпуск на несколько дней. Товарищи собрались в город и звали меня.

— Тамара, пошли за девчатами ухаживать,— шутили они.

В эти свободные дни я с удовольствием ходила с ними по широким чистым улицам Тбилиси. В новом обмундировании, в хромовых сапогах, худая, с обветренным и загоревшим лицом, стриженная под бокс, я не походила на женщину. Выправка, манеры, которые привились в курсантской среде, все это наложило на меня свой отпечаток. И без того низкий голос огрубел еще больше. Девушки засматривались на меня, и некоторые в беседе не сразу узнавали во мне женщину, но я не особенно огорчалась, считая, что женственность вернется, когда вернется прежняя жизнь.

То, что мне было необходимо сейчас, я приобрела: знания, командирскую требовательность и выносливость. Я чувствовала твердую почву под ногами и с нетерпением ждала момента, когда снова попаду в привычную боевую обстановку.

Настал последний день перед отъездом. У входа в казарму висело объявление, что сегодня, 15 июля 1942 года, в 5 часов дня, состоится партийно-комсомольское собрание.

В дверях повстречался старшина.

— Сычева, тебе письмо.

Я взяла конверт. Но тут последовала команда строиться на обед. Увидев, что письмо от родных, решила прочитать его перед собранием и положила в карман гимнастерки.

— Становись! Последний раз пойдем обедать в столовую училища, — сказал старшина.

С обедом торопились, так как, зная точность комиссара, боялись опоздать на собрание.

Комиссар рассказал о положении на фронтах.

— В эти дни противник прорвался на Кавказ, — говорил он, — идут ожесточенные бои на огромной территории: от Балтики до Кавказских гор.

Наши тылы настолько окрепли за год войны, что недалеко от Моздока, где идут ожесточенные бои, мы спокойно учимся, готовим кадры командного состава, получаем хорошее питание и обмундирование. Это еще раз говорит о том, что наш тыл крепок и могуч. С таким тылом, с таким народом мы разобьем любого врага.

Над родиной нависла опасность, но весь советский народ после обращения товарища Сталина встал на защиту своей родины и отдает все силы для победы.

Сотни эшелонов движутся по железной дороге, эвакуируя в глубокий тыл целые заводы и фабрики, чтобы там, на этих заводах и фабриках, советские люди могли работать для фронта. В оккупированных районах оставшиеся там советские люди ведут борьбу с фашистскими захватчиками.

— Наши люди полны мужества и отваги, они знают, за что борются, — продолжал комиссар.

Вспомнила о письме. Разорвала конверт, и первое, что бросилось в глаза, была стандартная бумажка и на ней большими печатными буквами: «Извещение». Я невольно вскрикнула. В глазах потемнело, письмо выпало из рук.

— Что с тобой, Сычева? — спросил комиссар.

Все обернулись в мою сторону. Я не могла справиться с собой, слезы брызнули из глаз. Кто-то поднял извещение и вслух прочитал, что лейтенант Григорий Васильевич Жернев погиб в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Я еле сдерживала рыдания.

— Советские воины на передовой, не щадя своей жизни, отбивают натиск врага, — говорил комиссар.— Сейчас мы узнали о гибели мужа нашего молодого командира. Почтим память погибшего вставанием.

Все встали, а я сквозь слезы сказала:

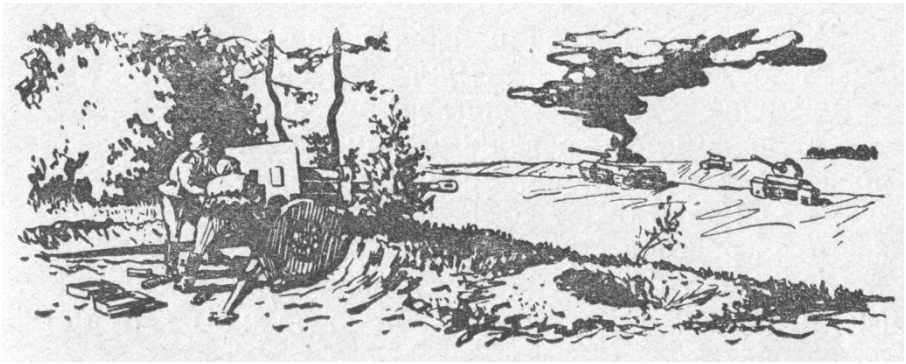
— Обещаю перед лицом товарищей заменить мужа в строю и, не щадя своей жизни, бить фашистов. — Хотела еще что-то сказать, но слезы сдавили горло.

Собрание продолжалось. Все выступавшие обещали не посрамить училища и смело биться с врагом. Я уже ничего не слышала и не понимала. После собрания был торжественный ужин, но я пошла в горы.

Не заметила, как начался рассвет. Солнце было еще за горами, и только косые лучи золотили зеленые их вершины. Вскоре засверкал серый камень утеса, и яркий луч солнца пробежал по моему лицу, заиграл на золотых галунах петлиц и ласково заглянул в распухшие от слез глаза. Да, солнце всходит, а Гриши нет и не будет...

Я поднялась, вытерла глаза, привела себя в порядок и пошла в училище.

Через час поезд увозил меня на фронт.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

— Приехали, — проговорил старший команды, когда поезд приблизился к прифронтовой станции. На путях лежали разбитые, обгорелые вагоны и платформы, валялись исковерканные цистерны. Темными воронками зияла земля. Наш вагон остановился у разрушенной водокачки.

Я соскочила с полки и вышла вслед за всеми на перрон. Товарищи разошлись в разные стороны, а я сидела, охраняя чемоданы. Через полчаса мои спутники вернулись, нагруженные свертками и кульками. Все были оживлены, шутили, смеялись.

Только к вечеру мы разыскали попутную машину и поехали в часть. Среди ночи машина свернула с шоссейной дороги. Прямо на нас смотрела круглая луна. Она тяжело и медленно плыла над долиной, прокладывая перед нашим взором серебристый путь. Запахло нефтью. В лунном свете заблестели нефтяные озера, над ними стояли огромные вышки.

— Наши золотые родники, — сказал кто-то. — Оккупанты рвутся сюда, хотят завладеть этим богатством.

— Не выйдет, — сказал другой. — Не видать им грозненской нефти, как своих ушей.

Утром нас распределили по подразделениям.

Когда передо мной в первый раз выстроили двадцать девять бойцов, я немного струсила. В штабе меня предупредили, что бойцы необученные.

— Знакомьтесь с вашим командиром взвода, — представил меня командир батальона.

— Ой, баба будет командовать нами, — послышался тихий ропот в строю.

Командир батальона рассказал бойцам обо мне все, что успел узнать из личного дела и из короткого разговора.

— Смотрите, ребята, не подкачайте перед женщиной-командиром, — заключил он.

Бойцы пошли ужинать, а я отправилась в землянку. Лежала и думала: «Что же буду делать с необстрелянными? Если бы они имели хоть какой-нибудь опыт». Боялась, что не сумею обучить их в короткий срок. Уткнувшись носом в вещевой мешок и укрывшись с головой шинелью, всплакнула.

На другой день рассказала взводу о боях, в которых участвовала, о людях, не жалевших своей жизни для успеха боя. Потом ответила на вопросы бойцов. В следующий час приступили к изучению устава. Тут я вспомнила училище. Объяснила, что Красная Армия не может существовать без уставов, без строгой воинской дисциплины и порядка. Устав — это закон армейской жизни. Предупредила бойцов, что все приказания старших командиров должны выполняться бегом.

— Воевать мы будем не хуже тех, о которых вы рассказываете, и жизни не пожалеем в бою, а вот дисциплину не очень требуйте, мы к ней не привыкшие, — сказал, улыбаясь, помощник командира взвода Анисин, как я заметила, самый авторитетный во взводе боец.

— Да, можно бы не очень строго, — послышались голоса. — Тогда мы вас будем уважать, а заставите тянуться — ничего у вас не выйдет.

«Нет, — думаю, — не уговорите меня», — и, не дав больше им обсуждать этот вопрос, сказала:

— Продолжаем занятия.

После занятий вызвала к себе в землянку Анисина. Придя, он сразу же сел на ступеньку и спросил:

— Товарищ младший лейтенант, вы меня звали?

— Да, звала, — ответила я, нахмурившись. — Вы, Наверное, еще не читали тех разделов устава, которые я вам велела прочесть, если ведете себя так развязно.

— Читал немного, они неинтересные, — проговорил Анисин.

— Когда закончится война и вы вернетесь домой, тогда будете в свободное время читать интересные книги, а сейчас идет война, воевать без уставов нельзя. Вас я считаю самым сознательным человеком во взводе, вы первый должны понять, каково значение дисциплины для боеспособности взвода, и приучить к ней всех бойцов. Иначе они и вас не будут слушать. Сегодня утром вы приходили ко мне с жалобой на то, что Евсюков вам не подчиняется, не хочет чистить винтовку так, как вы приказываете. Это произошло потому, что нет дисциплины, люди не знают устава.

Анисин молчал.

— Я уверена, что если вы захотите, сможете повести за собой весь взвод.

По лицу Анисина пробежала довольная улыбка.

— Договорились? Я вас освобождаю на два дня от занятий. Можете оставаться в землянке, но должны хорошо подучить устав.

— А когда вы меня спросите? — поинтересовался Анисин.

— Спрашивать не буду, я буду требовать, чтобы вы выполняли его.

Анисин задумался.

— О чем думаете? Испугались? — и испытующе посмотрела на него.

— Нет, товарищ младший лейтенант, но я никогда не служил в армии.

— Я тоже не служила... Разве вы слабее женщины? Если вы испугались этих трудностей, то чего же от вас можно ожидать в бою?

— Хорошо, товарищ младший лейтенант, будем дисциплинированными, — смущенно улыбнулся Анисин. — Я добьюсь этого.

— Идите и учите устав, — строго приказала я.

Он вышел. Я долго размышляла над тем, как мне воспитывать бойцов. Хватит одной строгости и требовательности или необходим еще какой-то особый подход к людям, еще что-то, чем я не успела овладеть?

К Анисину была попрежнему более требовательна, чем к другим. Но при подчиненных старалась не делать ему замечаний.

Однажды Анисин пришел в землянку, когда я писала конспект занятий.

— Товарищ младший лейтенант, разрешите обратиться?

Я взглянула на него и тоном, не допускающим возражений, сказала:

— Прежде чем обращаться к командиру, надо заправиться и осмотреть себя. Выйдите, заправьтесь, тогда зайдете.

Анисин покраснел, но вышел. В это время в землянку спустился командир роты. Я встала и поприветствовала его. Старший лейтенант взял мой конспект и стал проверять.

Вошел Анисин, заправленный, подтянутый.

— Товарищ младший лейтенант, разрешите обратиться?

— Товарищ Анисин, устав говорит, что нужно у старших просить разрешения обращаться к младшим. Зайдите снова!

Анисин вышел. Не прошло минуты, как он вновь спустился в землянку.

— Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться к младшему лейтенанту? — спросил он командира роты.

Получив разрешение, Анисин обратился ко мне по всем правилам. Когда я ответила на его вопрос и он ушел, командир роты засмеялся.

— Это хорошо, Сычева, что ты учишь бойцов строгому соблюдению устава. Но не забывай и вот о чем. Бойцы любят, когда командир беседует с ними запросто, рассказывает о боях. Бойцы должны видеть в лице командира своего старшего товарища и руководителя.

Долго я размышляла над словами командира роты.

Ежедневно во взводе шли занятия. Основательно изучали советские тяжелые 120-миллиметровые минометы, автомат, гранаты, «ПТР». Люди были толковые и быстро запоминали все, что им объясняли. Особенно радовали успехи взвода по строевой подготовке. Бойцы, оказывается, знали строевой устав лучше, чем я предполагала. Часто после вечерней поверки командир батальона выносил благодарность взводу за хороший строй и примерную дисциплину.

Однажды я подошла к землянке бойцов и услышала, как Анисин на кого-то кричал:

— Тише! Не ругаться! Ты знаешь, что нельзя употреблять нецензурные словечки. И без них можно фашистов бить... Чего от тебя в бою ожидать, если ты здесь дисциплины испугался... — И, помолчав, добавил: — Чтобы брани я больше не слышал.

Сколько я потом ни добивалась у Анисина, с кем это он так разговаривал, помкомвзвода не сказал.

— Если повторится, — ответил он, — я приведу его к вам.

Меня радовало, что бойцы делают друг другу замечания, а младшие командиры, авторитет которых я всегда стремилась поднять среди рядовых, требовательны и справедливы.

Обстановка на Закавказском фронте усложнялась. Противник стремился прорваться к Грозному и Баку. Гитлер любой ценой хотел завладеть этими нефтеносными районами.

Сосредоточив большие силы и много танков, гитлеровцы думали с ходу форсировать реку Терек в районе Моздока. Но упорное сопротивление наших войск сорвало замыслы врага. Завязались кровопролитные бои за переправу.

В душную августовскую ночь 1942 года наша часть поднялась по тревоге и к следующему вечеру заняла оборону у берегов быстрого Терека.

За небольшим бугром, изрытым окопами и траншеями, мы установили свои минометы.

Ранним утром я поднялась на бугор, присела на бруствер отрытого, но никем не занятого окопа и залюбовалась голубой лентой широкого Терека. Невдалеке справа виднелся каким-то образом уцелевший мост. Слева гремели орудийные раскаты, слышались длинные очереди пулеметного огня.

Вокруг огневых точек и траншей, подступая к берегу реки, пестрели полевые цветы и разнотравье. Сорвала несколько цветов и невольно притянула их к обветренным губам.

— Любите цветы, товарищ младший лейтенант? — раздался вдруг надо мной голос Анисина.

— Да, очень! Любила и сейчас люблю, — в замешательстве ответила я.

Анисин заметил мое смущение и тотчас отвернулся, всматриваясь в даль.

— Вспоминаются родные места, Волга, — мечтательно, с грустью в голосе произнес он. — Перед войной мы с отцом рыбачили на Волге. Как затянем бывало невод, а там рыбка плещется да серебрится. Эх, Волга, Волга!.. Вода там течет плавно, а ширина-то какая!

Я поднялась и заметила, что и без того круглое скуластое лицо Анисина расплылось в улыбке от приятных воспоминаний, а узкие карие глаза прищурились, будто увидели перед собой Волгу.

Неожиданно лицо его изменилось, брови нахмурились, пристальный взгляд остановился на какой-то точке.

— Товарищ младший лейтенант, кажется, гражданские переправляются? Смотрите, немного ближе моста.

Я побежала на наблюдательный пункт. Посмотрела в бинокль: на противоположном берегу реки в лодки грузятся женщины в широких цветных юбках и белых платках, им помогают мужчины в белых кавказских рубахах. Оттолкнув от берега лодки с женщинами, мужчины быстро стали грузить сундуки, чемоданы, подушки и вскоре тоже отчалили.

— Гражданские эвакуируются, — проговорил командир батареи, продолжая пристально следить за переправой.

Вдруг переправившиеся мгновенно бросились к сундукам и чемоданам, женщины из-под юбок выхватили автоматы, залегли на берегу и открыли огонь. Поднялась ожесточенная перестрелка. В сундуках оказались легкие минометы и боеприпасы.

— Фашисты! — закричал командир батареи. — Вот гады! Под женщин подделались. По местам! — скомандовал он. — Быть готовым к встрече с врагом.

Не прошло и получаса, как гитлеровцы расширили плацдарм, потеснив наше соседнее подразделение. К мосту на большой скорости устремились фашистские танки, подняв облако пыли. По

мосту ударила наша артиллерия. Не сбавляя ходу, танки быстро проскочили на правый берег, сбросили десант автоматчиков и развернулись в нашу сторону.

Командир батареи подал команду, и мины со свистом полетели через бугор. По танкам стреляли и недалеко стоявшие артиллеристы. Взрывы наших мин отсекли вражескую пехоту от танков и прижали ее к земле. Танки приближались, выбрасывая языки пламени из своих стволов. Не дойдя нескольких сот метров до бугра, четыре танка свернули в обход позиций нашей батареи.

Старший на огневой уже передал взводам приказ приготовиться к самообороне, установить «ПТР» и пополнить запас противотанковых гранат.

— Танки идут на нас? — встретил меня вопросом минометчик Горбач, когда я приблизилась.

— Да, идут, — как можно спокойнее ответила ему. — А что, страшно?

— Да нет, просто неприятно, — ответил боец. — В первый раз ведь. — И он плотнее прижался к противотанковому ружью.

— Выжидайте, пока танки поравняются с бугорком в лощине, — видите, впереди? — тогда открывайте огонь.

— Внимание! — послышалась команда.

«Ну, — мелькнуло в голове, — этот день будет испытанием не только для молодых бойцов, но и для меня, впервые командующей боем».

Горбач и другие бойцы, припав к ружьям, не отрывали глаз от лощины, откуда доносился рокот моторов.

Из-за бугорка раньше показались гусеницы, потом башни. Не успела подать команду, как со всех сторон открылась пальба. Выстрелил и Горбач. Приклад ударил его в плечо с такой силой, что он чуть не свалился на дно окопа. Оправившись, Горбач схватил ружье и снова прицелился. Один танк, подбитый кем- то, уже дымился, наружу вырывалось багровое пламя. Другой, обходя подбитый, продвигался по бугру. Вот он резко повернул и рывком двинулся на наши окопы, за ним понеслись еще два танка.

Выстрел раздавался за выстрелом.

— Гранаты! — крикнула я на ухо Горбачу.

Тот схватил связку гранат, вскочил на бруствер, размахнулся и бросил ее под гусеницы. Раздался оглушительный взрыв, танк вздрогнул, завертелся на месте.

Третий танк проскочил мимо нас и пошел на минометы. За ним взметнулась огромная фигура Анисина с зажатой в руке противотанковой гранатой. Догнав танк, помкомвзвода с силой забросил гранату в моторную часть. Вначале ничего нельзя было рассмотреть, потом сквозь пелену дыма пробился язык пламени — танк горел. Четвертый танк развернулся и скрылся за бугорком, оставив за собой облако пыли.

— По местам! — скомандовал старший по батарее.

Все бросились к минометам. Оглушительные выстрелы следовали один за другим.

Раненого Горбача подобрали санитары и на носилках понесли в тыл.

Атака гитлеровцев захлебнулась.

2

Жестокие бои на обоих берегах Терека продолжались. Гитлеровцы, не считаясь с потерями, во что бы то ни стало хотели развить широкое наступление. Но все атаки врага разбивались о стойкость и мужество советских воинов.

В середине октября меня и еще двух командиров вызвали в штаб, Нам предложили сдать командование взводами и отправиться в распоряжение отдела кадров северной группы войск Закавказского фронта. Мы получили назначение в казачий корпус, который стоял в бурунных степях, в 100—150 километрах от Кизляра. В штабе артиллерии корпуса, куда мы прибыли, нас встретили радушно.

— Голодные? — спросил нас майор, начальник штаба. — Идите покушайте, потом заходите.

После обеда возвратились к начальнику штаба, поблагодарили за внимание.

Майор подробно стал расспрашивать, откуда мы, где воевали.

— А этот младший лейтенант какого года? — спросил он, указывая на меня. — Уж очень молодой.

Товарищи засмеялись.

— Это женщина, — сказал старший команды.

— Женщина? — удивился майор. — Вам, наверное, нужно в санчасть?

— Нет, я строевик...

Майор вышел в соседнюю комнату и отдал распоряжение штабным работникам, чтобы нас распределили по частям.

Когда мы получили предписания, майор обратился к нам с напутствием.

— В пути будьте осторожны, помните, что здесь, в бурунах, определенной линии фронта нет, противник бродит по степям и вы можете случайно встретить его.

Он помолчал и пристально посмотрел на нас.

— Дорог тоже в бурунах нет, селения встречаются редко, и в большинстве случаев они заняты противником. Идите по компасу и строго придерживайтесь заданного вам азимута. Идите, пока не увидите кошару, там стоят части, которые вам нужны. Это километров двадцать отсюда.

Рано утром мы вышли в буруны. Вначале весело и бодро разговаривали, но к полудню в лицо подул северный морозный ветер с дождем и снежной крупой. Идти стало труднее, ноги увязали в песке. Даже лейтенант Саша Куценко, который всю дорогу балагурил и развлекал нас, и тот замолчал.

Перед нами расстилалась голая холмистая песчаная степь. Без конца и края тянулись буруны песка, на которых изредка торчал стебелек низкого репейника или круглый куст чертополоха, покрытый желтыми сухими колючками. Все было мертво и уныло. Даже осенние тучи как-то особенно тяжело плыли над однообразной равниной. Буйный ветер, вырвавшийся на простор, носился по степи, поднимал с земли песок, закручивал его столбом, вырывал колючие кусты чертополоха, репейника и далеко уносил их.

— Да, здесь трудно будет воевать, — заговорил Саша, вглядываясь в песчаные дали.

— Зима предстоит тяжелая, — подтвердил лейтенант Мирошняк. — Здесь и окопа не выроешь и миномета не замаскируешь.

— А... Что ваш миномет! — махнув рукой, отозвался Саша. — Самоварная труба — и все, чего его маскировать? Поставил за буруном — и жми с закрытой позиции...

Саша бросил на меня лукавый взгляд и, чтобы не видел Мирошняк, подмигнул.

— Как это самоварная труба? — возмутился Мирошняк. — Это самое лучшее оружие для истребления пехоты противника.

— Самое лучшее оружие — это противотанковая пушка. По крайней мере всегда стоит на открытой позиции и бьет по видимой цели... Дашь снаряд, а сам наблюдаешь... Смотришь: танк задымился или от пулемета клочки вверх полетели. — И Саша приложил к глазам два приоткрытых кулака, представляя, что он наблюдает в бинокль.

— Тамара, ты почему не защищаешь миномет? Ты слышишь, что он назвал его самоварной трубой?

— Мне тоже больше нравится стрельба прямой наводкой, — ответила я. — Очень хотелось попасть в противотанковую артиллерийскую часть и истреблять самое страшное в теперешней войне для пехотинца оружие — танки... Особенно хороши наши новые пушки, я их недавно видела.

— Да, то пушка! Вот бы на такой поработать — ни один танк не прошел бы у меня, — мечтательно промолвил Саша.

— Но минометы тоже нужны и далеко не бесполезны на войне, — уже почти соглашаясь с нами, проговорил Мирошняк.

— Безусловно, полезны, но против танка они бессильны.

Ветер хлестал в лицо, говорить стало трудно, и мы свернули к большому буруну, чтобы передохнуть.

— Скорей бы селение. Я уже устал и есть хочу, — пожаловался Саша.

— Селений нам искать не приходится, ты же слыхал, что в них гитлеровцы, — сказала я.

— Можно перекусить и здесь, я тоже проголодался, — отозвался лейтенант Мирошняк.

Мы сели под высоким бугром, достали продукты, полученные в корпусе, и, накрывшись плащ-палаткой с головой, чтобы песок не засыпал пищу, стали есть.

— Что фашистам нужно в этих пустынных краях?— удивлялся Мирошняк.

— Как что нужно? Ты разве не слышал вчера, что рассказывал в штабе капитан?—обратился к нему Саша.

— Что рассказывал? — спросили мы в один голос.

— Ах да, вы уходили за продуктами, когда капитан знакомил вновь прибывших командиров с обстановкой... — проговорил Саша. — Сейчас идут напряженные бои под Орджоникидзе. Фашисты хотят захватить Военно-Грузинскую дорогу... Бои идут также под Моздоком. Действуя на своем левом

фланге, немцы выходят в буруны, пытаются перерезать железнодорожную магистраль Кизляр— Астрахань и продвинуться на Кавказ. Уже занят Ачикулак. У противника здесь пока еще небольшие группы, они разбросаны и не принимают больших боев. Но ставропольские партизаны на-днях сообщили, что противник перебрасывает сюда новые части — видно, готовится к большим операциям.

В это время порывом ветра рвануло палатку, и нас осыпало песком. Лейтенант Мирошняк, не обращая внимания на ветер, сдвинул на затылок шапку-ушанку и, перестав жевать, начал допытываться:

— И казаки, очевидно, должны преградить противнику путь?

— Не только преградить, но и зайти в тыл и ударить во фланг моздокской группировке врага. Сейчас уже казаки ведут бой под Ачикулаком.

Покончив с едой, мы поднялись. Ветер не утихал, он носился по бурунам со свирепым свистом.

Не успели пройти с полкилометра, как послышался рокот самолета, то нарастающий, то утихающий. Мы подняли головы и в сером пасмурном небе увидели «раму» — вражеского авиаразведчика со зловещим фашистским крестом. Над «рамой» патрулировал «Мессершмитт».

Самолеты противника шли в сторону Кизляра, осматривая буруны. Вскоре мы заметили, что врагов подстерегает наш «ястребок». Он то появлялся, то скрывался в облаках, видно искал удобного случая атаковать.

— Вот он им сейчас задаст.

Я положила вещевой мешок на землю и стала наблюдать. Вдруг «ястребок» набрал высоту и пошел в пике на «Мессершмитта». Началась ожесточенная перестрелка. «Рама» стала разворачиваться. «Ястребок» неожиданно вывернулся из боя и, настигнув «раму», дал по ней несколько пулеметных очередей.

— Вот молодец! — закричал Саша, помахав шапкой нашему самолету.

«Рама» накренилась на левое крыло, покачнулась и стремительно подалась вниз, оставив за собой струю черного дыма. В этот момент «Мессер» с хвоста налетел на «ястребка».

— Смотри, смотри, назад смотри! — кричал Саша, как будто советский пилот мог его услышать.

— Чего ты дерешь глотку! — прикрикнул на него Мирошняк.

— Эх, нет у меня противотанкового оружья, я бы ему помог, — с досадой сказал Саша.

Бой продолжался долго. Самолеты несколько раз с диким ревом бросались друг на друга. Но «Мессершмитт», видно, не выдержав боя, повернул и пустился наутек. «Ястребок» погнался за ним и, поднявшись ввысь, камнем бросился на врага, осыпал его пулеметной очередью. «Мессер» загорелся, но, отстреливаясь, очевидно, ранил нашего летчика, и тот перестал преследовать удиравшего фашистского пирата.

«Ястребок», как израненная, но торжествующая победу птица, покружился над местом падения «рамы» и медленно скрылся за горизонтом.

Несмотря на усталость, мы бросились к сбитому вражескому самолету, отбежали с километр в сторону, но когда поднялись на одну из самых высоких сопок, увидели, что дымившийся остов «рамы» далеко от нас. В степи, как и на море, видимое расстояние обманчиво.

Ветер попрежнему дул нам в лицо, с высоких песчаных склонов скатывались подгоняемые ветром комки чертополоха и перекати-поля. Спускались сумерки, а кошары все еще не было видно. Мы стали подозревать, что компас неправильно показывает путь. С каждым шагом росло сомнение: не сбились ли с дороги? Не испортился ли компас?

Было почти темно, когда сзади нас послышалось конское фырканье. Мы переглянулись. Саша схватил меня за руку и остановил. Мы ясно услышали легкое ритмичное поскрипывание колес.

— Наши, слышите? — радостно вскрикнул Саша.

— Не радуйся, может, фашисты, — сделала я предположение.

В это время закрутил ветер, мы присели за бугор. Прислушались; до нас донесся тонкий голос:

— Но-о, родные, но-о, вперед!

Саша вскочил.

— Да наши же это, слышите...

— Не торопись, Саша, — строго проговорил Мирошняк. — Гитлеровцы тоже ездят на повозках, а наших пленных заставляют быть ездовыми. Будь осторожен.

— Ты трусишь? — спросил его Саша с усмешкой.

— Нет, не трушу, но я рискую жизнью только тогда, когда это нужно... Подвода едет сюда, мы еще успеем узнать, кто на ней. Если фашисты, будем отстреливаться до последнего патрона.

Мы залегли, приготовив оружие. Я выглянула из-за естественного песчаного бруствера и увидела, что на повозке сидят двое людей. В сумерках нельзя было рассмотреть, кто едет, но повозка была русского образца.

— Кажется, наши, — шепнула я товарищам.

— Пошли, — предложил Саша и хотел встать.

— Постой, — Мирошняк придержал его за ногу.— Если фашисты, пусть проедут, они не заметят нас.

Подвода поравнялась, и мы ясно услышали женский голос:

— Вот ленивая скотина! Но-о!

— А ты ее кнутом, — ответил другой женский голос.

— Бабы, — проговорил Саша радостно, — пошли.

И мы выскочили из-за бугра. Кони шарахнулись в сторону, испугавшись, а женщины молниеносно схватились за автоматы.

— Ни с места! — крикнула первая, останавливая лошадей.

— Руки вверх! — закричала вторая. — Ложись! — скомандовала она и дала очередь вверх.

Мы бросились на землю, не желая сопротивляться, так как были уверены, что это наши. Саша неохотно опустился на колени и тихо сказал:

— Вот девки, еще с перепугу своих побьют, — и стал объяснять, кто мы, но его не слушали.

— Ложись! — и девушки направили на него автоматы.

Узнав, что мы направляемся в казачью часть, они предложили нам следовать вместе.

— Но на повозке не поедете, пешком будете идти. Мы тоже сойдем, а то кони уморились, по песку трудно.

— Эх, дивчинко! — проговорил Саша и, вскочив на повозку, обнял девушку, сидевшую позади той, которая правила, — ноги устали, не могу идти, а коням ничего не станется.

— А ну-ка, марш отсюда, товарищ лейтенант. Какой же из тебя казак будет, если ты коня не жалеешь?

— У нас, у казаков, главное — конь, — с гордостью подчеркнула вторая девушка, подстегивая лошадей.

— Так вы коня больше жалеете, чем меня, — возмутился Саша.

— Как же мне коня не жалеть, я его сама вырастила. — И первая девушка спрыгнула с повозки. — Вот этот, — указала она на буланого коня, — еще месяц назад не мог ходить, он в боях был ранен в шею. Вот, смотри, рубец... Я его чистила, купала, как же мне теперь его не жалеть? Хороший конь, только ленивый. А этого, — указала она на другого, — этого я из дому привела. Когда фашисты подходили к нашей станице, мы всей семьей пошли в армию. Дед, отец, мать да я с младшим братом.

— А что, деда взяли в армию? — спросил Саша.

— А как же не возьмут, он старый вояка, еще в молодости воевал, — с гордостью сказала девушка.

— А мать что делает?

— На кухне работает, брат — разведчик. Всем дело нашлось. Да у нас тут вся станица в кубанском корпусе, — подытожила она разговор. — И все станичники — добровольцы.

— И чего только таких нежных, как вы, посылают к нам? — насмешливо проговорила вторая девушка, заметив, что Куценко старается повиснуть на подводе. — Вы ж коней не жалеете, — и подруги засмеялись.

— Ну, это мы еще посмотрим, — смущенно пробормотал Саша. — Я ставропольский.

Видя, что товарищ попал в неловкое положение, я, чтобы переменить разговор, спросила у девушек:

— А вы что, на передовую едете?

— Да нет, какая тут передовая. Мы в ветеринарном лазарете служим, — ответила та, у которой дед был в армии. — Тут не поймешь, где наши, где немцы. Нам вот каких-нибудь двадцать километров надо проехать — мы за медикаментами для лазарета ездили — и то путаемся в этих бурунах. Недавно ехали две наши подводы и сбились с пути. И путались, пока не встретились с фашистской разведкой. Одной удалось удрать, а вторую так и забрали в плен, с конями и ездовым. Мы ехали и остерегались. Лида все время настороже сидела с автоматом.

— Лида? — спросил Саша. — А вас как зовут?

— Маруся Яценко.

— А к вам на повозку шинель можно положить?— Куценко бросил свою шинель на передок.

— Да чего спрашивать, если уже положил. Кладите, товарищи, ваши пожитки, — предложила Маруся, обращаясь к нам. Чувствовалось, что она здесь старшая.

Мы не заставили себя уговаривать.

Над бурунами повисла ночь, ветер стал, утихать. По небу плыли темные тучи, за которыми прятался молодой месяц. Утомленные кони, увязая в песке, с трудом тянули повозку, выбирая дорогу между бурунами. Лида шла рядом с повозкой и подергивала то правую, то левую вожжу. Я очень устала, хотелось хоть на минуту присесть. Ноги подкашивались, и я стала отставать.

Мария заметила это и предложила:

— Садитесь на воз, отдохнете немного. Скоро приедем.

Я долго отказывалась, — было неудобно перед товарищами, которые шли пешком, но они настояли, и я на ходу вскочила в повозку.

— Только сюда, на перед садитесь, коням легче будет, — попросила Мария.

Мерное поскрипывание колес быстро укачало меня. Разбудил Саша, когда повозка остановилась.

— Пошли в штаб, приехали.

— Товарищ гвардии старший лейтенант казачьих войск, прибыли в ваше распоряжение три командира взвода, — отчеканил старший команды, лейтенант Мирошняк, переступив порог штабной палатки.

Старший лейтенант в синей черкеске с блестящими газырями и в ярко красном бешмете поднял на нас утомленные бессонными ночами глаза, сдвинул на затылок черную смушковую кубанку и принял у нас документы.

— Да, вы двое к нам, а этот лейтенант, — он указал на Сашу, — направлен в противотанковый полк майора Чекурды.

Наутро мы с лейтенантом Мирошняком сели на Лидину подводу и поехали в указанную нам минометную батарею. Она располагалась среди песков, недалеко от овечьих кошар, в которых размещался ветлазарет.

Казаки очень приветливо встретили нового командира, но были недовольны тем, что я недостаточно хорошо езжу на лошади. В училище изучению конного дела почти не уделялось внимания. В казачьем же корпусе — все на лошадях, и мне пришлось учиться управлять конем, ухаживать за ним и тренировать. Старые казаки охотно помогали мне в этом. Много раз летала кубарем с лошади, но упорно продолжала учиться. Этого требовала обстановка, это было необходимо по долгу службы.

Однажды утром, как обычно, я шла чистить своего коня. Проходя мимо одной из кошар ветеринарного лазарета, услышала возбужденные девичьи голоса. Выделялся знакомый громкий говор Марии Яценко, которая кого-то, видно, отчитывала. Я решила зайти узнать, что произошло.

Посреди обширной кошары, в которой находилось около сотни раненых лошадей, столпились девушки-казачки. Они окружили гнедого коня с белыми носочками на передних ногах, лежавшего на мягкой подстилке и тяжело посапывавшего. В кошаре стоял запах карболки и креолина. Над конем склонилась Мария. Одна из девушек, нагнувшись, держала в руках алюминиевый котелок, и Яценко, смачивая в нем кусочек марли, промывала рану в боку лошади. Животное от прикосновения вздрагивало и стонало, но Мария уверенно и быстро работала.

— Еще позавчера привели, — сердито выговаривала она, не отрываясь от дела, — врач сказал, как надо его лечить, а ты забыла...

Позади Марии стояла, надув губы, худенькая молодая девушка. Из-под черной кубанки, надвинутой на нахмуренные тонкие брови, выбивались кольцами белокурые локоны. В синих, еще детских глазах блестели слезы.

— Может, твой отец или брат в бою остался без коня, — сказала высокая девушка, державшая котелок, — и ходит пешком по этим пескам. Ожидает, пока ты вылечишь...

— Может, моего отца конь,— проговорила другая.

— А может, моего мужа! — выкрикнула третья.

— Ну ладно, хватит, — остановила их Мария. — Мы твой поступок обсудим на комсомольском собрании. А сейчас — айда за работу.

Мария, вставая, погладила шею лошади, затем вытерла чистым куском марли руки и направилась к выходу.

— В чем дело? — спросила я ее. — Кто тут у вас провинился!

— Да как же... Вчера и позавчера к нам поступило много раненых коней. Гнедого закрепили за Сашей Дьяченко... Хорошая, исполнительная девушка, а вот заспешила, замоталась — и забыла про

Гнедка. Ну, рана и нагноилась... Так глаз и не спускай с них, — проговорила Мария, строго посмотрев в сторону девушек.

По кошаре разносилось шарканье конскими гребенками, фырканье лошадей и окрики девушек.

Через несколько дней наша часть вышла в поход.

Дни и ночи казаки двигались по ногайским песчаным степям, все углубляясь во вражеский тыл. Они разыскивали противника и в скоротечном бою уничтожали его. Чаще всего это было ночью. Маневрируя на левом фланге моздокской группировки немцев, гвардейская конница совершенно неожиданно появлялась у вражеских гарнизонов, создавала панику, громила штабы, стоянки и снова скрывалась в бурунной степи. Как только разведка докладывала о новом скоплении или близости противника, гвардейцы снова нападали на него и снова пустынная степь оглашалась раскатами взрывов, треском пулеметов, конским ржанием.

Холодная зима 1942/43 года в ногайских степях была суровым испытанием воли и мужества советского воина. Все сильнее гуляли здесь каспийские ураганные ветры. Яростно завывая, они закручивали над холмами вихри снега и, смешав его с песком, уносили далеко в буруны.

За казачьими эскадронами, увязая в снегу и скрипя колесами, тянулись пушки, повозки с минометами, «ПТР» и боеприпасами. Их тащили, гордо выступая, как хозяева этих степей, верблюды. Высоко держа на изогнутой шее маленькую голову, они ни за что не шли вплотную за лошадьми. Если их принуждали идти следом за конниками, они поднимали душераздирающий крик. Приходилось держать небольшой интервал. Мы верхом на лошадях ехали позади этих своенравных обитателей песков.

Поверх черкесок и шинелей на нас были черные казачьи бурки, на головах башлыки. Обледенелые, утомленные кони с трудом двигались, утопая в снегу. Казаки временами оставляли седла, чтобы дать отдохнуть коням и самим согреться.

Среди бойцов моего взвода выделялся пятидесятилетний донской казак Кравченко. Широкоплечий, с моложавым лицом и щегольскими русыми усами, он пользовался авторитетом не только во взводе, но и в батарее. Воевать Кравченко пошел добровольно, как почти все люди этого корпуса. В гражданскую войну он служил в коннице Буденного, и всегда старался прихвастнуть этим перед молодыми казаками.

Его уважал и дружил с ним кубанец Никанор Завалейко, человек такого же возраста, но тщедушный, низкорослый. Он всегда подсаживался поближе к Кравченко — любителю порассказать, побалагурить в свободную минуту.

В маневренной войне, которую мы вели в бурунах, тылы и штабы часто отставали, и нам не могли своевременно подбросить продукты и боеприпасы. В таких случаях на строгом учете были продукты и табак. Кравченко, очень бережно относившийся к табаку, любил в самые критические минуты подойти к своему другу и покровительственным тоном сказать:

— Ну что, Никанор, закурим? — И подавал ему кисет и газету.

Удивленный Завалейко радостно принимал угощение, и, укрывшись от ветра, два друга с наслаждением курили, тихо беседуя.

В темную метельную ночь командир батареи предупредил, что мы приближаемся к небольшому селению, занятому противником. После артиллерийской подготовки перед конницей стояла задача ворваться в селение и разгромить фашистский гарнизон.

— В гости к фрицам спешим, значит нужно подготовить подарочки: ружья, минометы, да и клинки подвесить всем! — крикнул Кравченко, закрываясь рукой от снежного вихря, поднявшегося с земли.

— Неизвестно, как они примут непрошенных гостей, — проговорил кто-то из казаков, ехавших позади.

— Непрошенным легче являться, чем долгожданным, — ответил Кравченко.

Порыв ветра унес его слова в сторону.

По колонне пошла команда: «Стой!» Мы остановились, спешились. Начали осматривать лошадей, оружие, готовиться к бою.

— Вот и они поехали вперед, — раздался голос казака Завалейко. — Теперь, значит, дело будет. Берегись, фашист!

Все оглянулись и в предутренней темени увидели проезжавшую мимо группу казаков. Впереди на лихом стройном коне ехал плечистый казак в черной волосяной бурке. Она покрывала спину коня и ноги казака до самых стремян. Серая папаха была надвинута на глаза, на спине лежал башлык.

— Сам командир, — послышался шопот казаков.

Мне давно хотелось увидеть командующего нашим корпусом, о храбрости и подвигах которого много рассказывали казаки, но я так и не рассмотрела его лица.

К нам бесшумно подъезжали артиллеристы. Кони с трудом тянули пушки по сыпучим пескам.

— Это чекурдинцы... А вот и ихний командир, майор Чекурда, — Кравченко кивнул на подъехавшего на стройном коне казака. — За его голову немцы давали большие деньги... Помнишь, нам в станице рассказывали? — обратился он к Завалейко.

Послышался тихий окрик подскакавшего казака.

— Майор Чекурда, вас вызывает генерал.

И он, пришпорив коня, скрылся в темноте.

— Владимир Петрович, — сказал Чекурда комиссару, вернувшись в полк. — Генерал приказал с ходу накрыть это селение. Жителей там нет, их угнали фашисты, противник устроил в селении базу горючего.

— Надо скорее начинать, чтобы дать возможность коннице заскочить туда до рассвета, — проговорил комиссар.

— Товарищ Ковтун! Вызвать ко мне командиров дивизионов и батарей, — приказал майор Чекурда.

Не прошло и получаса, как на селение обрушился шквал огня. Раздались орудийные раскаты, которые отдались эхом в снежной бурунной степи.

Вдруг с оглушительным взрывом вспыхнуло пламя, вероятно снаряд попал в бензохранилище.

Пламя разрасталось. Казалось, что пылал гигантский костер. Он ярко освещал окутанное дымом селение. Потом вспыхнула белая ракета и пронеслась змейкой по озаренному небу. Конники пришпорили коней. Вскоре мы услышали могучее «ура».

— Пошли в атаку, — проговорил Кравченко.

Заржали кони, почуяв бой, казаки с трудом их сдерживали. В бинокль я различала, как на фоне пожарища блестели казачьи клинки. По улицам в панике метались перепуганные фашисты. Некоторые пытались удрать на повозках, но сабельники настигали их и ловкими ударами уничтожали.

— Товарищ младший лейтенант, разрешите нам пойти на помощь? — спросил Кравченко.

Я ответила:

— Здесь наше оружие сейчас не нужно, чекурдинцы дали хороший огонь. Надо беречь боеприпасы.

— У нас есть клинки, — с гордостью произнес Кравченко и, помолчав, добавил: — Я в гражданскую войну служил в сабельном эскадроне у товарища Буденного. Эх, и рубили мы беляков!

Он всмотрелся в горящую деревушку и высказал тревожившую его мысль:

— Здесь генерал наш, надо скорее покончить с фашистами. Разрешите помочь сабельникам.

Противник, опомнившись, открыл интенсивный огонь, чем затруднил действия конников. Повернувшись к Кравченко, я сказала:

— Возьмите с собой десять казаков на свой выбор, заберите противотанковые гранаты. Остальные люди останутся со мной.

Кравченко сразу словно помолодел. Легко вскочив на коня, затанцевавшего под ним, он скомандовал:

— Завалейко, Ярычев, Стасько... по коням, за мной!

Выхватив клинки, казаки ринулись в деревню.

Бой закончился, когда уже было совсем светло. Из кошар выводили пленных фашистов.

Мы подобрали раненых товарищей, сделали небольшой привал и снова двинулись в путь по тоскливым ногайским степям.

Однажды на привале после короткого боя нас, командиров минометной батареи, вызвали в штаб и приказали взять у казаков-минометчиков верховых лошадей и передать их артиллеристам.

— Задача нелегкая, товарищи, — сказал начальник штаба, — но другого выхода нет. Придется на время спешиться.

«Да, это задача, — думала я, возвращаясь из штаба. — Отдать коня —самое тяжкое для казака».

Собрав людей своего взвода, я объявила им приказ командования.

Казаки заволновались.

— Товарищ младший лейтенант, вы, может, не знаете, что мы добровольцы.

— Мы деды...

— Мы добровольно пошли воевать и без коней не можем...

— Ну как же я могу отдать своего Ветра? — жаловался казак Завалейко. — Он же из нашего колхоза. Я его вырастил, выкормил, с ним пошел на фронт, своим пайком делился, чтобы он не худел, * буркой укрывал от снега, а теперь отдай — кому?

— Ничего, — услышала я рассудительный голос Кравченко, — это надо для пользы дела. Для победы ничего не жаль. Я тоже со своим пришел в корпус, а вот отдаю...

И казаки с ним согласились. Вскоре, однако, мы получили лошадей с конного завода корпуса. Изнурительная зима давала о себе знать. Как-то метельной ночью я услышала разговор:

— И что это за тундра? Еще ноябрь месяц, а морозы в этих бурунах, как в Сибири, — растирая замерзшие руки, жаловался Завалейко. — И сколько ж нам здесь кочевать?.. Пускай бы нас послали Сталинград защищать, там же мы нужнее...

И, тяжело вздохнув, Завалейко достал из кармана кисет, зашуршал бумагой и стал делать большую самокрутку.

— Сегодня что, опять газет не было? — спросил он минуту спустя. — Уже четверо суток!

— Да ты видишь, какая завирюха, — ответил ему Кравченко, — в такую погоду если самолет и полетит, то нас не найдет.

— Что там в Сталинграде, не забрали ли его фашисты? — беспокоились казаки, сверкая огоньками самокруток.

— Сейчас за Сталинградом следит весь мир, там идут решающие бои. Наши люди мужественно дерутся, — вмешалась я в разговор, приблизившись к казакам.

— А чего ж нас, старых вояк, в этой пустыне держат? — перебил меня Завалейко. — Нас бы и послали на подмогу в Сталинград.

— Командование лучше знает, где нас держать,— ответила я. — Совершая рейды по бурунам, мы прикрываем от противника магистраль Кизляр — Астрахань, по которой идут грузы и нефть для Сталинграда. Значит, мы отсюда помогаем сталинградцам.

Долго еще казаки обсуждали положение дел на фронтах.

Под утро объявили привал. Мы расположились на снегу и быстро уснули. Проснулась я от пронизывающего холода. Много пришлось приложить усилий, чтобы встать. Кони и повозки были осыпаны снегом; кроме часовых, никого из казаков не было видно. Высоко на ясном голубом небе стояло холодное солнце, под его лучами ослепительно сверкала белая пелена.

Где-то послышался гул самолета. «Ну, — подумала я, — погода подходящая для бомбежки». Но казаки хорошо замаскировались, их трудно было увидеть. Гул самолета приближался, вскоре меж облаками показался наш почтальон «кукурузник». Раздались радостные возгласы проснувшихся казаков.

— Почта, почта! Ура! Почта! — кричал Завалейко, следя за кружившимся самолетом.

На землю полетели тюки с почтой и продуктами. Казаки умывались снегом, кормили и чистили коней, поглядывая в сторону штаба, откуда должны были принести газеты. Вдруг неожиданно для всех приказали строиться.

— Раздали бы сначала газеты, — заворчал Кравченко.

— Да, — поддержал его Завалейко, — уже пятые сутки не знаем, что там в Сталинграде.

Когда доложили комиссару части, что люди по его приказанию построены, он подошел к строю необычно бодрой походкой.

— Здравствуйте, казаки!

— Здравия желаем! — отчеканили бойцы.

— Сегодня я сообщу вам радостную новость. Наши войска, расположенные на подступах к Сталинграду, перешли в наступление против немецко-фашистских захватчиков. Наступление началось в двух направлениях: с северо-запада и с юга от Сталинграда. В ходе наступления наших войск полностью разгромлены... — и комиссар стал перечислять потери врага, понесенные им за эти дни у стен русской твердыни.

После слов комиссара по строю прошел радостный гомон.

— Вот оно, началось, — твердил Завалейко.

— Слава сталинградцам!

— Скорее бы и нам вперед...

Продолжая совершать рейды по степи, мы наткнулись на разбитый поселок совхоза. Никого из жителей в нем не оказалось, очевидно фашисты угнали их с собой. Мы расположились на несколько часов отдохнуть. Мой взвод остановился в одной из полуразрушенных кошар. Казаки принесли охапку репейника и разожгли костер, а я, проверив посты, прилегла. В просветах между стропилами были

видны плывущие в небе облака. Несмотря на усталость, не могла уснуть. Думала о Сталинграде. Казаки, возбужденные сегодняшними известиями, сидели у костра и разговаривали.

— Эх, как жаль, что мы нынче фашистов не поколотили, — сказал кто-то из молодых бойцов.

— Действительно! Люди гонят фашистов с нашей земли, а мы сегодня еще ни одного и не видели, — подтвердил Завалейко.

— Не скучай, Никанор, — проговорил Кравченко, прикрывая рукой от света костра глаза, — повоюешь и ты.

— Да, начался и на нашей улице праздник!

С нетерпением ждали мы сводок Совинформбюро. Все жили одним желанием услышать о новых победах над врагом.

Все чаще и чаще казаки встречались с противником. Разгадав нашу тактику, враг стал создавать в бурунах узлы сопротивления. Огневой точкой в узле часто был врытый в землю танк — у фашистов нехватало горючего. Такой узел оказывал сильное сопротивление.

По данным разведки, нам стало известно, что в ближайшем совхозе создан сильный оборонительный рубеж. Много танков врыто в землю, есть танки и на ходу.

К утру наша батарея подтянулась за казачьим эскадроном поближе к селу. Указав нам район огневых, командир батареи ушел на наблюдательный пункт. Взводы устанавливали минометы, готовились к предстоящему бою.

Фашисты, видимо, решили сорвать наше наступление. Они обстреляли район сосредоточения наших подразделений, открыв интенсивный огонь из минометов и танков. Когда разрывы несколько стихли, телефонист, сидящий у аппарата, крикнул:

— Товарищ младший лейтенант, вас вызывает комбат!

Я поднялась на большой бурун, на вершине которого торчали колючие кусты, занесенные снегом. Здесь и был наблюдательный пункт. Комбат лежал на разостланной бурке и, раздвинув заснеженные кусты, всматривался в даль. Временами он отрывался от бинокля и записывал на планшете данные для стрельбы.

— Ведите наблюдение! — приказал он, передавая мне бинокль. — Я подготовлю данные для двух рубежей заградительного огня.

Вдали виднелись чахлые деревья, маленькие домики. За ними тянулось несколько длинных серых кошар. Впереди нас, укрываясь за бурунами, залегли спешившиеся казаки, недалеко от них стояли замаскированные противотанковые пушки чекурдинцев. Артиллеристы подносили ящики со снарядами на огневые, окапывали пушки.

Меня кто-то хлопнул по спине, и я услышала знакомый голос:

— Здравствуйте, Тамара!

Повернула голову и увидела веселые карие глаза лейтенанта Саши Куценко.

— Здорово, артиллерист-противотанкист! Куда идешь?

— На огневую. Вон мои пушки стоят, видишь? — И Саша указал на стоящие впереди орудия. — Новенькие, недавно получил. Эта семидесятишестимиллиметровая пушка, будь уверена, как даст по любому танку врага, так башня и долой.

В быстрых Сашиных глазах светилось восхищение новыми противотанковыми пушками. Расхваливая их, он, посмеиваясь, спросил:

— Ну, а где твои самоварные трубы?

— Наши минометы в овраге, — спокойно ответила я, будто не заметила его иронии.

— Я был в штабе дивизиона, ожидается крупный бой... Здесь пехоты врага много. У вас работенка тоже будет жаркая.

В это время послышался нарастающий гул моторов, и мы увидели шеренгой ползущие по окраине села танки. За ними, размахивая руками, бежали автоматчики.

— Танки пошли! — крикнул Саша и бегом направился к своим пушкам.

— Товарищ комбат, танки! — доложила я, еле сдерживая дрожь в голосе.

Старший лейтенант перестал писать, подвинулся ближе к кустам.

— Шесть танков... и пехота... — всматриваясь в бинокль, как бы про себя, произнес он.

Затем комбат оторвался от бинокля и приказал телефонисту:

— Придвиньте ко мне аппарат, — и, прижав трубку к уху, стал передавать данные для стрельбы на огневую.

Воздух задрожал от минометных выстрелов, одна за другой через наши головы полетели мины. Они густо рвались среди идущих танков и автоматчиков.

У врага — замешательство. Некоторые фашисты, не выдержав огневого налета, залегли, оторвавшись от танков. Остальные врассыпную бросились вперед, стараясь выйти из зоны шквала огня. Тогда командир батареи передал новую команду: перенести огонь ближе к нам, на второй заградительный рубеж. На несколько минут минометы стихли, остановившиеся фашисты бросились вперед. По ним открыли стрельбу казаки. Когда гитлеровцы приблизились ко второму рубежу огня, наши минометы усилили огонь.

— Вот молодцы Кравченко и Завалейко, вижу, это их работа, справа они, точно бьют, — восхищался комбат. — Хорошие старики!

Земля дрожала от разрывов, пехота противника, идущая за танками, залегла. В зоне разрывов мин один танк остановился с развороченной гусеницей.

— Мина гусеницу разбила!

— А почему артиллеристы не стреляют? — спросил комбат.

— Еще не время, к ориентирам не подошли, — не упустила я случая показать себя знатоком дела.

Как только танки начали подниматься на бугор, артиллеристы засуетились. Прогремел пушечный выстрел, за ним второй, через миг заговорили все пушки. Расчеты поспешно заработали. Орудия вели сокрушительный огонь, зарываясь в песок станинами; дымок, выходивший из каналов стволов, медленно рассеивался в воздухе.

На бугре задымил один танк, завертелся другой. Выскакивавших из люков танкистов настигали пули казаков.

Саша лежал между двух пушек. Размахивая руками и ударяя о землю кулаком, он что-то кричал расчетам. С флангов по танкам стреляли казаки из противотанковых ружей, они подожгли еще одну машину. Оторванные от пехоты, фашистские танки не решились вклиниться в нашу оборону и остановились. Комбат направлял огонь таким образом, чтобы фашисты не могли подняться в атаку.

Вдруг из-за бугра один за другим вылетели казаки-конники с поднятыми клинками и на полном галопе бросились на фашистов.

— В сабельный бой пошли! — крикнул мне комбат и передал команду на батарею: перевести огонь в глубь обороны противника.

Оставшиеся три фашистских танка пытались вступить в бой с конниками, но один из них тут же был подорван гранатой, второму разворотил башню снаряд, посланный умелой рукой наводчика. Только одному танку удалось уйти.

Казаки в развевающихся черных бурках и красных башлыках развернутым строем на конях понеслись навстречу вражеским автоматчикам. Фашисты, не выдержав сабельного боя, бросились наутек. Конники на скаку рубили гитлеровцев.

Вот один казак грузно свалился с вороного коня, наверное ранен. Конь, как вкопанный, остановился, протянул свою морду к хозяину, стал толкать его в спину и тянуть зубами за бурку. Казак встал, держась за ушибленную голову и грудь, поднял ногу в стремя, но вскочить на коня не смог. Его подобрали санитары.

Бой приближался к концу. Настигая и уничтожая отступавших гитлеровцев, конники ворвались в селение. Разгромив гарнизон, казаки, не задерживаясь, начали преследование.

Артиллеристы-чекурдинцы, зацепив пушки за передки, быстро устремились за конниками. Я спустилась с высотки к своим минометчикам, и мы тоже двинулись в путь.

3

В декабре 1942 года ни одного дня не проходило спокойно. Если раньше мы двигались медленно, то теперь эскадроны рысью нагоняли отступающего противника. Верблюды стали плохими спутниками конников. Оставив их далеко позади, мы скакали по бурунам, разыскивая фашистские пристанища.

Люди уставали, у Завалейко стали опухать ноги. Врач признал у него болезнь сердца и велел увезти больного в госпиталь.

— Пусть едет в тыл, — сказал Кравченко, — он уже старый, теперь и без него добьем врага.

— Ни за что, — уперся Завалейко. — Теперь в госпиталь, когда началось наступление? Ни в коем случае не пойду, пусть в этих бурунах меня похоронят, а не пойду!

Однажды разведка трое суток гонялась за подвижным отрядом врага и, наконец, доложила, что скопление танков и автоматчиков обнаружено в селении, в двух километрах от нас. Эскадроны направились туда, артиллеристы за ними.

— Кони чувствуют, что скоро отдохнут в кошарах, — сказал Кравченко, — смотрите, как уши навострили. Знают, что там какое-нибудь сено завалялось для них.

Впереди кто-то закричал:

— Танки!

Из селения навстречу нам шли немецкие танки. Сколько их, мы не успели сосчитать, но к встрече были готовы. Конники мигом рассредоточились и с гранатами в руках заняли оборону за бурунами, а мы залегли за «ПТР». Я успела только крикнуть:

— Ружья к бою!

Бойцы открыли огонь, не ожидая дальнейшей команды.

Часть танков на полном ходу налетела на лошадей, оставленных казаками в стороне, и кони понеслись с диким ржанием по бурунам. Другие танки пошли на людей. Но казаки не дрогнули и забросали их гранатами. Грохот и стон стоял в степи. Я с автоматом и противотанковой гранатой залегла около расчета. Один танк несся прямо на нас... Вот он уже в пятидесяти метрах. Мы отскочили в сторону. Танк развернулся за нами, подставив боковину соседнему взводу. Оттуда открыли огонь, но пули не брали броню. Тогда наводчик сорвал с ремня противотанковую гранату. Все разбежались в стороны от преследующего нас танка, а наводчик остался на месте, укрывшись за буруном. Когда танк приблизился, он бросил под гусеницы гранату. Раздался взрыв, в снег полетели осколки, танк остановился. На мгновение как будто все затихло, потом с новой силой воздух потрясли взрывы. Вверх поднялись клубы черного дыма.

— Чекурдинцы пришли! — обрадованно сказал кто-то.

Я оглянулась и увидела, что сзади стреляют орудия.

Казаки повеселели, вражеские танки повернули, но их настигали меткие выстрелы наводчиков.

Артиллеристы били по деревне, конники приготовились к атаке.

Командир крикнул:

— Конники, за мной! Гнать фашистских захватчиков из бурунов!

За командиром поскакали казаки с клинками над головой, за ними устремились артиллеристы.

— Сычева, приготовиться к маршу! — крикнул комбат.

— Вперед! — послышалась команда.

И мы ворвались в село. Казаки беспощадно расстреливали фашистов из автоматов, рубили их клинками. Несколько вражеских танков, видимо без горючего, стояли замаскированными около домиков и строчили из пулеметов. Артиллеристы открыли по ним огонь. Через пятнадцать минут фашистские танки горели.

Мы стали хозяевами селения и расположились около кошар. Все были рады отдохнуть, разжечь костры, погрызть оставшиеся сухари. Комбат вынес благодарность взводу за отличное выполнение боевых задач.

— Теперь с другим настроением воюем, читаешь сводки — и душа радуется, — сказал Кравченко.

Подбросив корма коням, казаки задымили трофейными сигаретами. Кравченко на привале всегда любил что-нибудь рассказывать. Зная об этом, Завалейко подсаживался к своему другу поближе, сворачивал самокрутку и готовился слушать. Когда становилось тихо, Кравченко начинал свой рассказ.

— А знаете что, казаки, — заговорил он на этот раз, когда все сгрудились в кружок, — нам тут хорошо помогали партизаны. Мы с этой стороны, а они с той наступали на село. Слышали, как фашисты кричали: окружение?

— Какие могут быть партизаны в этих бурунах, где они? — поинтересовался Завалейко.

— Как где? Тут, в селе, говорят тебе, вон у сарая закусывают; их отряд зовут «Иван».

— Кого зовут Иван? — не поняв, спросил Завалейко.

— Да кого ж, отряд! Тебе всегда особо надо сказать, — рассердился Кравченко. — Что сделают партизаны у фашистов: убьют ли офицера большого или пленных освободят, — все, что ни сделают, везде пишут «Иван». Гитлеровцы боятся этого «Ивана», он им везде чудится.

— Он с нами еще под Ачикулаком действовал, этот «Иван», — сказал сидевший рядом с Завалейко казак.

— Мы пробивались к нему, — вмешался второй. — Он все время с нами действует.

— Да, да, правильно! — подхватил Кравченко. — Под Ачикулаком партизаны попали в беду, фашисты их окружили. А полк Чекурды пробил дорогу к партизанам и соединился с ними. В знак дружбы партизаны прислали чекурдинцам овчинные шубы. Это был самый лучший подарок в тех условиях.

Я сидела на завалинке и слушала беседу казаков. Об отряде ставропольских партизан, названном «Иван», слышала давно и знала, что он действует в тылу врага и наносит ему чувствительные удары.

— Вот пошел их комиссар, — проговорил Кравченко.

Я вместе с казаками оглянулась и увидела коренастого мужчину, лицо которого показалось мне знакомым. «Откуда его знаю?» — мысленно спросила себя и пошла следом за комиссаром. На фронте всегда ищешь земляков.

Отдав какие-то распоряжения у себя в отряде, комиссар партизан круто повернулся. Передо мной стоял Николай Андреевич Авдеенко. Я смешалась от неожиданности, а он, посмотрев на мои петлицы, спросил:

— Вы чего испугались, младший лейтенант?

— Меня удивляет, почему вы, крымский житель, партизаните в бурунах?

Николай Андреевич внимательно посмотрел на меня, но не узнал. Тогда я сказала:

— Мы вместе работали на металлургическом заводе в Керчи. Вы работали вначале у станка в механическом цехе, а потом стали секретарем заводского комитета комсомола.

— Правильно, но я вас не помню, — смущенно произнес Николай Андреевич.

Мне пришлось назвать свою фамилию и цех, в котором работала.

От Авдеенки я узнала, что в начале войны он был направлен на партийную работу в Ставропольский край. При подходе оккупантов к Северному Кавказу стал одним из участников партизанского движения на Ставрополыцине.

Мы вспомнили, как работали по нескольку суток, не выходя с завода, берегли каждый винтик на строительстве доменных печей в годы сталинских пятилеток.

— Вот видите, где нам пришлось защищать керченский завод, — сказал Авдеенко.

— А помните, Николай Андреевич, как однажды ночью комитет комсомола призвал нас организовать налет «легкой кавалерии», — надо было что-то проверить в цехах. У меня была спешная работа по монтажу доменной подстанции. После суточной работы без сна я хотела идти домой отдыхать, а вы меня задержали. Как я тогда на вас рассердилась!

— Ну, конечно, помню, — проговорил, улыбаясь, Авдеенко.

— А потом вы нас собрали и сказали, что завод — это собственность народа, что домна «Комсомолка» построена нашими руками. Вы призвали нас любить свое предприятие. Эти слова запомнились мне на всю жизнь.

— Да, счастливое было время... Вот разобьем врага и вернемся в Крым... Будем снова строить и строить...

Послышалась команда:

— По коням!

Мы простились, и партизаны ускакали.

С жестокими боями казаки подошли к селению Ага-батыр. С марша взять его не удалось, последовал приказ нашей части остановиться. У гитлеровцев здесь была усиленная линия обороны. Немецко-фашистское командование знало, что если казаки прорвутся, немцам придется оставить Моздок.

Наступление вел донской казачий корпус, его поддерживали моточасти. В тыл врага была отправлена разведка. Мы стояли во втором эшелоне и ждали приказа.

— Казаки, не спать! Сейчас пойдем на Ага-батыр, — каждую ночь говорил Кравченко.

Но ночь проходила, а приказа наступать нашей части не было. На утро нас начинали бомбить вражеские самолеты. Тогда конники рассыпались по степи. За авиацией выползали фашистские танки, наши артиллеристы уничтожали их или обращали в бегство. К ночи мы снова собирались, и опять Кравченко обещал:

— Не спите, хлопцы, сегодня обязательно выбьем оккупантов.

— Скорее бы! Как же надоело стоять здесь, мерзнуть да слушать, как люди воюют... Дали бы команду: всем по коням и в атаку, мы сразу б забрали тот Ага-батыр, — волновался Завалейко.

Десять ночей грелись казаки нашей части один около другого, хлопали руками, топали ногами, а на одиннадцатую ночь пришел приказ об общем наступлении.

Казаки ворвались в Ага-батыр, оставив позади себя буруны ногайской степи, разрисованной следами танков, лошадиных и верблюжьих ног, усеянной вражескими трупами, сгоревшими танками и машинами.

— Теперь вперед, Завалейко, вперед, на запад! — кричал Кравченко.

Вскоре части Красной Армии взяли Моздок.

В этой победе была и наша доля. Окрыленные успехами на фронтах, особенно большим наступлением советских войск под Сталинградом, конники спешили на Дон, на Кубань, настигая в пути фашистов.

Мы двигались по направлению к реке Куме. После небольших боев овладели станицами Суженской, Иргакли и другими. Шли по пятам противника, который прикрывал свое бегство частыми артиллерийскими и авиационными налетами на наши колонны. Но мы продолжали преследование. Оккупанты в панике бежали, бросая машины, подрывая пушки.

Как-то на марше подъехал ко мне Завалейко и показал огромный соломенный лапоть и кальсоны.

— Товарищ младший лейтенант, это я буду с собой возить. Как приеду в Берлин, Гитлеру покажу. Его войско потеряло, когда бежало из бурунов.

Казаки смеялись, а Кравченко сказал:

— Как пошли в наступление, у Завалейко сердце выздоровело. Когда вперед идет, и одышки нет.

4

Нам предстояло последнее в этом районе большое испытание. По заданию командования мы должны были опередить врага и войти в станицу Северную, лежащую за горой Северной. Гитлеровцы отступали в обход гор.

В селении, у подножья горы, нам разрешили сутки отдохнуть. Помылись в бане, получили новое белье.

Жители рассказывали, что в это время года на горе свирепствуют суровые северные ветры, поэтому гора и называется Северной. Порывы ветра так сильны, что человек не может удержаться на высоте. Те, кто пытался перевалить Северную зимой, погибали.

Вечером я беседовала с бойцами, указала на недостатки прошлых боев и походов, вынесла благодарность отличившимся. Потом разъяснила поставленную перед нами задачу. Рассказала о переходе Суворова через Альпы, о том, как русские солдаты преодолели все трудности и неожиданно для врага зашли в его тыл. Бойцы внимательно, с интересом слушали мой рассказ о полководце Суворове.

Казаки лежали на полу у раскаленной плитки. Впервые за зиму они отдыхали под настоящим кровом. Молодой боец разыскал в какой-то хате мандолину и стал на ней играть. Услышав знакомую песню, некоторые начали подпевать, другие «аккомпанировать» на гребешках и ложках.

— Ну, казаче, прошу сыграть нам кабардинку, — сказал Кравченко.

— Танцовать будете?

— А как же, это мой любимый танец. Я в тысяча девятьсот сороковом году на донской олимпиаде приз за него взял.

— Ну, давайте, — и «оркестр» ударил бойкую кабардинку.

Кравченко, молодецки закручивая усы, прошелся по кругу и, показав знаком, что надо раздвинуться, закружился, засеменил ногами, пошел на носках своих больших кирзовых сапог, а потом на каблуках, приговаривая: «Асса! Асса!» Казаки били в ладоши, а танцор притопывал и приседал на всякие манеры. Концы темносиней суконной черкески были подобраны под отделанный серебром кавказский пояс. На груди двумя рядами блестели высеребренные газыри, красный сатиновый бешмет под черкеской был застегнут до верха на маленькие черные пуговки.

— Асса! Асса! — За Кравченко развевался красный башлык, мелькало донышко белой овчинной кубанки.

Когда он кончил танцовать, раздался гром аплодисментов.

— Думаете, что я не могу танцовать? — сказал Завалейко, выходя откуда-то из-за угла. — Играйте казачка.

Встав посреди круга улыбающихся казаков, он хлопнул в ладоши, потом ударил по коленям, по губам и заплясал, отбивая такт каблуками и приговаривая частушки. А потом пошел вприсядку. Он был

в одном бешмете и синих брюках, без черкески. Казаки смеялись, глядя на его трясущиеся от танца редкие рыжеватые усы, свисающие вниз, на хитро улыбающиеся глаза в морщинках.

— Видали? — крикнул мне на ухо Кравченко. — И сердце не болит. Кто ему даст сейчас пятьдесят лет? Тридцать от силы.

Мы смотрели и не узнавали Завалейко, а он все плясал и плясал.

— Вот старик, вот так Завалейко! — удивлялись казаки.

До поздней ночи люди веселились. На ужин нам сварили галушки. Мы с удовольствием поели их и легли отдыхать.

Подъем на Северную был очень крутой. Километров пять мы шли по глубокому снегу. Казаки, одетые в шинели и бурки, с трудом поднимались, ведя за собой навьюченных лошадей и верблюдов. Только поздно вечером мы взошли на вершину. Она была покрыта ледяной зеркальной корой. Ураганный ветер завывал здесь на все голоса, снег больно хлестал по лицу.

Бойцы вели коней в поводу. Я хотела снять бурку, которая все время распахивалась, мешая идти, и по неосторожности бросила повод лошади, а ветер подхватил меня и, как соломинку, понес по ледяному насту вправо. Я хваталась окоченевшими руками за что попало, но удержаться не могла. Перевернулась на спину. Ветер продолжал тащить по льду, но уже не с такой силой. Впереди чернела пропасть. Я в ужасе закричала. В это время меня подхватили чьи-то сильные руки и над ухом забасил Кравченко.

— Вставайте, товарищ младший лейтенант!

Лошадь ржала и била меня мордой в спину.

Я крепко уцепилась за повод и с трудом подошла к взводу. Бойцы отстали от колонны, поджидая меня. Все молчали: говорить было невозможно — вой ветра заглушал голос. Оттого, что бойцы молчали, мне было еще более стыдно, казалось, каждый думает: командир рот разинул, а ты рискуй жизнью, спасай его.

Я восхищалась выносливостью и мужеством казаков. Благодаря полнейшей дисциплине, воинской сплоченности и порядку мы без потерь перешли Северную.

К утру, когда мы спустились в долину, перед глазами открылась ставропольская станица Северная. Мы расположились на квартирах и смогли раздеться и снять сапоги. Узнав, что в станице Северной стоят казаки, гитлеровцы хотели обойти нас, но напоролись на штыки другого полка.

С рассветом мы начали новый переход, но теперь идти было значительно легче. По дороге останавливались в казачьих станицах, где радушно принимали уставших бойцов.

Однажды, преследуя по ставропольским просторам противника, мы натолкнулись на препятствие: мост через реку был взорван. Река оказалась неглубокой, решили перейти ее на конях вброд.

Взвод переправлялся последним по размытому и истоптанному копытами дну. Тяжелая повозка с минометами увязла, и кони стали. Как их ни понукали, они не могли вытянуть все более увязавшую повозку. Казаки забеспокоились — лошади в холодной воде, на морозе застынут и пропадут. Каждый давал совет, и все смотрели на меня, ожидая решения командира.

— Расчет, за мной! — скомандовала я и первой вошла в мутную воду. Казаки ахнули. Купание в сильный мороз было им не по сердцу, но они сами видели, что другого выхода нет. Ветер обжигал лицо и руки. В воде было теплее, а чуть поднимешься, мороз пробирает до костей, тело коченеет, зубы стучат. Казаки старались вытянуть повозку, но это было не так легко сделать: она погрузилась в топкий грунт. Долго мы раскачивали ее и, наконец, сдвинули с места. В это время к реке подъехала легковая машина. Шофер, видимо, хотел переехать вброд. Казаки закричали:

— Куда едешь, застрянешь!

— Я здесь уже переезжал, — ответил шофер и начал съезжать в воду.

Не доехав до середины реки, машина остановилась. Два казака бросились на помощь шоферу.

Открылась дверца, и выглянул командир казачьего корпуса.

— Вытаскивайте сначала повозку, — приказал он, — а потом поможете вытащить машину.

Минут через двадцать мы вытянули повозку. Обледенели, как сосульки. Пока стояли в воде — еще можно было терпеть, а как вылезли на берег, сразу окоченели... Распрягли лошадей, привязали к машине и стали тащить ее. Повозились минут десять, вытянули и машину. Генерал подозвал меня. Вся мокрая, дрожащая, я подошла к нему и доложила по всем правилам.

— У нас с шофером спор, — сказал генерал, — он доказывает, что вы женщина, а я ему возражаю.

— Я, товарищ генерал, командир взвода.

— Женщина?

— Да, женщина.

— Вот это здорово! Хороший командир, раз в такой мороз казаки пошли за вами в воду.

— У меня казаки молодцы, настоящие воины.

Увидев, что у меня, хотя я и стояла навытяжку, в ознобе стучали зубы, генерал достал флягу и сказал:

— Надо вам погреться, — и налил граммов пятьдесят спирта в крышечку от термоса.

Я выпила спирт, и он огнем разошелся по телу.

— Еще налить?

— Нет, а бойцам хорошо бы тоже погреться.

Генерал засмеялся:

— Несите флягу.

Казаки дали флягу. Шофер, по приказанию генерала, налил полную. Простившись с нами, командир корпуса уехал.

Обледеневшая одежда скоро дала себя знать. Ноги выше колен зашлись и сильно болели. Разделив спирт, бойцы выпили его. Чтобы не обморозиться, мы не стали садиться на коней, а решили бежать вслед за ними. Пробежала с километр и я. Но потом села на повозку, так как в больших, не по ноге, сапогах окончательно выбилась из сил. До населенного пункта оставалось километров восемь, там мы могли догнать своих. На мне все застыло. Одежда ломалась на сгибах, а тело, как обожженное, неимоверно горело. Потянуло ко сну. Кравченко, бежавший около повозки, расталкивал меня.

— Товарищ младший лейтенант, не спите, не спите!

А я сквозь сон ругала его.

— Дайте мне хоть подремать.

— Нельзя, товарищ командир.

Я чувствовала, что закоченела, казалось, во мне остановилась кровь. Единственным спасением представлялся сон. Кравченко стаскивал меня с повозки и заставлял бежать, но я не то что бежать, двинуть ногой не могла.

— Товарищ младший лейтенант, выпейте, у меня осталось трошки, — сказал Завалейко и приложил к моим губам флягу.

На повозку сели два казака и тотчас тоже закоченели.

— Гони полный, — приказал Кравченко ездовому, и лошади понеслись галопом.

В деревне остановились около первой же хаты. Хозяева помогли растереть снегом обмороженных. С помощью хозяйки я начала раздеваться, но белье и портянки примерзли к телу. Вызвали врача.

Позже меня и двух казаков отправили в санчасть.

Вернулись во взвод, когда шел бой за одну из ставропольских станиц. Радостно встречал нас народ в освобожденной станице. Женщины высыпали на улицу, и каждая звала к себе. Вошли в хату, а там старуха ставит на стол пироги.

— Деточки, я целую ночь пекла; вы воюете, а я пеку да плачу от радости. У меня тоже двое в армии. Кушайте, деточки... У нас в каждой хате пекли ночью. Пушки стреляют, а бабы пекут да слезами обливаются, — говорила нам старушка.

Около плиты суетились молодицы.

— Будь они прокляты, окаянные фашисты! Одно дело у них: лазят под окнами, выставляют автомат, а сами кричат: «Мамка, есть курка, яйки?..» Да какая ж я вам мамка, нехристи? Может, вы моих деточек поубивали, а у меня яйки пытаете, да еще и мамкою называете. Ешьте, деточки, ешьте, — приговаривала старушка, угощая казаков.

В феврале мы дошли до Батайска. Начались ожесточенные бои на подступах к Ростову.

— Скоро увидим родной Дон, — радостно сказал Кравченко, когда мы заняли огневые недалеко от железной дороги.

Мы стреляли по огневым точкам противника из минометов, а кавалеристы рубили автоматчиков, в панике бежавших с оборонительных рубежей.

— Кравченко, вот твоя родина, твой Дон! — крикнул Завалейко, когда мы вышли на железнодорожную насыпь.

Перед нами раскинулась белоснежная равнина, перерезанная лентой замерзшей реки. Река терялась в укрытом туманом городе. Я стояла очарованная зимней красотой Дона.

— Вот какой Дон, товарищ младший лейтенант, а вон Ростов, — объяснял мне Кравченко, любуясь родными краями.

После того как мы переправились по льду через Дон, нам пришлось вести сильные бои с противником, засевшим в населенных пунктах в районе станции Копры.

Долго казаки взвода не могли успокоиться, когда узнали, что Ростов уже освободили другие части.

— Как же так, что мы, казаки, и не первыми пришли в Ростов? — говорил недовольный Завалейко.

— Ничего, зато мы первыми придем в Берлин, — успокаивал его Кравченко.

Вскоре мы подошли и заняли оборону на реке Миус.

Однажды комбат объявил, что меня вызывают в штаб, наверное на празднование Международного женского дня. Я поехала. В штабе уже собралось много добровольцев-казачек, которые вместе с корпусом прошли большой и славный путь. У всех было торжественное настроение, все постарались принарядиться в новое, недавно выданное казачье обмундирование. Увидела Марию Яденко. Ее черная, туго заплетенная коса свисала до пояса.

После торжественной части и доклада о Международном женском дне объявили приказ командования о награждении. Почти всех женщин, присутствовавших на собрании, наградили орденами или медалями и объявили благодарность за безупречную службу.

На Воронежском фронте продолжалось наступление. Сюда направляли людей, технику, боеприпасы. Весной группу офицеров, в том числе и меня, откомандировали в распоряжение штаба Воронежского фронта.

Сообщение было тогда плохое, пассажирские поезда еще не ходили, пришлось ехать в теплушках, на платформах, попутных машинах. Наконец после всех дорожных мытарств мы приехали в Воронеж.

— Пойдете в офицерский резервный полк, — сказали нам в штабе.

— Товарищ майор,— попросили мы,— сейчас идут жестокие бои, трудно усидеть в резерве, пошлите, пожалуйста, на передовую.

Майор был неумолим.

Вышли на улицу с кислыми лицами.

Походили по городу и не встретили ни одного целого дома, везде сплошные развалины. Жители ютились в полуразрушенных квартирах.

Постучались в маленький уцелевший домик. Хозяйка с измученным бледным лицом приветливо встретила нас.

— У нас, деточки, теснота, три семьи в двух комнатушках, но вы наши желанные гости.

— Где же ваши домочадцы? — поинтересовались мы, никого не найдя в комнатах.

— Еще на работе. У меня две дочери, да у соседки, что живет у нас, — в ее дом бомба попала, — тоже две. Скоро с работы вернутся.

— Так поздно работают?

— Они ходят дом строить.

— Какой дом? — удивились мы. — Вы что, себе дом отстраиваете?

— Зачем себе? В городе комсомольская организация взялась дом восстановить, — объясняла хозяйка.

В коридоре послышался звонкий смех. Через секунду в комнату вошли девушки. Увидев нас, они смутились.

— Танечка, познакомьтесь, у нас гости, — сказала старушка.

Молодые, крепкие, но с усталыми лицами девушки разглядывали нас не без любопытства. У той, которую женщина назвала Таней, блондинки с голубыми глазами, нос был измазан глиной. Поздоровавшись, девушки побежали умываться.

Утром, когда я готовила завтрак, а товарищи в ожидании каши из концентратов весело разговаривали с девушками, во дворе забили в рельсу. Я решила, что это воздушная тревога. Сказала о своем предположении девушкам.

Таня засмеялась.

— Да нет, это нас оповещают о начале работы.

— Какой работы? Сегодня воскресенье, выходной день!

— А у вас на фронте разве есть выходные?

И девушки наперебой начали рассказывать, что в свободное от работы время они восстанавливают дома для трудящихся города. Вскоре они вышли из комнаты.

Выглянув в окно, я увидела Таню в сером брезентовом фартуке. Она несла ведро, штукатурную лопаточку и молоток. Один из лейтенантов сказал:

— Если девчата в тылу не отдыхают, то нам тем более надо спешить.

И мы после завтрака двинулись в путь.

В резервном полку шли усиленные занятия: люди готовились к новым боям, изучали новую военную технику. Я с радостью согласилась заниматься на курсах переподготовки, выпускающих артиллеристов-противотанкистов. Сбывалась моя заветная мечта. Я с головой ушла в изучение артиллерийского дела.

Из газет и сводок Совинформбюро мы знали, что немецко-фашистское командование бросило на наш фронт свои лучшие дивизии. На вооружении противника появились мощные танки «Тигр» и самоходные пушки «Фердинанд».

С замиранием сердца следили мы, курсанты, за ходом ожесточенных боев на Орловско-Курской дуге, хотелось скорее попасть на фронт.

Наконец мы закончили курсы переподготовки. Три лейтенанта и я получили направление в гвардейскую дивизию, сформированную из курсантской бригады в дни, когда враг стоял у стен Москвы. В настоящее время дивизия находилась в Чернянском районе, в лесу, на коротком отдыхе. Меня назначили в отдельный истребительный противотанковый дивизион, а моих спутников — в стрелковые полки.

По дороге мы встретили командира дивизии. Увидев группу офицеров, он остановил машину и обратился к нам:

— Новые?

— Да, идем с назначением.

— С какого фронта?

— С Северного Кавказа.

Посмотрев на меня, генерал спросил:

— А это что за вояка?

Я доложила по всем правилам устава:

— Товарищ гвардии генерал-майор, младший лейтенант Сычева прибыла во вверенную вам дивизию для прохождения дальнейшей военной службы на должность командира огневого взвода отдельного истребительно-противотанкового дивизиона.

Генерал рассмеялся.

— Ну, посмотрим, как будешь воевать. Если так, как докладываешь, то хорошо, а не справишься, отправлю обратно.

И стал расспрашивать, откуда мы, где воевали. Узнав, что и я была в боях, сказал:

— Вот и ладно, значит уже обстреляна, — и, посмотрев на мою юбку военного образца, тапочки (сапоги были в вещевом мешке) и белые носки, добавил: — Надо надеть брюки и сапоги.

— Есть, — ответила я.

На лесной опушке, заросшей кустарниками и высокой травой, размещался противотанковый дивизион майора Капустника.

— Где здесь командир дивизиона? — спросила я у проходившего солдата.

— А вот сидит, — ответил он.

Под ветвистым деревом у самодельного столика, склонив голову, сидел и что-то писал офицер. Гладко зачесанные набок черные волосы блестели на солнце. На плечи была наброшена простая солдатская шинель с полевыми погонами майора.

Я подошла и доложила о прибытии на должность командира взвода. Майор, прищурив глаза, внимательно посмотрел на меня.

— Откуда прибыли?

Я ему кратко рассказала о себе.

— Ну, хорошо, идите в штаб, оформляйтесь.

Через несколько дней я получила взвод, познакомилась с бойцами. Всерьез узнать каждого предстояло в боях. Сейчас главное — обучить их, и мы стали учиться.

Среди бойцов моего взвода была невысокая, худенькая, молчаливая девушка Аня Балашова. В первые же дни я увидела, что она пользуется во взводе большим авторитетом, разрешает все спорные вопросы, ее слово — закон для бойцов.

— Балашова считается хорошим наводчиком в дивизионе, — сказали мне в штабе.

Позже Аня рассказала, что война застала ее в девятом классе средней школы. Когда фашисты ворвались в-их село, она с отцом ушла в партизаны. Вскоре разведка партизан донесла, что в селе оккупанты согнали в сарай колхозников, подозреваемых в связях с партизанами, и подожгли его. Так

были заживо сожжены ее мать и братья. Через некоторое время Красная Армия освободила их район, отец ушел на фронт. Часть, остановившаяся в их деревне, взяла ее работать на кухню. Она попросила перевести ее в батарею. Там стала подносчиком снарядов, постепенно изучила стрельбу из орудия, и ее сделали наводчиком.

— Хорошо, Аня, — сказала я ей, когда она закончила свой рассказ, — будем воевать вместе. Только без поблажек. Хотя ты девушка и добровольно пошла на фронт, но в боевой обстановке должна быть наравне со всеми.

— Да, да! — воскликнула Аня. — Мне нравится, когда во мне видят прежде всего солдата.

Позже я убедилась в храбрости Балашовой. Как- то в горячке боя, не надеясь на выдержку этой хрупкой девушки, я подбежала к ее орудию. Аня стояла у панорамы спокойная и какая-то торжественная. Ее почти детское лицо было бледно, тонкие губы плотно сжаты, чуть коротковатый нос нервно подергивался. Девушка подпускала на нужное расстояние бронированные фашистские машины и без промаха стреляла по ним.

...Пополнение дивизиона людьми продолжалось. Дней через десять после моего прихода в часть я зашла в штабную палатку. Начальник штаба капитан Фридман сидел на самодельной койке и разговаривал с незнакомым мне офицером.

— Знакомьтесь, Сычева, это ваш новый командир батареи.

Я поприветствовала старшего лейтенанта. Он представился, пожав мне руку:

— Бородин.

Среднего роста, загорелый, круглолицый, с быстрыми черными глазами, старший лейтенант произвел впечатление смелого и энергичного человека. Увидев на нем горнокавказское обмундирование, я спросила:

— Вы воевали на Кавказе?

— Да, пришлось побывать, — скромно ответил Бородин.

В разговоре выяснилось, что мы некоторое время служили в одной армии.

В тот же день Бородин должен был принимать батарею.

После обеда бойцы чистили сапоги, умывались, заправлялись.

— Давайте подошью воротнички, кому еще не подшила, — говорила Аня. — Сегодня командир дивизиона майор Капустник придет, будет новому комбату представлять батарею. Всем надо быть чистыми.

Девушка посмотрела вокруг.

— Ибрагимов, что это за заправка? Почему ремень болтается? А ну-ка, заправься хорошенько.

Вскоре последовала команда строиться.

— Смирно! Товарищ гвардии майор, по вашему приказанию первая батарея противотанкового дивизиона построилась. Докладывает командир второго взвода гвардии младший лейтенант Анаденко.

Командир дивизиона строго осмотрел бойцов. Те, кто воевал с майором, знали, что Капустник хороший артиллерист: в критические моменты боя он всегда на огневых, и ни один вражеский танк не пройдет там, где стоит дивизион майора. Грамотный и отважный офицер, он был чрезвычайно требователен к себе и подчиненным.

— Почему много небритых? — майор остановился против Ибрагимова. — Товарищ боец, два шага вперед, шагом марш!

Ибрагимов вышел из строя.

— Вы почему не бриты?

— Не успел, товарищ майор, — краснея, ответил Ибрагимов, — был в наряде.

— В чьем взводе этот боец? — обратился майор ко мне и младшему лейтенанту Анаденко.

— В моем, товарищ гвардии майор, — вытянулась я.

— И все небритые, наверное, из вашего взвода? После поверки зайдите ко мне!

Мне стало не по себе, краска залила лицо.

Через час я спускалась по ступенькам в землянку командира дивизиона.

— Вы почему не учите людей аккуратности? — сразу спросил меня майор, отложив газету, которую читал до моего прихода.

Я стояла навытяжку и не могла ничего возразить. Голубые глаза майора, казалось, впились в самую мою душу.

— Если боец неопрятный, значит он разболтанный и недисциплинированный, — сказал командир дивизиона.

— Виновата, товарищ гвардии майор, исправлюсь.

— Завтра я проверю у вас пушки, не такие ли они грязные, как бойцы.

Я молчала.

— У женщины-офицера бойцы взвода должны быть опрятны, как ни у кого. Учтите это.

Я сделала для себя вывод: в гвардейской части требовательность и дисциплина выше, чем в других частях, в которых я служила раньше. Надо и мне подтянуться.

Как-то утром, на поляне, недалеко от штаба, я проводила политбеседу с бойцами своего взвода. Начали обсуждать подвиг одного артиллериста, который во время танковой атаки, когда орудие вышло из строя, взял в руки противотанковые гранаты и бросился под танк.

Зашел спор: правильно ли поступил боец? Одни говорили — правильно, другие — неправильно. Я прервала спор и объяснила, что именно так и надо поступать каждому бойцу: если орудие вышло из строя — сам ложись под танк, взорви его, погибни, а не пропусти мимо себя.

Сидевший неподалеку заместитель командира дивизиона по политчасти капитан Питиримов слышал мое наставление бойцам и, как только закончились занятия, вызвал меня в штаб.

Я зашла в мелко отрытую землянку и доложила о прибытии.

— Садитесь, Сычева, — вежливо сказал капитан.

Я села на ящик от снарядов и с нетерпением стала ждать, что он скажет.

— Вот как вы учите своих бойцов?.. Не драться с врагом, не истреблять его танки, а бросаться под них?

Меня как кипятком обдало.

— Нет, товарищ капитан, вы меня не так поняли, — пробормотала я, опустив глаза.

— Тогда повторите, как вы объясняли бойцам, — глядя на меня в упор, приказал капитан.

— Я объяснила бойцам, что если орудие выйдет из строя или не будет боеприпасов, бери гранаты и бросайся под танк...

— Как вы можете учить этому бойцов? От вас я этого не ожидал. Другое дело, если в критический момент боя любовь к родине подсказывает бойцу отдать свою жизнь, отдать недешево — не за один танк, а за исход боя, за жизни многих боевых товарищей. Вам понятна ваша ошибка? — спросил капитан.

— Понятна, — шепнула я, сгорая от стыда.

— В комсомоле давно? — поинтересовался капитан, совсем изменив тон.

— С тысяча девятьсот тридцать третьего года.

— Надо готовиться в партию, пора уже. И бойцы у вас есть такие, которых можно готовить. Вот старший сержант Балатов — хороший, дисциплинированный командир орудия, рядовой Белюков и другие... Это ваша опора в боях.

Долго еще беседовал со мной капитан.

Возвращаясь к себе, я почувствовала, что передо мной открылась новая страница учебника, которая раньше не была мною усвоена. «Да, людей надо беречь и дорожить ими, человек — это самый ценный капитал в мире. Капитан прав, воевать надо так, чтобы и врага победить и самому остаться живым, а если уж погибнуть, то очень дорого отдать свою жизнь во имя общей победы».

Мирная жизнь дивизии кончилась. Через несколько дней мы пошли в первый бой. Для меня это было двойным испытанием, так как я впервые командовала противотанковым подразделением, впервые руководила стрельбой прямой наводкой. В бою я убедилась, что люди подготовлены и работают дружно, да и сама я стала как-то более подтянута. Знания, полученные на курсах, а также учеба со взводом в лесу, требования, предъявляемые ко мне старшими командирами, обогатили мои офицерские навыки, повысили командирскую культуру.

5

Наши войска развивали решительное наступление. 23 августа 1943 года был освобожден Харьков. Битва за Украину разгоралась с невиданной силой и стремительностью. Противник цеплялся за каждый рубеж, бросал в контратаки соединения танков, авиации и мотопехоты. Но советские войска ломали сопротивление врага.

Сентябрьское солнце клонилось к западу, когда мы ворвались в одну из приднепровских деревень, окруженную лесом. Со слезами радости встречало нас население деревни и группа приднепровских партизан, взаимодействовавших с нашей дивизией в боях за подступы к Днепру.

Немецко-фашистское командование рассчитывало задержать у Днепра продвижение советских армий и стягивало к этому естественному рубежу обороны свои резервы, укрепляя правый берег.

Мы начали готовиться к форсированию реки. В густых лесах у Днепра день и ночь приглушенно стучали молотки и топоры, саперы сбивали паромы, делали лодки и баркасы, готовили подъезды к переправе. По узким лесным дорогам то и дело шли к опушке и обратно повозки, машины. Скрытно подвозили боеприпасы, продовольствие, горючее.

В ночь на 27 сентября подразделения нашей дивизии подошли к Днепру, готовые к броску на Правобережную Украину.

Кругом царила тишина, люди говорили шепотом. Мы стояли на берегу и смотрели, как грузились в резиновые лодки гвардейцы пехотного батальона капитана Резинкина.

Изредка на правом обрывистом берегу Днепра взлетали белые осветительные ракеты. Небо было пасмурно, моросил мелкий, как пыль, дождь, но его никто не замечал. Каждый напряженно ждал своей очереди переправиться, каждому хотелось поскорее вступить на правый берег.

— Бериков, — сказал старший сержант Балатов, подойдя к одному из бойцов моего взвода, — ты ведь любишь писать стихи. Вот и напиши завтра в армейскую газету о переправе, передай, что сейчас у каждого на душе... Если хорошо напишешь, весь взвод скажет: действительно наш Бериков поэт.

— А что, думаешь, не напишу? Было бы светло, сейчас взял бы карандаш...

— Батарея Новикова — грузиться! — приглушенно прозвучала команда, когда резиновые лодки с пехотой были уже далеко от берега.

Противотанковые пушки бесшумно скатывались на большие, качающиеся на воде плоты.

Противник, видимо, почувствовал неладное. На правом берегу послышалась беспорядочная стрельба. Враг накрыл реку сокрушительным минометным огнем. Вскоре на той стороне завязалась ожесточенная перестрелка. Очевидно, бойцы капитана Резинкина успели уже высадиться.

Плот,- на котором находился старший лейтенант Новиков, не доплыл еще до середины Днепра, как в него попала мина. Плот стал накреняться, пушки опрокинулись и пошли ко дну. Люди оказались в воде, некоторые были ранены и захлебывались в черной стремнине Днепра.

— Хлопцы, за мной! — крикнул старший лейтенант Новиков и бросился вплавь вперед. Эхо повторило его слова, и при свете ракет мы увидели бойцов, плывущих к правому берегу, несмотря на то, что левый берег был ближе.

— Не забудь все это описать в стихах, — сказал Балатов сержанту Берикову.

Тот молча смотрел на реку.

— Батарея, грузиться! — скомандовал Бородин.

Отчалили от берега. Бойцы лопатами загребали воду, давая направление плотам, мины рвались вокруг нас, обдавая брызгами.

Плот покачивало и относило вниз по течению.

— Если мина угодит, плыть только к правому берегу, — распорядился комбат, ехавший с нами.

На правом берегу нас встретили майор Капустник и начальник штаба Фридман. «Когда они успели переправиться? Неужели с пехотой?» — подумала я. Пехотные подразделения заняли первые заднепровские высоты, нам надо было на одну из них тащить пушки. К рассвету у нас все было готово к открытию огня.

Первые лучи солнца осветили плавные воды Днепра. На правый берег продолжали высаживаться наши войска. Саперы под огнем противника строили постоянную переправу. Налетели вражеские самолеты. Казалось, всю землю рвануло к небу. Фашистские стервятники с ревом пролетали над самой головой, как бы желая крылом сбить нас в Днепр.

Несколько раз за день противник бросал в контратаку танки и автоматчиков, в воздухе беспрерывно висели «Юнкерсы», но гвардейцы продвигались вперед, шаг за шагом расширяя плацдарм.

— Сычева, твой взвод идет в распоряжение начальника артиллерии стрелкового полка майора Трощилова, отправляйся для связи, — приказали мне в штабе.

Недавно освобожденная нами деревня еще пылала, и яркое пламя озаряло небо. Командный пункт полка помещался в полуразрушенном здании школы. Я спустилась в подвал и спросила майора Трощилова. Мне указали на говорившего по телефону широкоплечего высокого офицера.

— Вот хорошо, — сказал майор, когда я доложила ему о прибытии, — на этом фланге очень трудно, у противника много танков, надо поддержать пехоту. Сколько у вас пушек?

— Две.

— Достаньте свою карту. Смотрите, вот село, на западной окраине его расположена артиллерия нашего полка в боевых порядках пехоты. Вам нужно поддержать огнем правый фланг. Поставьте пушки на высотке, вот видите? Там у нас находится рота пехоты. Отмечайте на карте район огневых позиций. Ясно?

— Ясно.

— В шесть ноль-ноль доложить о готовности и прислать карточку противотанкового огня.

Выйдя из штаба, я вспомнила, что о боевых делах Трощилова недавно писали в дивизионной газете. Да и раньше не раз слышала фамилию майора. Говорили о его храбрости. В трудные моменты боя он сам становился за наводку.

Пехотинцев встретили неподалеку от села. Лейтенант, командир роты, сказал, что гитлеровцы только что отбили у них высотку, на которой я должна была занять огневую.

— У нас осталось всего десять человек бойцов, — добавил он.

Вернулась в школу и доложила:

— Товарищ майор, место, указанное вами на карте, занято противником, а пехотинцев — всего десять человек.

Майору не понравился мой доклад. Он нахмурил широкие брови, надвинул шапку-ушанку, поднял автомат и сказал:

— Ну что ж, пойдем выгоним фашистов, товарищ младший лейтенант.

— Как это — выгоним? Мои бойцы в трех километрах отсюда, я пришла, чтобы выбрать огневую, а не отбивать ее.

— Нет, товарищ младший лейтенант, здесь считаться не приходится. Мы с вами пойдем вместе с пехотинцами и выгоним оккупантов.

— А мы, товарищ майор, сможем их выбить? Ведь у нас так мало сил?

— Должны суметь, на то мы и русские.

Выйдя из здания, подошли к пехотинцам. Командир их представился майору.

— Сейчас два часа ночи, фашисты отдыхают, — сказал Трощилов. — Разделим бойцов на три группы, станковый пулемет поставим на правый фланг. Вы, лейтенант, и я поведем людей. Когда подползем, я дам сигнал занимать траншеи. Сигнал — красная ракета.

Поставив бойцам задачу, мы поползли по-пластунски. Со стороны противника в небо взлетела ракета, пришлось залечь. Ракета потухла, и мы снова поползли. Ветер уже ясно доносил разговор фашистских часовых. Где-то застрочил пулемет.

Наконец взвилась сигнальная красная ракета. «Ура» послышалось с трех сторон. Мне показалось, что в атаку поднялась, по меньшей мере, рота. Гитлеровцы не успели опомниться, как в их траншеи полетели гранаты. Минуту спустя мы были в окопах. Там завязалась рукопашная схватка. Я прижалась к стене. Недалеко услышала возню, всмотрелась. Два здоровенных гитлеровца напали на майора Трощилова.

Я выстрелила в одного из них. Второго прикончил Трощилов.

— Проверить траншеи! — приказал майор бойцам.— Выставить пулемет и наблюдателя. Утром начнется наступление. Держитесь крепко. А вас, товарищ младший лейтенант, — Трощилов повернулся ко мне, — благодарю, вы спасли мне жизнь. — Он пожал мою руку. — Ну, вот мы и взяли высотку обратно, — продолжал майор. — У вас есть потери?

— Один ранен, — сказала я.

— Ставьте пушки здесь, рядом с пехотой, да маскируйте получше. К утру командование пришлет подкрепление.

Я послала связного за взводом.

Противник обрушил на высотку шквал минометного огня. В воздухе стоял беспрерывный свистящий звук. Я зашла в траншею к пехотинцам. Мне не понравился боец, который при каждом свисте пролетавшей мины хватался за голову и прижимался к стенке траншеи. «Какой трус», — подумала я. Но, присмотревшись, заметила, что в огромной ушанке утопает еще совсем мальчишеское лицо, рукава шинели подвернуты.

— Вы что, боитесь, товарищ?

Он ответил:

— Да, боюсь. А вы не боитесь?

Меня смутил этот вопрос. Чувствуя, что говорю неправду, проговорила:

— Нет, не боюсь, и смерть презираю.

— Это значит, что вы, товарищ младший лейтенант, столько сделали, что вам и умереть не страшно. А я вот вчера только первый раз в бою. И вдруг сегодня умереть. Это страшно! Ведь я не хочу попусту отдать свою жизнь. Потому и боюсь.

— А сколько вам лет?

— Шестнадцать...

— Шестнадцать? Почему же вы в армии?

— Сам пошел, — ответил боец и посмотрел на меня недетским суровым взглядом. — У меня причина к тому есть.

Я заинтересовалась судьбой парня, и он мне коротко рассказал:

— Жили мы в Курской области, напали фашисты, отец ушел на фронт, осталось нас три брата, сестра и мать. Старший брат, комсомолец, ушел в партизаны. Сестру фашисты угнали в Германию. Кто-то донес, что мой брат партизан. Ночью гитлеровцы заскочили в хату, забрали мою старую мать, двое суток мучили ее, требовали, чтобы она сказала, где находятся партизаны. Мать молчала. Они решили повесить ее. Когда надевали на шею петлю, она громко крикнула: «Мои сыны отомстят за меня!».

Голос бойца дрогнул, и я почувствовала, что он готов заплакать. Вытерев рукавом шинели лицо, он произнес:

— Все время слышу эти слова... Четверо суток качалось тело матери на площади перед нашими окнами. Младший братик подбежал к виселице, а гитлеровец так ударил его прикладом по голове, что он залился кровью и соседи отправили его в больницу. Я остался один. Когда вернулись наши, я пошел в армию, чтобы выполнить наказ матери.

Мне стало ясно: он не трус, он бережет свою жизнь, чтобы отомстить за надругательство над своими родными.

Мои размышления прервал-связной. Он доложил, что пушки прибыли. Я указала огневые позиции, и люди стали окапываться.

Еще в то время, когда я только что приняла взвод, ко мне был направлен старший сержант Балатов. Парень среднего роста, коренастый, сильный. Открытое русское лицо всегда светилось жизнерадостностью и добродушием. Он был назначен командиром первого орудия и помощником командира взвода. Старший сержант хорошо знал орудие, стрельбу по движущимся целям, умел собрать и разобрать любое орудие — не только отечественное, но и трофейное. В боях он был храбр и хладнокровен. Ему, как грамотному комсомольцу, окончившему десятилетку, я часто поручала проводить беседы с бойцами. Но со временем стала замечать, что старший сержант Балатов оказывает своему командиру взвода излишне большое внимание. На отдыхе он старался, чтобы бойцы окружали меня заботой, в боевой обстановке сердился, если мои приказания не выполнялись бегом. Я не могла не видеть, что когда мне оборудовали наблюдательный пункт или землянку, старший сержант старался взять на себя руководство делом и всегда проверял, все ли хорошо сделано. С каждым днем я все больше убеждалась, что это не только уважение, но и увлечение. Трудно было признаться самой себе, что он мне тоже нравится.

Всем своим поведением я старалась показать старшему сержанту, что для него я только командир взвода, и держалась строго, в рамках устава.

В период подготовки к форсированию Днепра мы некоторое время стояли в резерве штаба дивизии. В лесу построили землянки и занялись учебой. С какой любовью старший сержант оборудовал мне землянку! Приказал положить несколько накатов бревен, чтобы вражеский снаряд не пробил потолка, внутри землянки навел такой порядок, что, пожалуй, я сама не смогла бы убрать лучше. Началась чистка и проверка орудий, ежедневные занятия. Старший сержант везде — ну, прямо огонь!

Командир батареи не налюбуется на него и говорит:

— Вот у тебя Балатов, — правая рука!

— А товарищ младший лейтенант все недоволен мной,— с досадой отвечает Балатов.

Однажды после занятий я сидела в землянке и читала какую-то артиллерийскую книгу. Старший сержант пришел с докладом о вечерней поверке. После доклада спросил:

— Товарищ младший лейтенант, разрешите обратиться по личному делу.

У меня дрогнуло сердце.

— Говорите, — сухо разрешила я.

Присев на скамейку, он стал, заикаясь, говорить:

— Товарищ младший лейтенант, неужели вы не видите моего к вам отношения?

— Вижу, вы относитесь ко мне как примерный сержант к своему командиру.

— Нет, нет! Если бы я был хотя бы младшим лейтенантом, я бы мог смелее говорить, а так не могу...

Когда он произнес эти слова, я встала.

— Товарищ старший сержант, запомните раз и навсегда, что я для вас офицер. За последнее время вы что-то разболтались. Встаньте, как положено!

Он вытянулся и побледнел. Постояв минуту, круто повернулся и вышел.

С того вечера Балатов переменился. Стал задумчив, старался не встречаться со мной.

Я подошла к бойцам, посмотреть, как они окопались.

— А вот бруствер сделали низкий, это не пойдет,— сказала я им, — добавить быстро, а то рассветает. Сегодня будет большой бой. Аня, становись за наводку орудия.

В это время подошел командир батареи старший лейтенант Бородин.

— Ну, как у вас дела?

— Дела ничего, окопались. Но почему вы, товарищ старший лейтенант, посылаете меня на такие тяжелые места, я все же женщина...

Не успела договорить, как он оборвал меня:

— Это еще что за женщина, какая женщина? Мне здесь баб не нужно, мне воевать нужно, а с бабами нянчиться некогда. Вы офицер, и я с вас требую, как с офицера. А такие разговоры отставить, чтобы я больше не слышал... На фронте все места трудные, легко сейчас на печи сидеть...

Осмотрев огневые, комбат приказал:

— Приготовиться, через десять минут артподготовка.

С отрывистым могучим жужжанием пронеслись над нашими головами снаряды «Катюш». Вслед за ними на все голоса заговорили тысячи пушек.

— Огонь! — скомандовал Бородин, и наши расчеты заработали.

Мы с комбатом, подняв бинокли, наблюдали за передним краем противника. Казалось, там и камня не останется, все сотрется в порошок.

— Посмотрите, товарищ старший лейтенант, как Аня работает, — обратила я внимание комбата.

Тот повернулся в сторону огневых. Аня спокойно всматривалась в панораму орудия, при этом ее маленькая фигурка сгибалась, а почти детская рука быстро вращала механизмы.

— Молодец, Аня, — начал комбат, но его голос заглушил очередной выстрел из пушки Балашовой.

Больше часа продолжалась артиллерийская подготовка. Мы израсходовали положенное количество снарядов и прекратили стрельбу.

Взвились две зеленые ракеты. Сидящие впереди нас пехотинцы выскочили из траншеи и, держа на перевес автоматы, бросились в атаку.

Промелькнула тоненькая мальчишеская фигурка бойца, с которым я беседовала утром. Он бежал в атаку в первом ряду.

— Отбой, — скомандовал Бородин. — Марш за пехотой!

6

Ломая яростное сопротивление врага, Красная Армия продвигалась по Правобережной Украине. 6 ноября 1943 года была освобождена столица Украины — Киев. Бои шли непрерывные и напряженные. Сосредоточив на Житомирском направлении крупные силы, гитлеровцы перешли во второй половине ноября в контрнаступление, стремясь вновь овладеть Киевом.

Наша дивизия была переброшена вместе с другими частями фронта на участок шоссе Житомир— Киев с задачей остановить наступающего противника.

...Около семидесяти танков врага двигалось по шоссе на позиции нашего дивизиона. Вначале танки шли группами, а потом стали рассредоточиваться.

Тогда все наши пушки почти одновременно открыли огонь. Справа стрелял взвод лейтенанта Петра Осадчука, два танка врага мчались на него.

«Нужно выручать», — мелькнула мысль. Подала, команду, но выстрел пушки взвода младшего лейтенанта Анаденки опередил нас. Один танк, как бы споткнувшись, остановился. Другой свернул в сторону.

...У орудия маленькая фигурка Ани. Наклонившись, девушка всматривается в панораму. Вот цель поймана. Рука нажимает на рычаг — и вторая фашистская машина застывает на месте.

Немногие из наступавших на нас вражеских танков уцелели. На нашем участке, так же как и на других, врагу не удалось прорваться к Киеву. Измотав противника в оборонительных боях, войска фронта в конце декабря снова перешли в наступление.

Вперед мы продвигались быстро.

Почти каждую ночь нам приходилось менять позиции. Почти каждую ночь приходилось нагружать и сгружать ящики с боеприпасами, отрывать новые огневые и щели. И не всегда благоприятной была погода. Иной раз приходилось сидеть в окопе по пояс в воде. В любой местности: в степи, в горах, в лесу,— везде истребители танков должны бесшумно устанавливать и маскировать пушки. А как только послышится команда: «Орудие к бою!» — молниеносно сбросить маскировку со ствола и пушку навести на цель. Быстрота, четкость в исполнении каждой команды, слаженность расчетов — залог успеха в бою. Если неудачно бьешь по танку в первый и второй раз, то в большинстве случаев в третий раз уже не выстрелишь — помешает огонь башенного стрелка или танк ворвется на позицию.

Каждую свободную минуту командир батареи старший лейтенант Бородин обучал нас искусству точного огня. Он сам лично занимался с бойцами, старался привить навыки слаженности и четкости в любой боевой обстановке.

Продолжались непрерывные бои. Отступая с большими потерями, оккупанты разоряли наши села, сжигали хлеба, убивали скот, угоняли население.

В селах организовывались партизанские отряды, которые до прихода наших частей не давали фашистам бесчинствовать и уничтожать народное добро.

За каждый, даже незначительный, водный рубеж гитлеровцы хватались, стараясь построить хотя бы временную оборону. Этим они надеялись сдержать наступление Красной Армии и дать возможность своим войскам отойти к границе. Но ничто не могло остановить наступательный порыв советских воинов.

Вторые сутки шел бой за деревню Вороновку. Днем командир батареи Бородин приказал мне выбрать новую огневую позицию в танкоопасном месте и установить там пушки.

Только поползла к бугру, неприятельские снайперы открыли по мне огонь. Я прижалась к земле и затихла. Огонь прекратился. Начинаю ползти — пули снова свистят над головой. Слетел берет: его пробила пуля. Решила перехитрить противника: скатилась с косогора, будто убитая. Добралась до места. Выбрала огневую и покатилась обратно. Подумала: хорошо, что до войны занималась спортом. На фронте не раз выручала меня спортивная сноровка. Под откос скатилась быстро, но сильно закружилась голова. Встав, я снова упала. Подбежал боец с санитарной сумкой.

— Товарищ младший лейтенант, вы ранены?

— Нет, не ранена.

Не прошло и нескольких минут, как прибежал связной и сказал, что меня вызывает генерал. Привела себя в порядок и пошла. «Наверное, что-нибудь сделала не так».

— Товарищ гвардии генерал-майор, по вашему приказанию гвардии младший лейтенант Сычева явилась.

— Вы не ранены?

— Нет.

— Почему же катились, как колбаса? — А сам смеется.

Я ответила под общий смех офицеров:

— Там снайперы сильно бьют, вот, — и я показала простреленный берет, — а я обманула их.

— Вы не только снайперов обманули, вы обманули и нас. Мы решили, что вы ранены. Правильно, так и надо действовать: и смекалкой и хитростью. Учите этому бойцов. Выношу благодарность взводу за хорошую работу — точно били по целям, молодцы — и вам за военную хитрость.

Ночью мы тащили на руках пушки на новые огневые позиции. Над головой рвалась шрапнель, свистели пули, но бойцы к утру установили орудия и хорошо замаскировали их. Старшина принес в термосе вкусную горячую кашу. Проголодавшиеся бойцы стали завтракать, а я села читать письмо, полученное от отца. Он писал о своих агрономических делах в колхозе, о том, что читал колхозникам мое письмо, в котором я рассказывала о наводчице Ане Балашовой. «Девушки мечтают быть такими, как Аня», — сообщал мне отец. В конце странички письма была нарисована маленькая ручка Лорочки.

С восходом солнца фашистские самолеты стали бомбить нашу высоту. Раздался нарастающий визг падающей бомбы. Я прыгнула в щель, и тут чем-то железным меня ударило по голове. Что-то мягкое и теплое размазалось по лицу.

Мне показалось, что я ранена в голову. Открыв глаза, увидела Аню, свалившуюся в щель вместе с котелком каши, которая и выплеснулась на меня.

Мы посмотрели друг на друга и расхохотались. Земля содрогалась от взрывов, а мы сидели в окопчике и смеялись.

Командир батареи вызвал меня на наблюдательный пункт.

— Сычева, смотрите в бинокль! Видите, у противника правее села Вороновки мост? Задача вашему взводу — пристрелять его, а когда начнется артиллерийская подготовка — разбить. Понятно?

— Понятно.

Рекогносцировка местности была закончена. Комбат достал из кармана вышитый кисет и скрутил папиросу. Я присела около него и взяла в рот сахар, который выдавался мне взамен папирос.

— Да, Тамара... — после небольшой паузы сказал комбат. Редко он называл меня по имени, особенно в присутствии бойцов. — Жаль, что ты не куришь, а то бы мы сейчас закурили вместе. Вот мы уже и в Киевской области. Правый берег Днепра наш. Будем гнать оккупантов до самого Берлина, теперь он нас ничем уж не остановит.

Бородин был родом из Астрахани, там у него остались жена и сынишка о которых он часто рассказывал. Я знала, что комбат сейчас заговорит о своей семье. Мне тоже хотелось кому-нибудь высказать наболевшее, излить свою душу. Я постаралась опередить его и сказала:

— Знаете, товарищ комбат, я сегодня видела во сне своего мужа, да так ясно. Будто он ранен, лежит в какой-то хате и все говорит: «Укрой меня, Тамара, укрой, мне холодно». Я его укрываю, а у самой тоска на душе... Проснулась и думаю: может, он не погиб?

— Ты все надеешься, Тамара? — проговорил комбат.

— Не могу не надеяться! Не знаю, сколько мне осталось жить, но я бы оставшиеся годы разделила пополам, только бы он был жив. Вернулся бы без рук, без ног, я ему была бы таким же другом, как до войны, всегда помнила бы, что он за наше общее дело боролся...

— Не надо, Тамара, тосковать о погибшем. Вот я, например, о своей жене думаю, так она жива, и я верю, что обязательно вернусь к ней, а ты о ком мечтаешь? О погибшем?

Увидев, что я совсем расстроилась, комбат решил прервать разговор.

— Начинайте, товарищ Сычева, пристрелку, пока еще светло.

Из деревни Вороновки ударил миномет. На огневых были двое убиты и трое ранены. Убило наводчика и заряжающего. Жаль было закаленных воинов. У погибшего сержанта Берикова достали из кармана документы. Рядом с фотографией жены и сыновей были стихи, написанные карандашом на обрывке старого плаката. Мы все знали, что Бериков любил писать стихи, но всегда их прятал и не давал никому читать. Я развернула лист и громко прочла:

Кто позабудет быль суровых дней,
Когда к Днепру мы так стремились!
За мать, жену и за детей,
За жизнь их и за счастье бились!
Не позабыть нам переправы
Под шквалом вражьего огня.
Солдат пошел не ради славы
На бой за землю у Днепра.
Вот Украина дорогая
В огне, в дыму пороховом.
Идем вперед, врага сметая,
Мечтая о крыльце родном...

— Написал... — грустно проговорил старший сержант Балатов, вытирая платком лицо погибшего товарища.

Завернули убитых в плащ-палатку, положили в окоп и, засыпая могилу, решили дать салют. Я навела орудие погибшего наводчика на мост и подала команду второму орудию.

На другой день залпом «Катюш» началась артиллерийская подготовка. Мы ударили по пристрелянному мосту. Стреляли до тех пор, пока от него не остались обломки.

— Смотрите, товарищ младший лейтенант, — закричал наблюдатель, — как гитлеровцы суетятся у разбитого моста! Теперь им некуда бежать...

В бинокль были видны столпившиеся у переправы оккупанты.

— На том же прицеле четыре снаряда, огонь!

Через час Вороновка была освобождена нами. Всютночь мы окапывались, устанавливали и маскировали пушки, готовились к отражению возможных контратак оккупантов.

Ясное утро огласилось гулом артиллерийской перестрелки, а позже, когда стрельба утихла, все услышали, как у противника за высоткой заработали моторы. Предстоял ответственный бой. Аня, Балатов и другие готовили снаряды, подносили их к орудиям.

— Я буду во втором взводе у Анаденки, — сказал комбат, проверив нашу готовность к встрече врага.

Через несколько минут наблюдатель крикнул:

— Товарищ младший лейтенант, танки идут!

Я побежала на наблюдательный пункт, увидела ползущие на нас машины и стала считать: один, два, три, пять, десять, двенадцать... И сбилась со счета.

Солдат-наблюдатель побледнел:

— Что трясешься, как баба! — крикнула я, стараясь этими словами скорее подбодрить себя, чем его.

Танки приближались, на ходу ведя рассеянный огонь по переднему краю нашей обороны.

Бойцы моего взвода стояли на своих местах. Наводчик первого орудия спросил:

— Товарищ младший лейтенант, можно открыть огонь?

— Рано. Слушать мою команду!

Веду наблюдение, выжидаю, когда танки подойдут к ближним ориентирам. Наконец подходят. Уже видны белые кресты на их броне.

У орудий все притихли. Пора!

— Маскировку! — с ожесточением кричу я.

Мигом из окопа выскочил боец, сбросил маскировку.

— По головному танку, бронебойным, огонь!

Первыми выстрелами танк был подбит. Но второй развернулся и нацелил на нас жерло пушки. Совсем близко разорвался снаряд, наводчик вскрикнул, упал. Я подскочила к орудию, стала за паводку. Выстрел. Недолет... Бьет Аня из своего орудия. Попадание в гусеницу. Танк завертелся на месте. По нашей батарее стали стрелять другие танки. Недалеко послышался оглушительный взрыв, и я увидела, как колеса от пушки, за которой стояла Аня, завертелись в воздухе. Аню и других бойцов отбросило взрывной волной. Фашистские машины, прорвавшиеся к окопам, в которых оборонялась пехота, с ожесточением завертелись, как бы стремясь вдавить в землю все живое.

— Сычева, держись! — услышала я над ухом голос начальника штаба дивизиона капитана Фридмана и увидела, как он с гранатами в руках бросился в траншею наперерез несущемуся на нас танку. Раздался взрыв и звон металла разбитой гусеницы.

Нервы уже не выдерживали, я была не в силах говорить, только временами облизывала пересохшие губы. Ствол пушки накалился от стрельбы.

Недалеко от нас неслись две вражеские самоходки.

— Заряжай! — приказала я Балатову.

Прицелилась, взяла упреждение и выстрелила. Самоходка остановилась, затем стала медленно отползать в сторону. По второй самоходке мы не успели выстрелить. Из ствола ее пушки сверкнуло пламя, сзади нас потрясло землю, меня отбросило от орудия, обожгло и резануло правую голень. Стала подниматься и почувствовала резкую боль в ноге. Из пробитого сапога захлестала кровь.

Оглянулась вокруг. Неподалеку лежало несколько раненых бойцов и старший сержант Балатов. Было ясно, что этим снарядом вывело из строя весь расчет.

Ухватившись за станину пушки, с трудом встала и увидела, что уцелевшая самоходка взяла на буксир подбитую и потащила ее обратно.

В это время за своей спиной услышала гул моторов и лязг гусениц.

«Танки нас обошли!» — мелькнуло в голове.

Я оглянулась, действительно сзади по лощине двигались огромные машины.

— Наши танки! — не помня себя от радости, закричала я.

Одна за другой шли «тридцатьчетверки». Они с ходу открыли огонь по фашистским автоматчикам, поддерживавшим атаку своих танков. В воздухе появились наши штурмовики и

понеслись в сторону противника. Ряды фашистов дрогнули. Наша пехота с могучим криком «ура» поднялась и ринулась вслед за «тридцатьчетверками».

В глазах мутилось, я в изнеможении опустилась на землю, хотела забинтовать себе ногу и наложить жгут, но вспомнила про старшего сержанта. «Неужели Балатов погиб?».

Кусая до крови губы, подползла к нему. Он тихо стонал.

Перевязала ему раненую голову. Хотела заняться своей ногой, но услышала надрывный голос Ибрагимова:

— Товарищ командир, перевяжите... Болит очень...

Он лежал по другую сторону пушки. Зажав остаток бинта в руке, поползла к нему, но не хватило сил. Я потеряла сознание.

Очнулась от резкой боли. Ногу распирало. Санитар снимал с меня разрезанный сапог, залитый кровью. Уже вечерело. На машине рядом со мной лежали раненые бойцы моего взвода. Около нас стояли Аня и комбат.

— Как там наши? — спросила я Бородина.

— Атака гитлеровцев сорвалась, наши пошли вперед.

Шофер завел мотор.

— Стойте, генерал идет, — услышали мы взволнованный голос Ани.

— Ну что, Сычева, ранило? — спросил командир дивизии, подойдя к машине. — Э, да тут целый взвод. Молодцы, здорово дрались! По-гвардейски!

Лица бойцов просветлели.

— Всех награжу, — сказал командир дивизии на прощанье. — Смотрите, возвращайтесь в мою часть.

Глубокой ночью нас переправили на левый берег Днепра.

7

В медсанбате, осмотрев ногу, женщина-врач покачала головой:

— Девушка, вам придется отнимать ногу.

Эти слова поразили меня.

— Как отнимать?

— Да, видно, отвоевалась. Перебита малая берцовая кость, начинается гангрена.

— Не дам ни за что.

— Если не ампутировать — умрешь.

— Ну и пусть...

— Я позову главного врача.

Ко мне подошел майор. Он осмотрел рану и предложил:

— Пока можно сделать хорошую чистку.

Закатав рукава, женщина-врач начала делать чистку. Стиснув зубы, я сначала крепилась, считала неудобным кричать, но потом боль заслонила все. После укола стало легче. Кость вычистили и наложили гипс.

Нас с Балатовым отправили в госпиталь.

Недалеко от фронтовой линии на санитарный поезд налетели самолеты. Зажигательная бомба попала в третий от нас вагон. Раненые закричали: «Вагоны горят!»

Я подползла к двери. Девушка-санитарка вытаскивала раненых из горящего вагона. Отнесет за насыпь одного, потом возвратится за другим. Упала горящая доска и сбила ее с ног. Гимнастерка на спине задымилась, но девушка поднялась и, хромая, заторопилась к охваченному пламенем вагону. К ней опять потянулись десятки рук, молящих о спасении. Те, кто мог ходить, помогали вытаскивать из вагона тяжело раненных. Загорелся наш вагон. Чьи-то сильные руки схватили меня и понесли. Я повернула голову и увидела старшего сержанта Балатова. Одной рукой он держался за раненую голову, другой тащил меня от линии, стиснув от боли зубы и побледнев.

Вечером аварийная бригада расчистила путь и сцепила уцелевшие вагоны. Раненых потеснили, и нам пришлось лежать на полу. Мне было приятно, что среди других бойцов и офицеров около меня находится человек, с которым мы вместе воевали. Здесь Балатов не был моим подчиненным, мы были равны, как два боевых товарища.

Двадцать дней мы ехали до Ростова и многое пересказали друг другу. Я говорила о Грише, о том, как получила извещение о его гибели, о том, как мстила за него фашистам. Говорила, как свята для меня его память.

Из Ростова нас направили в Тбилиси, там распределили по госпиталям. Меня поместили в палату на двенадцать коек. Все лежавшие здесь девушки-фронтовички были медицинскими работниками.

Старшего сержанта Балатова положили в другой госпиталь. Я привыкла к этому веселому парню, между нами завязалась хорошая дружба. Почти каждый день я получала от него письма, в которых он сообщал о своем здоровье, описывал госпитальную жизнь. Когда Балатов стал выздоравливать, ему разрешили навещать меня. В эти дни я брала костыли, выходила из палаты во двор, и мы подолгу сидели с ним на скамеечке. Я очень дорожила этой дружбой. Видела, правда, что Ваня привязывается ко мне с каждым днем все сильнее, что дружеские чувства перерастают во что-то большее. Но я не могла ответить на его чувство, слишком ярко жил в моей памяти Гриша.

Балатов много рассказывал о себе, о своих родных, о небольшой деревушке, в которой он родился.

— Что там теперь с моими родными? — часто говорил он, вспоминая о доме. — Отец коммунист, был председателем колхоза, наверное ушел в партизаны, а мать с братишками, видно, в оккупации. Завтра меня выписывают, но заставляют идти на месяц в отпуск. Какой, Тамара, сейчас может быть отпуск? И куда я поеду? Буду ругаться с врачами.

— Ничего не поможет, Ваня, — сказала я. — Отпуск тебе придется взять, надо укрепить здоровье.

— Где же я проведу его? В нашей деревне фашисты.

— Поезжай, Ваня, к моим родным, они живут недалеко отсюда и будут тебе очень рады.

Он согласился.

— Когда мой отпуск кончится, ты тоже уже поправишься, и мы вместе поедем в часть, правда, Тамара? — он заглянул мне в глаза.

— Нет, теперь нам нельзя в одну часть.

— Почему?

— Потому, что теперь я для тебя — Тамара, и эта дружба будет мешать нам на фронте.

— Пожалуй, ты права. Ну, отгуляю, тогда будет видно. Пиши родным, поеду пока к твоим.

На следующий день я дала ему письмо к отцу, и он поехал в Сталинири. Вскоре я получила от Вани письмо.

«Очень хорошо меня встретили твои старики, — писал он. — Я не чувствую себя на чужбине, такой заботой меня окружили твои отец и мать. Обо мне хлопочет даже маленькая Лорочка. Каждое утро она приносит кружку молока к моей постели и говорит: «Дядя Ваня, пей молоко, выздоравливай». Мы часто ходим с твоей дочкой гулять в горы. Поправляйся, Тамара, и приезжай, отдохнем вместе».

Прочитав это письмо, я стала проситься у врача в отпуск, но мне не разрешили.

— У вас не заживает остемиэлит, — сказал врач-ординатор.

Я написала об этом домой.

Было солнечное весеннее утро, когда вошла палатная сестра и сказала:

— Сычева, наденьте халат и выйдите в коридор.

Я решила, что приехал Ваня, так как срок его отпуска кончался. Но в коридоре увидела не только его, но и маму с Лорочкой. Этот радостный день показался мне очень коротким. К вечеру мама и дочка уехали обратно.

Через несколько дней старший сержант Балатов был зачислен в авиационное училище. Придя ко мне в госпиталь проститься, он сказал:

— Тяжело расставаться, но я тоже хочу быть офицером, как и ты. Поеду учиться. Хочу стать летчиком.

— Желаю тебе счастья, Ваня.

После его отъезда я стала скучать, мне было тяжело в госпитальных стенах.

Наша палата всегда с нетерпением ждала сводок Совинформбюро. Репродуктор висел в коридоре, и к половине двенадцатого ночи все замирали. Мы открывали дверь и с волнением вслушивались в слова диктора. По сводкам я знала, что наша часть форсировала реку Прут и стремительно продвигается на запад.

Однажды к нам пришли шефы с завода и среди них была Юлия. Встреча была неожиданной и радостной.

Юлия рассказала, что их завод ежемесячно перевыполняет план.

— Сейчас я работаю начальником смены, — сообщила она.

— А я младший лейтенант, командир огневого взвода,— не упустила случая похвалиться я.

Юлия сказала мне, что ее отец тоже был ранен, но уже поправился и снова вернулся на фронт.

Несколько раз Юлия приходила с комсомольцами завода в госпиталь. Мы все любовались ею: столько бодрости и энергии было в этой девушке. Она организовала концерт художественной самодеятельности и выступила сама. Как она пела грузинские народные песни!

Прошло шесть месяцев со дня моего ранения. В госпитале я поправилась, окрепла, но рана не заживала. Настроение было отвратительное. Досадовала, что так мало воевала и так долго лежу в госпитале. Другие выписываются, а я никак не могу отсюда вырваться.

Однажды около меня положили новую соседку по койке. Электрическое освещение в палате тусклое, читать невозможно. Хотела уснуть, но около новенькой сидел парень из другой палаты. Веселый, он все время смеялся. Мы не любили, когда парни приходили к нам, а он околачивался второй день. У меня разболелась голова, и его смех и шутки раздражали.

— Товарищ! Нечего за девчатами сутками ухаживать. Вы нас стесняете, — сказала я, и девушки меня поддержали.

— Правильно, мы не разрешаем, можете разговаривать в коридоре.

Парень и соседка по койке еще громче рассмеялись.

— Вы меня не стесняйтесь, девушки, — сказал парень грубоватым тенорком.

Эти слова еще больше рассердили нас. Но он продолжал посмеиваться, показывая красивые зубы.

— Почему девушки из другой палаты не мешают вам, а я посидел с обеда — и уже помешал. — И он взял с моей тумбочки гребешок и начал расчесывать свой кудрявый чуб.

Я возмутилась:

— Ну-ка, марш отсюда!

— Что случилось? — вмешалась дежурная сестра, услышав крик в палате.

— Да вот видите, второй день сидит в нашей палате, мы стесняемся халаты снять, гоним его, а он смеется и не уходит.

Дежурная тоже рассмеялась.

— Да ведь это девушка — Зина Камышева, сестра Лиды Камышевой, — пояснила она, указывая на мою соседку.

Мы были поражены и долго хохотали, слушая рассказ Камышевых о том, что их принимают за брата и сестру.

Утром я разговорилась со своей соседкой. Лида Камышева оказалась моей землячкой, она жила в Крыму. Несколько месяцев воевала под Севастополем, участвовала в керченском десанте, была на Малой земле, но тяжелое ранение вывело ее из строя. Лида потеряла руку. О своем увечье она ничего не говорила, но много рассказывала об институте, в котором до войны училась. Она перешла на пятый курс мединститута и мечтала стать хирургом. Сестра ее, Зина, закончила летную школу. Вся семья Камышевых защищала Севастополь. Отец — командир-подводник, Зина — летчик, а Лида — врач, сначала на кораблях, а позже в морской пехоте.

— Ни разу не пришлось нам встретиться в Севастополе. Дом был разбит, а мать с двумя детьми эвакуирована, — рассказывала Лида. — Когда я попала в госпиталь, мне сказали: «У нас уже лежит Камышева, летчица». Через несколько минут мы встретились с сестрой. А где отец — так и не знаем.

Лида рассказывала о родном Севастополе, о замечательных людях города-героя, о их силе и мужестве. Камышеву часто навещали моряки из других госпиталей, ее однополчане.

— Лида — смелая девушка, — говорили они. — Прямо на передовой оказывала помощь раненым. Не один моряк обязан ей жизнью.

Меня удивляло, что Лида никогда не говорила о своем увечье, будто это ее нисколько не тревожило. Однажды я имела неосторожность спросить:

— Лида, что теперь будешь делать без руки?

Подняв брови, она посмотрела на меня.

— Как что буду делать?

Я смутилась, а она, заметив мое смущение, продолжила:

— Эх, Тамара, осталось бы сердце. Работу я себе найду, а в работе найду и счастье. Конечно, хирургом мне уже не быть, — грустно закончила она.

Я с Лидой очень подружилась. Присутствие этой девушки скрашивало скучные дни госпитальной жизни.

8

Ранней весной отец переслал мне письмо родителей мужа. Они были эвакуированы в глубь страны и теперь возвратились домой. Там их ждала большая радость — письмо от Гриши. Они сообщали его адрес: Киевская область, село Вороновка, Тамаре Максимовне Васько, для Жернева.

Гриша жив! Трудно передать, что испытала я при этом известии. Схватила письмо и, забыв о больной ноге, затанцевала по палате.

— Гриша, мой муж, жив! — кричала я.

«Но почему же у него адрес не полевой почты, а какой-то Тамары Максимовны. Наверно, он инвалид, иначе был бы на фронте».

Потребовала, чтобы меня немедленно выписали. Врачи отказались это сделать, так как рана еще не совсем зажила. Но после долгих уговоров и просьб, после того как я письменно подтвердила свой отказ продолжать лечение, меня выписали. Я получила новое обмундирование: гимнастерку, суконную синюю юбку и заказанные мною раньше хромовые сапоги. Сапог на раненую ногу натянула с трудом. Купила новые строевые артиллерийские погоны со звездочкой, на рукав пришила эмблему истребителя танков, а на грудь — три полоски ранений. Я знала, что мой муж не терпит ни малейшей небрежности в одежде, сам всегда щеголеват, и мне захотелось прифрантиться. Волосы у меня отросли, и я сделала мальчиковую прическу с чубом.

«Может быть, Гриша уже полковник, ведь товарищ его, который до войны тоже был лейтенантом, сейчас полковник». Я представляла себе, как вытянусь перед ним. «А может быть, он командовал партизанским отрядом?»

Все эти размышления не давали мне покоя ни днем, ни ночью. Я мечтала об одном — скорее встретиться с мужем. В дороге моя нога распухла и распирала голенище, рана гноилась. Приходилось на станциях делать перевязки. Я ехала на чем придется: то в воинском эшелоне, то в теплушке, то на платформе, то на дрезине.

«Какая же это Тамара Максимовна? Вдруг Гриша женился? Нет, не может быть», — успокаивала я себя.

«Может быть, Тамара Максимовна — хозяйка квартиры, и через нее Гриша хочет связаться с нами, а его адрес секретный, он работает в тылу врага».

Многое мне приходило в голову, но только не то, что было на самом деле.

Поезд остановился на маленькой разбитой станции ночью. В комнате дежурного ходики показывали три часа. До Вороновки было несколько километров, но куда пойдешь ночью? Мне не сиделось. Как только забрезжил рассвет, отправилась в деревню.

Местность вдоль дороги мне показалась знакомой. Вскоре завиднелись деревенские окраины.

Я вспомнила, что после форсирования Днепра наша батарея разбила в Вороновке мост. Мы освобождали эту деревню от оккупантов. Здесь я была ранена.

Недалеко от дороги тарахтел трактор, слышались веселые девичьи голоса. Я подошла.

— Здравствуйте, девчата!

— Здравствуйте. — Они остановили трактор. — С вечера работаем, уже две нормы выполнили. Можно и отдохнуть.

Не видя ни одного мужчины, я удивилась:

— А где же ваш тракторист?

— А вот Дуня, — ответили они хором.

Я увидела высокую стройную девушку в комбинезоне.

— Дуня у нас молодец. Когда ее в Германию хотели отправить, она убежала из Вороновки и жила в Киеве до тех пор, пока фашистов из нашей деревни не выгнали.

— Все уже расписали, — недовольно проговорила Дуня.

— А вы докторша, наверное? — присматриваясь ко мне, спросила девушка, стоявшая рядом с Дуней.

— Нет, я не врач. Я артиллеристка. Здесь воевала и была ранена.

— Здесь были ранены? — удивились девушки. — А чего вы сейчас сюда пришли?

— За мужем.

— Или у вас в армии не хватает женихов, что вы сюда приехали? У нас их нет совсем, — сказала Дуня.

— За мужем, а не за женихом.

— А ваш муж тут?

Я рассказала девушкам о письме и спросила, не знают ли они Тамару Максимовну Васько.

— Как же не знаем... Не Гришка ли ваш муж?

— Да, — ответила я.

— Он жил у них на квартире, а потом его забрали наши, как пришли. А Тамара мне сказала, что он женился на ней! — проговорила одна из девушек.

— А когда он жил на квартире? Он с частью останавливался?

— С какою там частью! Он два года жил тут в оккупации.

— Он калека?

— Да нет. Он нам говорил, что у него жена на фронте была, да погибла. Ему сказали, что вы погибли, здесь, на Украине, в сорок первом году.

— Что же он делал при немцах?

— Да что? Работал у них в строительной конторе.

— Неправда! — крикнула я в бешенстве, сама испугавшись своего голоса. — Не может этого быть!

— Что вы на нас кричите, разве мы виноваты, — обиженно сказала Дуня.

— Вы простите меня, девушки, — доведите до их хаты.

— Галя, беги, покажи Васькову хату.

«Не может быть, чтобы он работал у гитлеровцев, пока я воевала. Нет, это ошибка, не может быть, чтобы он бездействовал и спокойно смотрел, как эти бандиты убивают наших людей, топчут нашу землю. Он не такой», — думала я.

Еще издали Галя показала мне угловой дом под железной крышей.

Я поднялась по ступенькам крыльца и вошла в комнату. Хозяева собирались завтракать. При виде меня они насторожились.

— Тамара Максимовна Васько здесь живет?

— Да, — ответили мне.

Из другой комнаты вышла молодая женщина. Я ей представилась:

— Тамара Александровна Сычева.

Она смутилась.

— Я хочу поговорить с вами наедине.

Женщина пригласила меня в другую комнату.

— Григорий Жернев здесь живет? — тихо спросила я ее.

— Жил здесь на квартире, — поспешила подчеркнуть она, — а теперь уже три месяца, как его забрали в армию.

— Вы знаете его адрес?

— Нет, не знаю. Писем от него не получаю.

— Он здесь жил в оккупации?

— Да, он попал в окружение, был ранен, мы его приютили. Знаете, он о вас много рассказывал, но ему передали, что вы погибли. Он рассказывал, как вы его спасли, — торопливо говорила она.

«Не для того я его спасала», — подумалось мне.

Хозяева пригласили меня завтракать. Но я не села к столу. Сказала, что пойду в военкомат узнать, куда направили Гришу.

Меня начали уговаривать, чтобы я никуда не ходила, а легла бы отдохнуть после бессонной ночи.

Сдержанно поблагодарив, я взяла пилотку и вышла.

Прошла несколько дворов. Женщина у плетня поманила меня пальцем.

— Пойдите в ту хатку, там живут старик со старухой, они вам все расскажут.

Поблагодарив женщину, я направилась к домику.

— Ох, доченька, не Гришкина ли ты жена? — засуетилась старуха.

— Да была его жена.

— Моя родненькая, — чуть не плача, проговорила старуха. — Спасители вы наши, вызволили нас... Заходи в хату, заходи, — пригласила она, а сама побежала на огород, звать деда.

В комнате старики начали рассказывать, перебивая друг друга.

— В сорок первом году тут были большие бои, — начала старуха.

— В окружение наши тут попали, — добавил старик.

— Да ты мне не мешай, — рассердилась старуха, — не мешай... Вышла я на двор после боя...

— Еще был бой, когда ты пошла, я тебе сказал — не ходи, а ты пошла.

— Да, еще немцы стреляли, а я вышла на двор, думаю, может, для коровы сена принесу. Слышу, на огороде кто-то стонет. Прислушалась, — стонет, а кругом хаты горят, страх такой, я испугалась. Прибежала в хату, дух не переведу. «Ты что, — спросил дед,— сдурела?» — «Там на огороде кто-то стонет», — ответила я. «Пойдем, посмотрим», — сказал дед.

Подходим — лежит человек, наш офицер. Голова у него черная, как у нашего Мишки, да еще и курчавая, как у него. У нас же сын Мишка — офицер на фронте, письмо получили недавно, уже капитан.

Она медлит, а мне не терпится.

— Ну, дальше, — перебила я старуху.

— Голова у него вся в крови... Дед спрашивает, что делать, я говорю, надо забрать его в хату, это же наш офицер. Может, Мишка вот так же у кого-нибудь на огороде лежит и стонет. И мы с дедом забрали его в хату, а он без памяти. Положив его в хате, я деда послала за лекарем, такой хороший у нас лекарь есть. Пришел, сделал перевязку раненому, привел его в чувство. А мы подумали: как придут фашисты, они же убьют офицера.

— Знаете что, я заберу его в больницу, пускай лежит там, — сказал лекарь и ушел. А потом, когда затихла стрельба, приехала линейка и забрала его в больницу, она тут рядом. Скоро пришли фашисты. Что они тут делали!

— Ну, а Гриша?

— А он полгода лежал в больнице, его лекарь укрыл от фашистов. Потом мы его забрали, он как сын у нас жил, помогал деду. Так было с год, а потом к нам начала бегать Тамарка да звать его к себе. Когда он перешел к Тамарке, то пошел работать в строительную контору. Я же ему говорила: не ходи на работу, живи у нас, как сын нам будешь, деду помогай, пока наши не вернутся. А выздоровеешь совсем — пойдешь к партизанам. А он сказал: нет, буду у Тамары жить. Потом скоро пришли наши и забрали его в армию.

— А где он сейчас, его адрес вы знаете?

— Я не знаю, доченька. А Тамарка знает.

— Нет, она не знает.

— Да, как же так. Она вчера мне показывала телеграмму от него и хвалилась. Требуйте, у нее есть адрес.

Эти слова меня обрадовали. И в то же время я была возмущена, что Васько меня обманула. Я пошла к ней обратно. Вся семья сидела, видно, на совете.

— Хватит меня морочить, давайте сейчас же телеграмму... — едва переступив порог, сказала я.

Васько стала отказываться:

— Я ничего о нем не знаю.

— Ах, вы еще издеваетесь надо мной! — взбешенно крикнула я.

Мать и отец закричали:

— Дай телеграмму!

Дрожащими руками женщина достала из кармана телеграмму и подала мне. «Дорогая Тамарочка, поздравляю днем Первого мая. Сообщи, нет ли писем моих родителей. Целую крепко». Ниже был указан адрес: город Сталино, улица, номер дома.

Я положила телеграмму в планшет и молча вышла. По дороге снова подошла к девушкам.

— Вы что, не отдыхали? — спросила я их.

— Часа три поспали, и снова за работу. Наша бригада комсомольская, надо так работать, чтобы другим был пример. Вы же на войне неделями не спите. И мы в тылу боремся с фашистами, — ответила Дуня.

Девушки мне очень понравились, я почувствовала в их сердечности такое, что настраивало на откровенность. Поделилась с ними своей обидой. Я любила мужа и мстила за него, а он? Попал в окружение и остался у фашистов. Спасал свою жизнь, искал теплого места.

— А теперь, если останетесь живы, будете с ним жить? — спросила одна из девушек, и все посмотрели на меня, ожидая ответа.

— Не знаю, я еще не думала об этом.

— Да что тут думать, — возмущенно сказала Дуня, поправляя сбившуюся косынку, — тут и думать нечего. Если бы мой Мишка не пошел в днепровские леса и не бил бы гитлеровцев, а сидел бы у хаты да смотрел, как фашисты мучают народ, я бы его и знать не захотела. На что мне такой нужен...

Что тут думать, — заключила она и, помолчав, продолжила: — Когда наши пришли, Мишка с партизанами пошел в армию и теперь уже два ордена имеет...

Мне стало стыдно, что я не смогла сразу ответить на этот вопрос, а Дуня так быстро решила его.

В тот же вечер я уехала на первой дрезине. В дороге думала об этих украинских девушках, о всех наших замечательных женщинах, которые все силы отдают для победы над врагом.

В восемь часов утра я приехала в Сталино. Направилась по адресу, указанному в телеграмме. Подошла к казарме, постаралась успокоить себя: думалось, раз Григория взяли в армию, значит он не сделал преступления перед родиной, а воевать еще успеет. Интересно, в каком он звании? Увидела во дворе старшего лейтенанта, спросила:

— Скажите, здесь находится лейтенант Жернев?

— Лейтенант в кавычках? Есть такой... А вы кто будете? — поинтересовался он, рассматривая мои погоны.

— Я его жена.

— Как жена? Он рассказывал, что его жена погибла.

— Как видите, жива.

Старший лейтенант обратился к стоявшему неподалеку бойцу:

— Бегите скажите Жерневу, жена приехала.

Боец опрометью бросился в казарму.

«Какой же Гриша теперь?» — думала я, стоя у столба. Перед войной он был стройный, с красивыми черными глазами, вьющимися волосами. На губах всегда играла улыбка. Он любил хорошо одеваться.

Из казармы выскочил солдат, остриженный, худой, в полинялых старых латаных брюках и грязной гимнастерке, в обмотках. Я в нем еле узнала мужа. «Сейчас наших бойцов так хорошо одевают, почему же он в таком виде?» — промелькнуло в голове.

Григорий остановился, посмотрел на меня, на старшего лейтенанта. Вижу, он ищет кого-то другого, меня не узнает. Старший лейтенант сказал:

— Жернев, жена приехала.

А он оглядывается по сторонам, вероятно, ожидал встретить Тамару Васько. Я не выдержала.

— Гриша!

Он, заикаясь, крикнул:

— Та-ма-ра! — и бросился ко мне. — Тамарочка, ты? Ты жива? Уже офицер? — удивленно произнес он и хотел поцеловать меня.

Но я отстранила его.

— А ты кто?

Он опустил голову.

— Ты знаешь, откуда я? Из Вороновки.

Гриша смутился и больше ни о чем не спрашивал.

Мы зашли в дом, нас оставили одних. Сели за стол.

— Гриша, почему ты в таком виде?

— Я в рабочий батальон попал, Тамара, — вздохнул он.

— Чем же ты занимался у гитлеровцев?

— Тамара, я ничего особенного не делал. Ты же знаешь: я строитель. Очень долго ходил без работы, а потом жить надо было, и я пошел в строительную контору. Меня послали на работу.

— На какую?

— Строить дороги и мосты.

Комната поплыла у меня перед глазами.

— Ты строил мосты для врага?

Я вспомнила задачу, которую мне поставил комбат: разбить мост около Вороновки. Вспомнила погибших там бойцов.

— По этим дорогам, что ты ремонтировал, фашисты возили снаряды. А мосты, которые ты строил, я разбивала, — как бы вслух думая, медленно проговорила я.

— Да, по-разному мы жили.

— Ты жил для себя, спасал свою шкуру и стал у оккупантов рабом. Твои старики, прожившие всю жизнь безвыездно в родной хате, и те бросили ее и эвакуировались. А ты, офицер, покорился врагу, попросил у него кусок хлеба. Пошел бы к людям огороды копать, связался бы с

партизанами, с подпольем, писал бы листовки для нашего народа. Я за тебя мстила, думая, что ты честно погиб, лучше бы так и было.

— Я был вынужден работать, иначе меня отправили бы в Германию. Я работал так, что больше вредил фашистам на стройке. А связаться с партизанами не мог, потому что я не местный, мне не верили. Ничего не мог сделать. За каждого убитого немца гитлеровцы сжигали село.

— Это не оправдание для воина. Тебя ничего не держало в селе. Мог бы уйти в лес, там нашел бы партизан, или уехать в город и связаться с подпольем.

Наш разговор прервал связной.

Товарищ гвардии младший лейтенант, разрешите обратиться?

— Обратитесь.

— Вас вызывает командир батальона, полковник.

— Сейчас приду.

— Разрешите идти?

— Идите.

Пришла к командиру батальона, доложила.

Седой полковник испытующе посмотрел на меня, пригласил сесть.

— Ваши документы.

Я подала ему документы, историю болезни и направление на фронт.

— Вы жена моего бойца Жернева?

— Да.

— Видно, повоевали.

— Да, немного.

— Как это могло случиться, что ваш муж разжалован?

— Не знаю, товарищ полковник. Работали, учились вместе. Вину отношу за счет его мягкого характера, — старалась я найти хоть какое-нибудь оправдание Жерневу, но слова мои звучали неубедительно.

— Разжалование в рабочий батальон — очень тяжелое наказание для офицера, — сказал полковник. — На-днях мы едем на фронт, Жернева пошлем рядовым, пусть в боях заслужит звание офицера.

Я поблагодарила полковника и ушла.

Не о такой встрече с мужем мечтала я. Бесследно исчезла радость, которая овладела мною, когда я узнала, что Григорий жив. Я почувствовала, что нет больше и любви. В уме все время вертелись простые слова, сказанные трактористкой Дуней.

Зашла проститься с мужем. Он по-прежнему сидел у стола, глаза его были красны. Передала ему разговор с полковником. Он обрадовался возможности попасть на передовую.

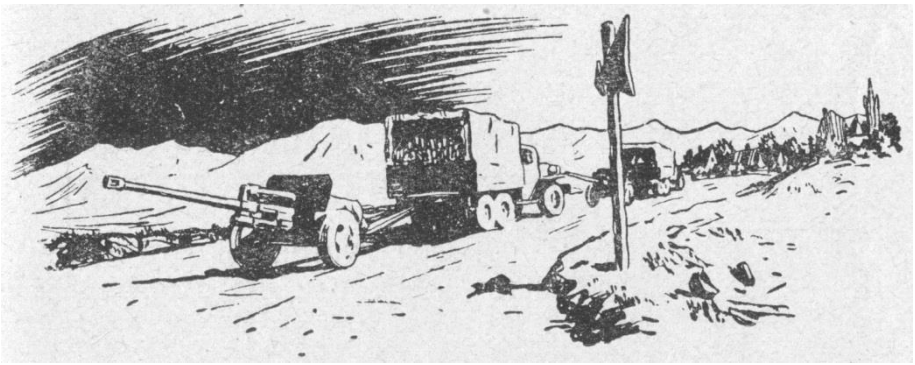
Мы пошли на станцию.

— Ты совсем стала седая, Тамара, тебе рано седеть.

— Пережил бы ты то, что я пережила, тоже поседел бы. Ты только умел пользоваться благами родины. А родину надо уметь защищать!

— Я еще заслужу доверие родины. Кровью смою свою вину...

В тот вечер, холодно простившись с мужем, я уехала на 2-й Украинский фронт.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Тяжело и пусто было на душе, когда я стояла у окна вагона, переполненного военными. Над широкими украинскими просторами сгущались сумерки.

«...Гриша, неужели это Гриша?»

Что с ним случилось? Я не могла в этом разобраться. Родители Жернева одними из первых вступили в колхоз. В годы первой сталинской пятилетки, когда по приказу ЦК комсомола лучшая молодежь Крыма съезжалась в город Керчь на металлургический завод имени Войкова, приехал с группой комсомольцев и восемнадцатилетний Григорий Жернев.

Работали мы в одном цехе, часто виделись. Совместная комсомольская работа, учеба на вечернем рабфаке, общие интересы сблизили нас. Мы с Гришей подружились. Вместе со всеми комсомольцами участвовали в строительстве домны «Комсомолка», по нескольку суток не выходили из цехов.

На глазах росла красавица домна.

И вот пришел долгожданный час, когда домна должна была дать первую плавку. В этот летний вечер мы с Гришей стояли, держась за руки, на скале. Внизу под нами чуть слышно плескалось о берег море. Свежий морской воздух приятно обдавал прохладой наши лица, обращенные к заводу.

Сегодня первая плавка. Сегодня торжествует вся Молодежь завода. Секретарь комитета комсомола Николай Авдеенко, поздравляя комсомольцев, сказал:

— Это наша первая победа.

Гриша каждые пять минут смотрел на часы.

— Ну что же? — волновался он. — Почему задержка?

Вдруг над морем пронесся густой грохот и шипение. Гриша схватил меня за руку и, не отрывая глаз от завода, шепнул:

— Смотри! Сейчас...

Небо над заводом озарилось, зарумянились облака, и море, как зеркало, отразило первую плавку доменной печи «Комсомолка».

— Эх, Тамара! — восторженно проговорил Гриша, повернулся ко мне и, не найдя слов, чтобы высказать бушевавшее в нем чувство, засмеялся, схватил меня своими сильными руками, поднял и понес к дому.

— Вот так и будем жить и строить. Все вместе, в коллективе, — сказал он, осторожно опуская меня на землю.

«...Но что же случилось с ним? Как он мог сложить оружие в трудные для страны дни? Неужели смалодушничал, потерял веру в нашу победу? Почему не сказал, как в тот вечер: «Вот так и будем бить врага! Все вместе, коллективом...»

В вагоне давно все стихло, только колеса постукивали о рельсы да кто-то сильно храпел в соседнем купе. А я все стояла у окна, стараясь найти ответ на волновавший меня вопрос.

Кто-то, заметив мою подавленность, предложил:

— Товарищ младший лейтенант, вот свободная полка, занимайте.

Очнувшись от тяжелых дум, я с благодарностью посмотрела на своего товарища-фронтовика и после всех душевных переживаний легла и уснула тревожным сном.

В штабе фронта я узнала, что наша часть пересекла румынскую границу и продолжает двигаться на запад.

На попутных машинах, груженных боеприпасами, продовольствием, горючим, мчалась я, догоняя свою дивизию. Перед глазами мелькали указатели с названиями селений и городов на незнакомом языке. На перекрестках дорог — девушки в пилотках с красными флажками в руках.

...Я прибыла, когда часть, наступая вдоль реки Молдавы, пыталась с ходу прорвать долговременную вражескую оборону в предгорьях Карпат. Измотанные продолжительными наступательными боями, наши люди не смогли с ходу преодолеть мощных укреплений противника. Дивизия остановилась и стала готовиться к прорыву оборонительного рубежа гитлеровцев.

Меня встретили, как в родной семье. Товарищи по боям на Днепре наперебой расспрашивали о родине, по которой соскучились, об урожае, о новых кинофильмах, идущих на советских экранах.

— А как там наши девчата? — спросил лейтенант Осадчук.

— Девчата сейчас работают день и ночь не покладая рук. Передавали, чтобы вы скорее войну кончали и возвращались домой, они вас встретят с хлебом-солью после победы.

Товарищи рассказали, где они воевали после моего отъезда в госпиталь. Вспомнили, как часть с ожесточенными боями форсировала реку Прут и в числе первых пересекла советскую границу, вступив на территорию Румынии. Сообщили, что ранило майора Капустника и сейчас в дивизионе новый командир.

Я досадовала, что мне не пришлось участвовать в этом замечательном походе.

— А где Аня, где комбат Бородин? — спросила я.

— Старший лейтенант Бородин тяжело ранен и лежит в госпитале. Сегодня получили от него письмо. Скоро приедет, — объяснил начальник штаба Фридман. — А Аня перешла в стрелковый батальон. С автоматом ей легче воевать, чем с пушкой. Она уже и там отличилась в боях за реку Прут.

— Это интересно. Что же она сделала?

— А вот слушай... На наш небольшой плацдарм с группой автоматчиков гитлеровцы бросили в контратаку до батальона головорезов. Герои-гвардейцы дрались до последнего патрона, но не пропустили врага. Это дало возможность другим нашим подразделениям внезапным ударом разгромить противника. Было взято в плен до двухсот гитлеровцев, во главе с полковником. Аня-то и взяла в плен полковника. Он хотел удрать на машине, а она с двумя бойцами бросилась ему наперерез по лощине и залегла у дороги. Только машина показалась из-за поворота, наши дали очередь по скатам, шофера убили. Полковник хотел его выбросить из машины, а сам сесть за руль, но пока возился, Аня подскочила к нему и крикнула, наставив на него автомат: «Хальт! Руки вверх!» Полковник сдался, и она сама доставила его на командный пункт полка, никому не доверила.

— Хорошая она девушка, жаль, что ушла из артиллерии, — сожалели ребята.

Товарищи заметили, что я очень утомлена с дороги, и капитан Фридман предложил:

— У нас в дивизионе есть девушка, работает сан-инструктором. Я отведу тебя к ней, пока поживи у нее в землянке. Тем более, что тебе придется некоторое время побыть в резерве...

Мы прошли опушку леса и остановились перед землянкой.

— Галя! — позвал Фридман.

Показалась черная кудрявая девушка с бойкими глазами и родинкой на полной розовой щеке.

— Галя! Возьми на время к себе младшего лейтенанта, женщину, — сказал Фридман и ушел.

Я вошла в уютно убранную землянку, подала девушке руку и представилась.

Черные глаза Гали засияли, она радостно улыбнулась.

— Мне Аня рассказывала о вас, — проговорила девушка. — Садитесь.

Присев на койку, я сняла сапог, чтобы дать отдохнуть разболевшейся ноге. Галя увидела грязные бинты.

— Я сейчас сделаю вам перевязку! — и она принялась вынимать медикаменты из санитарной сумки.

Несмотря на полноту, Галя быстро двигалась, и ее проворные руки скоро привели в порядок мою ногу.

— Откуда вы родом, Галя? — спросила я, когда девушка заботливо приготовляла мне постель, взбивая траву, благоухающую лесными запахами.

— Из Ленинграда, — ответила Галя и тяжело вздохнула.

— А почему вздыхаете?

— Соскучилась по Ленинграду, по маме.

Я узнала, что в Ленинграде она перенесла всю тяжесть блокады и потеряла всех близких. Осталась у нее одна мать. Закончив школу, Галя добровольно ушла в армию. Ей очень хочется стать связисткой, непосредственно участвовать в боевых действиях батареи.

— Словом, хочу попасть туда, где труднее, — улыбаясь, закончила свой рассказ девушка, — чтобы было больше пользы от того, что я на фронте.

Утром мы спустились умываться к ручейку.

— Эх, и хороша же природа Румынии! — воскликнула Галя. — Вы послушайте, как заливаются соловьи, будто у нас под Ленинградом.

Действительно, вокруг было прекрасно. Мир и тишина. Деревья как бы тянулись к восходящему солнцу, подставляя свои ветки под его косые лучи, листья верхушек золотились, соловьи перекликались радостной трелью, будто извещали друг друга о прекрасном утре. Пернатые обитатели предгорных лесов своим пеньем напоминали родину, дом; не хотелось думать о войне.

— Посмотрите, какая земляника у ручья! — обрадовалась Галя. Мы стали собирать красные ягоды.

— Когда же кончится эта война? Так хочется домой, к мирной жизни, — проговорила Галя. — И учиться очень хочется...

— Нет, сейчас еще рано, Галя! — сказала я.— Свою страну мы освободили от оккупантов. Сейчас надо добить фашистов, освободить порабощенные ими народы.

— Это я понимаю...

Мы стали умываться. Холодная, чистая вода освежила нас.

После завтрака в землянку вошел огромного роста, плечистый старшина. Из-под пилотки его были видны гладко причесанные русые волосы, серые с желтым отблеском миндалевидные глаза приветливо смотрели на меня, большой рот растянулся в добродушной улыбке, обнажив ровные белые зубы. Приложив большую ладонь к пилотке, старшина произнес:

— Здравия желаю, товарищ младший лейтенант!

Передо мной стоял старшина Немыкин — один из старых, закаленных воинов нашего дивизиона. Он так возмужал и окреп, что я с трудом узнала его.

Вспомнился бой за правый берег Днепра. Оккупанты, захватив в плен разведчика Немыкина, хотели увести его с собой. Но старшина не растерялся. Неожиданным ударом он повалил на землю фашистов, ведущих его, выхватил у них автоматы и стал стрелять. Наши бойцы бросились ему на выручку и помогли уничтожить всех вражеских солдат.

— Очень рад, что вы здоровы, — приветливо проговорил Немыкин. — Когда вас ранило, я, признаться, не думал, что вы еще вернетесь на фронт. Вы были без сознания... В батарее только несколько бойцов осталось из старых, и они передают вам привет.

Я поблагодарила. Мне было приятно, что бойцы не забыли меня.

— Приходите с Галей к нам в гости. Галя что- нибудь споет, бойцы очень любят ее песни.

Я обещала Немыкину навестить батарейцев.

2

Однажды меня вызвал к себе секретарь партбюро дивизиона Забавленко. Опустившись по земляным, осыпающимся ступеням, я постучала в фанерную дверь. Изнутри послышался голос старшего лейтенанта Забавленко, приглашающий войти. В маленькой землянке было чисто.

— Товарищ Сычева, я вас пригласил вот зачем,— сказал Забавленко. — Вы на Днепре подавали заявление о приеме в партию. Из-за вашего ранения мы не успели разобрать его. Подготовьтесь, скоро пригласим вас на бюро. Устав ВКП(б) знаете?

— Конечно, я ведь давно готовлюсь в партию.

— Очень хорошо. Еще я хочу дать вам поручение: через две недели у нас годовщина создания дивизии. К этому времени необходимо приготовить художественную самодеятельность. Среди бойцов у нас есть настоящие артисты. Например, сержант Юркевич учился в музыкальном училище, играет на аккордеоне, боец Цымбал — на скрипке. Есть рассказчики, найдутся и танцоры, надо только организовать их.

Сначала показалось обидным, что мне, офицеру, дают такое поручение. На войне — и вдруг заниматься самодеятельностью. Тем более, что свое вступление в партию мне хотелось ознаменовать каким-нибудь боевым подвигом. Сказала об этом старшему лейтенанту.

— Это вам партийное поручение. Музыка, песня, танец, веселая шутка также необходимы бойцу.

Я горячо взялась за выполнение партийного поручения.

Действительно, талантов в дивизионе оказалось много, и когда наши кружки — хоровой и музыкальный — выступили на вечере в дивизии, они заняли второе место. Вскоре мы с успехом участвовали в армейской олимпиаде.

Галя была активной участницей хорового кружка, помогала мне организовывать людей, часто руководила репетициями.

Как-то перед обедом, после спевки хора, Галя предложила:

— Давайте сходим на батарею, вас ведь приглашали. — И девушка оживилась, ей, видно, самой хотелось побывать у бойцов.

— А далеко это?

Нет, километра три по лесу, берегом Молдавы.

— Вот пообедаем и пойдем, — согласилась я.

Мы шли лесными оврагами, поросшими густым кустарником. Солнце было где-то за тучами, чувствовалось приближение грозы. Когда мы стали подходить к передовой, Галя предупредила, что местность просматривается противником. Пригнувшись в тени кустов, мы продолжали идти. Еще издали Галю заметили бойцы.

— Галя, Галя идет! — закричали они.

Пока бойцы, окружив меня, расспрашивали о здоровье, Галя сделала, кому нужно, перевязки, кому-то дала порошок от головной боли, затем по просьбе: бойцов начала петь.

Стоя на снарядном ящике, девушка пела популярные советские песни. Порой она забывала, что за небольшим гребнем, в трехстах метрах отсюда, траншеи противника. Оттуда время от времени, передразнивая ее, кто-то пищал:

— И-и-и-и...

На минуту Галя замолкала, ее черные глаза искрились ненавистью, но, увидев, что никто не обращает внимания на этот писк, она продолжала:

И подруга далекая
Парню весточку шлет,
Что любовь ее девичья
Никогда не умрет...

Едва она заканчивала одну песню, бойцы бурно аплодировали и заказывали другую.

Когда мы прощались с батарейцами, уже темнело, начал накрапывать дождик, на горизонте сверкнула молния. Мы заторопились. Бойцы просили приходить к ним почаще.

— Галя, ты хорошо знаешь дорогу? — спросила я, когда мы шли по лесу.

— Конечно. Столько раз ходила на батарею...

Вскоре темнота окутала весь лес и стала такой густой, что на шаг перед собой уже ничего не было видно.

Сверкнула молния, мы увидели, что тропка, по которой пробирались на батарею, исчезла.

Дождь усилился и с шумом падал на листья деревьев.

— Галя, ты сбилась с дороги, мы здесь не проходили, — крикнула я ушедшей далеко вперед девушке.

— Да, эти кусты у нас должны были быть правее,— и голос Гали дрогнул.

Долго мы блуждали по темному лесу, пробираясь среди колючих зарослей и могучих деревьев, широко размахивая перед собой в темноте руками, чтобы не разбиться о дерево.

На пути нам встречались бесконечные лесные овраги, и мы то спускались, нащупывая деревья и хватаясь за их мокрые, скользкие стволы, то снова поднимались. Наконец вышли на какую-то незнакомую узкую лесную дорогу.

Дождь прекратился, ноги увязали в жидкой грязи истоптанной прифронтовой дороги. Вдруг среди кромешной тьмы услышали строгий окрик:

— Стой, кто идет?

— Наши, — радостно шепнула Галя и крикнула часовому: — Это я, Галя.

— Пароль!

— Не знаем пароля.

— Ложись!

— Куда ложись? В грязь,— возмутилась девушка.

— Ложись! — крикнул еще раз часовой и дал выстрел в воздух.

Галя всем своим грузным телом грохнулась в грязь, а я спряталась за толстое дерево.

На выстрел прибежал дежурный офицер, осветил фонариком Галю. Я выглянула из-за дерева, меня душил смех. Девушка стояла на четвереньках, умоляюще подняв глаза на лейтенанта.

— Куда ходишь, Галя, по ночам из подразделения? — спросил лейтенант, едва сдерживая смех.

Галя ответила что-то невнятное.

— Встаньте, — разрешил ей дежурный офицер и, увидев меня, сказал: — И вы, товарищ младший лейтенант, тоже гуляете?

— Мы были на батарее, — ответила я.

Долго потом Галя ругалась и бурчала, обижаясь на строгость караульной службы.

Недолго мне пришлось находиться в тылах. Рана моя зажила, и вскоре я получила назначение во взвод, которым командовала в боях за Днепр, в батарею только что вернувшегося из госпиталя старшего лейтенанта Бородина.

Землянка, в которую меня провели по ходу сообщения, была обширна, обита досками, стены украшены разными безделушками и открытками. На стене висела небольшая карта, у которой стоял командир батареи Бородин.

На небольшом самодельном столе, покрытом газетами, стоял полевой телефонный аппарат, за столом сидели телефонисты.

Я доложила комбату о прибытии. Он встретил меня приветливо. Достал список взвода, придвинулся к столу и стал рассказывать мне о бойцах, которых я не знала.

— Вот смотри, это сержантский состав: командир первого орудия, старший сержант Грешилов, его к нам перевели из батареи стрелкового полка. Наводчиком у него Осипчук. Человек с высшим образованием, он до войны заведовал кафедрой в одном из киевских институтов. У него есть научные труды, он имеет ученое звание. Сколько раз ему предлагали работать в штабе, — отказывается. Ему трудно примениться к нашей солдатской жизни, но в нем горит жажда мести: фашисты расстреляли в Киеве его взрослого сына. Командир второго орудия, сержант Денисенко, — хороший артиллерист, аккуратный, исполнительный. Наводчиком у него Юркевич, испытанный в боях человек.

Долго еще комбат рассказывал о людях, с которыми мне предстояло вместе воевать, давал указания и советы. Затем он встал, прошелся по землянке, надел планшетку:

— Пошли, Сычева, во взвод, там ближе познакомишься с народом.

Противник, укрепляя свою оборону, почти каждый день предпринимал сильные артиллерийские налеты на наш передний край и район огневых позиций батареи. Чтобы не демаскировать себя, мы не отвечали, а только вели наблюдение и засекали неприятельские огневые точки.

Однажды утром я пошла на свой наблюдательный пункт. Наблюдатель сказал:

— Товарищ младший лейтенант, я уже не могу больше терпеть. Вот смотрите, — и указал на стереотрубку. — Фашисты ходят у нас на глазах, обстреливают, а мы стоим и любуемся ими.

В стереотрубу ясно были видны стоящие на том берегу, в кустарниках, замаскированные пушки. Немецкие солдаты ходили с котелками, наверно собирались завтракать.

— Сколько же на них любоваться? — не унимался боец.

— Будет приказ, откроем огонь, а пока нельзя. До начала наступления они не должны знать, что у нас тут стоят орудия.

Часть усиленно готовилась к прорыву обороны противника. Командование дивизии, найдя топографически точно такую же местность, как та, на которой нам предстояло прорывать оборону противника, ежедневно проводило учебные занятия.

Однажды рано утром, когда солнце еще не показалось из-за синевы Карпатских гор, мы погрузили на машины ящики со снарядами, прицепили пушки и поехали лесными дорогами на занятия.

Перед нами был специально оборудованный «передний край обороны противника» — доты, проволочные заграждения, закопанные танки и даже мишени фашистской пехоты.

Огневые, которые мы начали оборудовать, были на несколько метров позади окопов пехоты. Я увидела Аню и подозвала ее к себе.

— Ты почему ушла из артиллерии? — спросила я девушку после взаимных приветствий.

— Да знаете, товарищ младший лейтенант, в артиллерии трудно, силенок у меня маловато. А с автоматом удобнее воевать.

— И это все?..

— Нет, не все, — ответила Аня улыбаясь, — я встретила земляка, в одном районе жили. Несколько раз видела его перед войной на районных комсомольских активах и на бюро райкома комсомола... И так приятно было здесь встретиться...

— Вот теперь понятно, Анечка, почему ты ушла к автоматчикам. А то «в артиллерии трудно»...

Лицо Ани зарумянилось.

— Да нет, вы так не думайте, мы просто хорошие товарищи, — смущенно оправдывалась девушка.

— Ну, конечно, конечно, я не спорю. Ты мне, Аня, хотя бы показала его.

— Покажу, он здесь, — и она окинула взглядом бойцов, впереди нас занимавших «оборону».

— Вот он, — указала Аня.

Недалеко от нас, у окопов, стоял боец лет двадцати двух, с открытым энергичным лицом. Он что-то говорил другим бойцам, указывая на мишени «фашистской пехоты».

— Он что, командир? — спросила я.

— Да, командир отделения и комсорг нашей роты, — с гордостью ответила Аня. — Гвардии сержант Кучерявый. У нас в отделении все комсомольцы, хорошие, боевые ребята.

Последовала команда «по местам», и Аня ушла.

Целый день мы были на учебной огневой позиции: атаковали «вражеские доты», разминировали «минные поля», поджигали «танки противника», преодолевали «проволочные заграждения».

Вечером, когда закончились занятия, я подошла к Ане. Она сидела на краю окопа рядом с сержантом и о чем-то спорила с ним.

— О чем споришь, пехота — царица полей?

— Да как же, — указала Аня на сержанта, — он доказывает, что надо обязательно с первой атаки взять укрепление. Если, говорит, первая атака сорвется, тогда уже не одолеешь скоро врага. А я ему возражаю. Помните, как на Днепре было: три раза за ночь атаковали какую-то деревушку, а взяли ее только на четвертый.

— Нет, Аня, мы должны с первого раза сломить укрепление врага и двинуться вперед, — твердо сказал сержант тоном, не допускающим возражений, и усердно начал счищать камешком землю с саперной лопатки.

— Аня, нельзя спорить с командиром, он прав, — сказала я. А сама подумала: «С твердым характером парень».

Аня, наконец, представила мне сержанта.

— Вот это мой земляк, товарищ младший лейтенант. Видите, какой упрямый, — сказала она, бросив на Кучерявого обиженный взгляд.

Я улыбнулась.

— Если твои земляки все такие упрямые, значит скоро будем в Берлине.

На нашем участке фронта было затишье, изредка только ветер доносил грохот сильных боев со стороны Ясс. Изо дня в день мы занимались на учебных огневых позициях.

Разведка нашего дивизиона вела усиленное наблюдение за противником. Командир взвода разведки лейтенант Гусев и старшина Немыкин не уходили с наблюдательного пункта.

Однажды, когда предвечерняя дымка начала окутывать уходящие вдаль предгорья Карпат, коммунисты и комсомольцы пехотного батальона и приданной ему нашей батареи собрались в землянке командира батальона. Начальник политотдела дивизии майор Мишин сообщил, что подразделение получило боевую задачу: идти на прорыв укрепленного района противника, запершего вход в Карпаты.

— Долг коммунистов и комсомольцев, — сказал майор, — личной храбростью, мужеством и воинским мастерством увлекать вперед на славные подвиги во имя родины весь личный состав. Мы должны с честью выполнить наказ великого Сталина: добить гитлеровских захватчиков и освободить порабощенные народы Европы.

На этом собрании выступил командир отделения автоматчиков гвардии сержант Николай Кучерявый. Как бы подытоживая мысли всех собравшихся, он сказал твердым и спокойным голосом:

— Мы свою родину любим, как мать, и мы это докажем на деле. Я, член ленинско-сталинского комсомола й комсорг девятой роты, смело пойду в бой и, если нужно будет для родины, отдам свою жизнь за победу над врагом. Думаю, что все присутствующие здесь будут драться так же.

Разошлись с собрания взволнованные, внутренне подтянутые. Предстоял тяжелый, напряженный бой...

3

С утра заговорили пушки и минометы. Они взрывали вражеские минные поля, разрушали проволочные заграждения. Мы стреляли по засеченным огневым точкам противника. Под прикрытием артиллерийского огня пошла в наступление пехота. Я видела в бинокль, как в атаку поднялась девятая рота. Впереди цепи атакующих бежали, увлекая за собой остальных, гвардейцы отделения Николая Кучерявого. Рядом с командиром виднелась маленькая стройная фигурка Ани. Девушка на ходу вставляла диск в автомат и, перезарядив, передавала его сержанту.

Преодолев первую линию обороны, пехотинцы залегли под ураганным обстрелом опомнившегося противника.

— Вперед! — скомандовал Бородин мне и командиру второго взвода Анаденке, и мы поволокли пушки и установили их в кустах в нескольких метрах от валявшихся впереди подорванных кольев, кусков колючей проволоки.

Первая линия вражеских укреплений была полностью сокрушена, но перед нами находилась глубоко эшелонированная оборона противника с минными полями, проволочными заграждениями, за которыми были бетонированные доты. Ливень огня все больше прижимал девятую роту к земле. Мы продолжали подавлять пулеметные гнезда противника, разрушали доты.

Впереди наших орудий, перед заминированной колючей проволокой, залегли автоматчики комсорга Николая Кучерявого. Над головами гвардейцев свистели вражеские пули, рядом рвались мины и снаряды ряды, осыпая людей землей, окутывая их едким дымом.

В эту напряженную минуту боя послышался голос Кучерявого:

— Лежать здесь, значит умереть, не выполнив задачи. — Он встал во весь рост, поднял над головой автомат и со словами: «Вперед, гвардейцы! За родину! За Сталина!» — бросился на заминированное заграждение.

Оглушительный взрыв потряс землю, во все стороны полетели куски проволоки и обломки кольев. В образовавшийся проход ринулись солдаты. Подвиг комсорга Кучерявого сделал бесстрашным каждого. Впереди всех бежала с автоматом Аня.

Вскоре и мы потянули в этот проход свои пушки и прямой наводкой стали подавлять огневые точки фашистов, поддерживая наступательный порыв пехотинцев.

Бой был упорный, жестокий и долгий. Враг не устоял. Шесть линий его обороны были прорваны на всю глубину. Мы открыли себе путь в Карпаты.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Николаю Даниловичу Кучерявому посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Наш противотанковый дивизион был передовым отрядом дивизии. Обгоняя пехоту, он мчался вперед на машинах. Постоянной линии фронта в горах не было. Враг оказывал сопротивление только на отдельных опорных пунктах, в ущельях гор, перед крупными населенными пунктами, на дорогах. Чаще всего это были танковые засады или арьергардные подвижные отряды автоматчиков, нередко поддержанные танками, которые, контратакуя, нападали на наши колонны.

Перед дивизией была поставлена задача: обеспечить захват перевала Дуамнэ, опередив отступающего врага.

— По машинам! — последовала команда.

Всеми овладело стремление сегодня же выйти к перевалу раньше противника. Шесть машин неслись по горному шоссе, прицепленные пушки подскакивали на крутых поворотах.

Не доезжая нескольких километров до какого-то небольшого румынского городка, наблюдатели увидели, что из кукурузы на нашу колонну летят пять танков.

Немедленно последовала команда:

— Танки слева. Дивизион, к бою!

Бойцы молниеносно спрыгнули с машин, отцепили пушки и развернули их в сторону врага.

— Батарея, по фашистским танкам — огонь! — скомандовал старший лейтенант Бородин.

Горное эхо усилило звук залпа.

Встретив сильное сопротивление, танки врага остановились, не решаясь подходить ближе.

— Подавай быстрее, — торопил наводчик Осипчук заряжающего, всматриваясь в панораму и вращая поворотный механизм.

Боец бросился за снарядами, но почти у самой машины разорвался вражеский снаряд, моторная часть вспыхнула, вскоре пламя перекинулось на кузов. Боец остановился в раздумье. Заминку заметил старший лейтенант Бородин и мигом вскочил на машину.

— Принимай, принимай! — и стал подавать ящики.

Пламя уже охватило кабину и борта. Потное, загорелое лицо Бородина было искажено напряжением, но он уверенно работал на горящей машине, на которой с секунды на секунду могли начать взрываться боеприпасы. Пушки тем временем вели огонь по танкам.

Изнурительный скоротечный бой продолжался, но гвардейцы стояли насмерть. Одни падали смертью храбрых у орудий, другие заменяли их. Пушки без устали посылали снаряд за снарядом. Два вражеских танка уже пылали, третий прекратил огонь. Остальные два попытались выйти из боя.

— Заряжай, — командовал Осипчук и отскакивал в сторону, чтобы вздрагивающая при выстреле пушка не сбила его с ног.

— Не уйдете от расплаты, — и старший лейтенант Бородин, заменивший раненого наводчика у одного из орудий, дал выстрел. Один танк вспыхнул, другой развернулся и скрылся за бугром.

Из-за поворота шоссе неожиданно выскочила и свернула на проселочную дорогу вражеская легковая машина, за ней пролетела вторая.

— Бей по машинам! — крикнула я.

Но старший лейтенант Бородин остановил меня:

— Стойте, видите, наш комдив...

— Да куда же это он? — заволновался командир орудия Денисенко.

Мы оглянулись. Во второй машине сидел командир нашей дивизии Бочков и стрелял из автомата по скатам первой машины, не обращая внимания на окружающий бой. Вскоре обе машины скрылись из виду. Но мы ясно слышали, как застрочил пулемет. Выстрелил один фауст-патрон.

— Расчеты, не сходить с мест!

Бойцы, сплевывая осевшую на губах землю, утирали пилотками потные лица.

Недалеко от нас, в кукурузе, поднялась суматоха и беспорядочная перестрелка.

— В чем дело? — всматриваясь в бинокль, спросил Бородин.

— Открыть огонь? — предложила я.

— Нет, подождать.

В это время из кукурузы выскочило около сотни румынских солдат с поднятыми руками. Под конвоем они вели нескольких немецких офицеров. Впереди шел солдат со штыком, к нему был привязан кусок белой материи.

— Мы в русских стрелять не будем, — сказал он, — это фашисты стреляли, их генерал умчался к Гитлеру...

Мы поняли, за кем погнался наш командир дивизии. Не попал бы он в лапы врагов! А у нас, как на грех, нет исправной машины, чтобы поехать помочь ему пленить немецкого генерала.

Наконец развязка наступила. Из кукурузы на предельной скорости вынырнула зеленая машина нашего полковника. Рядом с шофером сидел надутый представитель фашистского генералитета с крестами на груди, а сзади, с налившимися кровью глазами, комдив. Машина остановилась. Бочков велел фашисту встать, сорвал с него погоны, кресты и с яростью что-то крикнул ему по-немецки.

Сдавшиеся румыны наперебой рассказывали:

— Фашисты нас за людей не считали, били, издевались. Это они здесь засаду устроили.

Командир дивизии полковник Бочков, обращаясь к нам, скомандовал:

— Вперед, гвардейцы! За мной, к перевалу!

Мы выполнили боевое задание к ночи. Захватив перевал Дуамнэ, наша дивизия вошла в Карпатские горы.

Румынские солдаты, встречавшиеся по дороге, с веселыми лицами кланялись нам и улыбались, к штыкам их винтовок были привязаны белые платки.

Через несколько дней, 25 августа 1944 года, капитулировавшая Румыния объявила войну гитлеровской Германии.

Началась ранняя дождливая карпатская осень. Изо дня в день моросил мелкий, как водяная пыль, пронизывающий до костей дождь. Низко проплывали, скрывая на время вершины гор, серые, тяжелые дождевые тучи. Лес стал неприветливым и холодным. С каждым днем все хуже становились дороги. Колеса машин утопали в густой грязи и буксовали. По извилистым горным тропинкам бойцы и командиры стрелковых подразделений шли цепочкой.

Нас окружала тишина, которая на войне бывает неприятной. Длинное ущелье, по которому мы двигались, уходило в темноту цепи высоких гор.

Батарее было приказано установить орудия в мелком кустарнике над горной дорогой. По склонам заняли позиции пехотинцы. Все было приготовлено на случай вражеского нападения. Окопавшись, вечером бойцы развели костер. Утомленные тяжелым переходом, люди отдыхали: жарили кукурузу, просушивали намокшие шинели и портянки.

Пользуясь затишьем, сержант Денисенко, до войны колхозник из украинского колхоза-миллионера, читал вслух недавно полученное из деревни письмо.

— Эх, скорей бы война кончалась, да в свой родной колхоз, — тяжело вздохнув, сказал он, закончив чтение.

— Ты, значит, готов сегодня закончить войну вот здесь, в Румынии, и поехать домой? — укоризненно покачал головой Осипчук, читавший у костра газету.

— А что? Со своей земли мы прогнали фашистов, а тут пускай сами румыны воюют, — неуверенно возразил Денисенко. Видно было, что он и сам не согласен с такой теорией, но говорить такое заставляет тоска по родине.

Осипчук стал горячо доказывать:

— Нет, Денисенко, ты не прав. Кто же, кроме нас, русских, сможет помочь другим народам Европы освободиться от фашистов... Что принес фашизм вот хотя бы румынам? Ты же видишь... Сплошная безграмотность, бедность, угнетение. Мы обязательно должны помочь им не только изгнать фашистов, но и строить лучшую жизнь.

— По-моему, здесь надо забрать всю землю у богачей и организовать колхозы, — загорелся Денисенко.— Я бы им помог навести порядки!..

— Вот видишь, — улыбнулся Осипчук. — Разве можно сейчас домой?

Долго бы еще беседовали бойцы, но к костру подошла Галя. Она обходила подразделения и делала перевязки, осмотры. Закончив свое дело, она попросила:

— Товарищи, разрешите спеть вам новую песенку, которую я разучила.

Над ущельем взлетели дружные аплодисменты.

Галя пела с большим чувством. При свете костра лицо девушки сияло торжественностью, бойцы приветливо улыбались ей и в такт песне утвердительно покачивали головами. Песня говорила о скорой победе и о возвращении фронтовика к своей любимой, к мирному труду.

— Галочка, — обратился Денисенко к девушке,— кончится война — поедем к нам в колхоз. Вот там с тобой споем. Эх, как заживем мы после победы!..

— После войны Галя поедет к нам в Сибирь,— сказал старший сержант Грешилов, подсаживаясь поближе к девушке, присевшей у костра.

— Нет уж, в Сибирь я, пожалуй, не поеду. Я за войну так намерзлась, что несколько лет буду отогреваться в теплых краях.

— Када Галя хочет тепло, она приедет к нам, в Ташкент. Там карашо, тепло. Я всем женщинам нашим расскажу, как Галя поет карашо. Гостем нашим будешь, барашка резать, шашлык, плов кушать будем, — и боец поднес четыре пальца к губам, причмокнув и покачав головой. — Поедем в Ташкент,— повторил он приглашение.

— Нет, Галиночка, приезжайте лучше к нам, в Киев, — попросил чистивший у костра автомат сержант Юркевич. — К нам ближе, и климат умеренный, а город-то какой, лучше его не найдешь...

В это время раздался выстрел на посту часового, и эхо пронеслось по ущелью.

— В ружье!

Все быстро вооружились, затушили костер. Несколько бойцов побежали к часовому в глубь ущелья, остальные залегли, заняв оборону.

Через несколько минут к нам привели группу румынских солдат и офицера. Они заявили:

— Не хотим воевать против русских. Мы знаем, что вы пришли освободить наш народ от фашистов. Русские люди несут счастье каждому румыну. Мы хотим бороться против оккупантов.

— Ну что, видишь? — подтолкнул Осипчук Денисенко, многозначительно подмигнув.

Румын надо было отвести в штаб. Пленный офицер обратился ко мне:

— Мы знаем, что у вас все защищают родину, и мужчины и женщины... У меня были хорошие пушки, вот бы их направить против врага. Я со всей своей батареей пришел. Офицера-немца убили, замки от пушек закопали в землю и горами ушли к вам...

...Рано утром мы снова двинулись по заросшим лесами горам навстречу дождю и ветру.

— Сычева, тебя вызывают в политотдел дивизии, — сказал мне комбат Бородин, когда я отдала последние распоряжения по оборудованию огневых позиций на окраине одной из горных румынских деревушек.

В политотделе мне вручили кандидатскую карточку Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Радость наполнила сердце, когда я взяла карточку и осторожно положила ее в левый кармашек гимнастерки.

Проходила кривыми улочками бедной деревеньки, из-за углов убогих хаток на меня смотрели оборванные, грязные дети.

Мне хотелось крикнуть им с гордостью: «Теперь я кандидат в члены партии большевиков. Я буду бороться и за ваше счастье, теперь я стала еще сильнее!»

Многое человеку хочется сказать, когда у него светло и радостно на душе. В такие минуты и солнце светит как-то иначе, и люди кажутся более красивыми. Все поздравляли меня, а я посматривала на левый кармашек гимнастерки, и на душе становилось необыкновенно хорошо.

Утром мы снова двинулись в путь, преследуя отступающих оккупантов. Машины все выше и выше поднимались по горной дороге. Противник все упорнее сопротивлялся, почти через каждые пять-десять километров устраивал завалы из толстых деревьев, минировал и взрывал дороги.

Наши саперы проявляли чудеса изобретательности и быстро устраняли все вражеские препятствия и ловушки.

Мы остановились на ночлег в маленьком горном селе. Пришел боец и сказал, что в одной из хат есть гитара.

— Попроси на часок, поиграем, душа скучает без музыки, — проговорил сержант Юркевич.

Собравшись в кружок, бойцы приготовились слушать.

Заиграла гитара.

— Эх, нет здесь нашей Гали!..— с сожалением произнес Денисенко.

Кто-то затянул родную песню, ее знакомый мотив подхватили все. К нам подошли румыны и с большим интересом стали слушать. Но вот они о чем-то заговорили между собой, одна женщина отделилась от группы и убежала вниз по улице. Минут через пять она привела с собой девушку-румынку. Длинная оборванная юбка, такая же рваная кофта говорили о крайней бедности. Девушка была похожа на цыганку. Когда она подошла к нам, ее блестящие черные глаза искрились, по лицу блуждала радостная улыбка.

— Она хорошо поет, — сказал нам румын, немного говоривший по-русски, — аккомпанируйте ей.

Девушка приготовилась петь. Лицо ее преобразилось, оно стало унылым, в глазах застыли тоска и печаль. Полился приятный низкий грудной голос. Девушка пела на родном языке, мелодия была полна грусти. Но вот в конце песни в ее голосе появилась строгость, лицо стало суровым и, казалось, призывало к мести. Затем она осторожно, как что-то близкое и дорогое сердцу, протяжно произнесла имя Сталина.

— Я могу пересказать эту песню, — сказал тот же румын, когда девушка кончила петь. — В ней говорится о тяжелой доле народа под игом фашизма, о его нищете под властью бояр, о сиротах, у которых отцы погибли на войне. Песня призывает народ поднять голову и пойти за русскими, за Сталиным. «Слава Сталину! Слава Сталину!» — так кончается эта песня.

— Откуда она знает ее? И где она могла научиться так петь?

— Ее зовут Марто, она жила с родными в Бухаресте. Отец и мать работали на папиросной фабрике. Один старый учитель пения сжалился над талантливой девочкой и взялся бесплатно учить ее петь. Учитель рассказывал Марто о России, о Сталине и научил ее этой песне. Он предупредил девочку, что петь ее она сможет только тогда, когда наш народ избавится от фашизма и пойдет за великим Сталиным. Тогда Марто, говорил ей учитель, сможет учиться бесплатно и станет певицей. Они крепко запирали дверь и разучивали эту песню, чтобы спеть ее во весь голос в день освобождения...

Когда началась война, отца Марто забрали на фронт, больше о нем ничего не было слышно. Мать работала сутками и все же не могла прокормить детей. В горькую минуту она сказала: «Знаешь, Марто, мы бедные. Бросай учиться и иди работать на фабрику. Сейчас принимают детей на половину заработка взрослого»,

С тех пор Марто стала работницей папиросной фабрики. Работала наравне со взрослыми по двенадцати часов в сутки. Своим подругам, а их было много на фабрике, Марто часто рассказывала о своем старом учителе, потихоньку пела песню надежды, песню о Сталине.

Вскоре случилось большое несчастье. Умерла от туберкулеза мать, и трое детей остались сиротами. Марто вместе с младшим братом отправилась в деревню к бабушке, а старшего взял какой-то купец в работники. Бабушка жила бедно, и Марто ходила по деревням, пела песни. За это ей давали корки хлеба.

— Сегодня первый раз в жизни девушка поет громко песню о Сталине, которую до сих пор пела только тайком. Вы, русские, освободили румынский народ от фашистов, простые люди Румынии знали, что русские несут нам спасение и мир, — закончил рассказ переводчик.

Марто спросила через переводчика:

— А это правда, что у вас все бесплатно учатся?

Осипчук рассказал, как у нас живет молодежь.

Марто с восторженными глазами слушала переводчика, и все окружившие нас румыны удивленно качали головами.

Через несколько часов мы покинули румынскую деревню, но голос Марто еще долго звенел в наших сердцах.

4

Осень властно входила в свои права, становилось холодно. Солнце показывалось очень редко, в лесу, устилая землю, кружились желтые листья, и часто на вершинах гор порошил снег с дождем.

Наша колонна остановилась перед новым препятствием — огромным завалом из толстых деревьев, беспорядочно набросанных на дороге.

Справа на горе затрещали сучья.

— Ну, иди, а то здесь уложу, — услышали мы угрожающий голос дивизионного разведчика старшины Немыкина.

На дорогу сошел съежившийся от страха огромный гитлеровец, за ним спрыгнул Немыкин.

— Вот, товарищ капитан, — обратился он к Фридману, — поймал фашиста за этой горой.

— Обыщите его, — приказал капитан.

Разведчик начал выворачивать карманы пленного.

Тот исподлобья смотрел на бойцов, как бы стараясь угадать их дальнейшие намерения. Перед нами на крыло машины было выложено несколько патронов от парабеллума, грязный носовой платок, пачка сигарет, зажигалка, кусочек сахару и, видно, недавно написанное, но неотправленное письмо.

Капитан разорвал конверт. Уже темнело, и он с трудом разбирал строчки письма и переводил его офицерам и бойцам.

— «Дорогая сестра Эльза! — писал стоявший перед нами вояка. — Мы с небывалой быстротой отступаем, даже не всегда нам успевают выдать на остановках продукты на дорогу. Мы думали задержать русских на венгерской границе, укрепили горные перевалы, минировали леса, но все напрасно. Русские с ходу все это преодолели и идут за нами по пятам.

Сейчас, правда, приказано занять оборону — и ни шагу назад. Окапываемся, ставим пулеметы, минометы, но мне кажется, что все это ненадолго. У нас много мадьяр, а это народ ненадежный, они нас ненавидят и с ними много не навоюешь, так и смотрят, как бы удрать к русским. Завтра будет сильный бой, если останусь жив, напишу письмо.

Не волнуйся, дорогая Эльза. Наш генерал говорит, что скоро мы получим такое оружие, с которым сразу начнем побеждать. Тогда русские снова завернут в Россию, и мы до зимы займем Москву».

Услышав последние слова, все громко рассмеялись.

— Отведите его в дивизию! — сказал Фридман.

Нам было приказано к утру установить пушки за высокой горой.

— Через эту гору пушки придется тащить на руках, — сказал комбат Бородин. — Завтра предстоит бой, если немцы ночью не уйдут сами.

Через полчаса на склоне горы раздалась команда:

— Раз, два, взяли! Раз, два, взяли!

— Подставляй камни под колеса!

— Я и так быстро, разве моя вина, что гора крутая.

— Что гора — то гора, а тут еще вы медленно поворачиваетесь! — покрикивал на бойцов Денисенко.

И бойцы тащили орудие за орудием, преодолевая поросший колючим кустарником косогор. Только поздно ночью пушки были установлены и замаскированы в лощине между двух высоких

лесистых гор, черневших на фоне неба. Выбившиеся из сил люди спали в своих окопах крепким сном, а я, укрывшись плащ-палаткой и засветив фонарик, читала письмо от Балатова.

«Уже летаю самостоятельно, — писал он. — Наверное, еще успею повоевать...» Фонарик потух, и я, не дочитав письма, уснула.

Рассвет не предвещал ничего хорошего. Только мы успели наспех позавтракать, как услышали справа пулеметную трескотню.

— Гитлеровцы атакуют с фланга. Кончай перекур! — раздались голоса.

— Расчеты, по местам! — подала я команду и посмотрела на орудие, наводчиком которого был Осипчук — у него уже все было готово к бою. Он стоял у панорамы новенькой, недавно полученной пушки и белым носовым платком протирал стекла.

В секторе обстрела орудия, в лощине, показалось несколько вражеских танков и одна самоходка, за ними высыпало больше сотни автоматчиков.

Осипчук неторопливо достал из кармана гимнастерки пенсне с одним разбитым стеклом и надел его.

— Ну, раз Осипчук надел свое пенсне, значит танки никуда не уйдут, — шутливо сказал Юркевич.

Осипчук ничего не ответил. Он всматривался в панораму, выжидая, когда самоходка, направившаяся на его орудие, подойдет к ближнему ориентиру.

Наконец он выстрелил и отскочил от пушки, чтобы она его не задела, потом снова быстро подбежал к панораме, прицелился. Последовал второй выстрел, и самоходка остановилась. Покончив с бронированным прикрытием, Осипчук крикнул:

— Заряжай осколочным!

И пушка затанцовала на огневой, выпуская снаряд за снарядом на головы обнаглевших фашистов. Вражеские танки пошли стороной по лощине.

Гитлеровцы остановились, залегли, но тут наша пехота поднялась и пошла в контратаку.

Убедившись, что неприятельская атака отбита, Осипчук прекратил стрельбу. И снова, достав из кармана белый платок, стал смахивать пыль со стекол панорамы.

Преследуя отступающего противника, наша батарея, приданная стрелковому батальону, мчалась на запад, опережая пехоту. Стоя на подножке первой машины с биноклем в руках, я всегда просматривала местность, чтобы вовремя обнаружить засаду. Две машины, груженные боеприпасами, на каждой по пятнадцати бойцов, на прицепе две 76-миллиметровые пушки, — это была моя боевая единица, за которую я отвечала головой.

Как-то на марше подъехали к маленькому мостику, у которого образовалась пробка. Полковая артиллерия остановилась, по обочинам дороги скопилось много машин. Я спрыгнула с подножки.

В это время ко мне подошел майор Трощилов, с которым брали высотку на правом берегу Днепра.

— Здравствуйте, Тамара, — сказал майор и, улыбаясь, протянул мне руку.

В дивизии многие знали мое имя, может, за глаза и называли так, но при бойцах еще никто не осмеливался этого сделать. Вначале я растерялась, покраснела, почувствовала, что сидящие за моей спиной на машине солдаты насторожились.

Вытянувшись, резким движением приложив ладонь к пилотке, я отчеканила, пристукнув каблуком:

— Здравия желаю, товарищ гвардии майор.

Рука майора застыла в воздухе, и он, смущенный, под тихий смешок бойцов опустил ее.

— Я вас часто вижу, товарищ младший лейтенант... слышал о вас... А подойти как-то не решался. Наше знакомство памятно мне с Днепра.

Я была рада, что раздалась команда: «По машинам!» Отдала честь майору, вскочила на подножку,, и мы снова двинулись в путь.

Батарея мчалась вперед. Подъезжая к одной венгерской деревне, я издали увидела, что у реки собралось много народу. Остановила машины, на всякий; случай подала команду:

— Взвод, к бою!

Бойцы начали разворачивать орудия. Вижу, навстречу бежит человек в штатской одежде. Привыкнув к разным уловкам противника, я недоверчиво отнеслась к нему. Но подъехавший комбат, который тоже наблюдал в бинокль за переправой, приказал не спешить. Он не любил поспешности.

Через несколько минут к нам подбежал человек средних лет. Он размахивал руками и кричал:

— Не стреляйте, не стреляйте! Это наши крестьяне, мадьяры. Вышла вся деревня, чтобы починить мост для вас. Гитлеровцы сегодня утром его взорвали, а мы починяем, скоро будет готов. Знали бы вы, как мы вас ждем!

Несколько бойцов тут же вызвались помочь восстанавливать мост.

Сырая, дождливая зима особенно донимала нас на равнинах Венгрии. Днем — беспрестанно холодные дожди, а ночью — сильные заморозки. Шинели бойцов, промокшие за день, ночью леденели. Почти каждую ночь приходилось менять огневые. Часто по нескольку суток подряд лил дождь, густая грязь покрыла проселочные дороги. Люди с любовью вспоминали наши сухие, морозные зимы.

Было около одиннадцати часов ночи, когда я, хлюпая по непролазной грязи, медленно шла по обочине дороги. Кругом стояла такая темнота, что в двух метрах не было видно идущего впереди связного.

— Такая тишина бывает перед боем, — сказал связной.

— Да, похоже.

Мы подошли к маленькой хатенке, где расположился наблюдательный пункт батареи. Постучались, кто-то открыл дверь, на нас пахнуло теплом. Войдя в комнату, я увидела комбата Бородина, сидящего за столом перед разложенной картой.

— Вот что, товарищи, — обратился Бородин ко мне и к лейтенанту Анаденке, прибывшему раньше — пушки надо тянуть в район высоты двести двадцать. Смотрите на карту. Это примерно километров шесть отсюда. Сами знаете, какая грязь на дорогах. О машинах нечего и думать. Лошади тоже не пройдут. На руках не дотащить. Надо попросить у населения волов. Кроме того, противник, воспользовавшись распутицей, минировал дорогу. Саперы прошли, но они могли пропустить кое-где мины, будьте осторожны. Пушки приказано установить и окопаться к шести ноль-ноль. У противника замечено скопление танков.

Нам очень не хотелось выходить из теплой комнаты. В душе я даже позавидовала людям, которым не предстояла такая мучительная бессонная ночь. «А вдруг не успеем до утра окопаться? И где теперь возьмем волов?» — думала я, переминаясь с ноги на ногу у дверей, пока комбат давал какие-то дополнительные указания лейтенанту Анаденке.

— Пойдем, Сычева, — прервал мои размышления лейтенант.

— Пойдем, — вздохнула я.

На улице в лицо опять ударил пронизывающий ветер и дождь. Меня трясло от озноба.

Пошла в деревню искать волов. «Кто их даст в такую погоду? Кто пойдет с нами мучиться ночью? Наверно, придется на руках тащить пушки», — размышляла я. Долго стучала в первую попавшуюся хату, хозяева уже спали. Мне открыли и очень любезно приняли. Позвали говорившего по-русски. Вскоре вошло человек десять мужчин. Приветливо поздоровавшись, они спросили, чем могут помочь русским братьям.

— Ваша помощь была бы очень кстати. Видите, какая погода, а нам нужно поставить пушки на высоте. Очень просим вас, у кого есть волы, соберите три-четыре пары и пойдите с нами.

Крестьяне слушали внимательно, но, видно, не поняли. Однако после первых же слов переводчика со всех сторон послышались возгласы:

— Да, да, надо помочь прогнать фашистов.

Крестьяне разошлись. Через несколько минут они стали приводить рогатых тружеников, причем вместо нужных трех пар привели шесть. Две пары мы впрягли в повозку со снарядами, остальные потащили орудия. Даже волы с трудом везли пушки, им помогали бойцы. Они со всех сторон подталкивали орудия. Мадьяры погоняли волов. Ватные брюки на мне давно насквозь промокли, ноги вязли по колено в грязи. Я закоченела, болели все суставы. Люди работали без отдыха всю ночь, но в назначенное время орудия были установлены.

Серое неприветливое утро вселяло в душу тревогу. Бойцы, стоя в сырых окопах, хлопали себя руками, чтобы согреться. Вот они стали выскакивать на бугристое поле, загремели котелками. Пользуясь туманом, как маскировкой, бойцы быстро спускались в лощину. Кухня с горячей пищей неодолимо манила их к себе, каждому хотелось погреться около нее и посушить хотя бы рукавицы, но старшина, руководивший раздачей пищи, торопил людей.

— Не собирайтесь все в одном месте, случайный снаряд может наделать беды.

Рассвело. Мы осмотрелись вокруг. Пушки стояли под бункерами. Позади нас, в лощине, раскинулась деревушка, откуда мы тащили орудия. Впереди, чуть пониже, была равнина. Она заканчивалась метрах в пятистах от нас небольшим густым леском. Наблюдатели ничего не замечали,

кругом царила тишина. Согревшись чаем, я решила написать домой. Села на станину орудия, достала из планшетки карандаш, бумагу. Вдруг наблюдатель закричал:

— Товарищ младший лейтенант, смотрите, идут...

Из леска высыпала группа людей, человек двести, потом еще и еще. И не стреляют, а только размахивают руками и что-то кричат. Посмотрела в бинокль и, увидев мышиного цвета шинели, скомандовала:

— Взвод, по местам! Орудия, к бою!

А враги все идут и идут и по-прежнему не стреляют, а только размахивают автоматами над головами и кричат. Ноги увязают в болоте, а они все идут. Подпустила фрицев на двести метров.

— Осколочным, огонь!

И пушки заговорили. Снаряды рвутся в самой гуще атакующих. Наводчики Осипчук и Юркевич точно бьют в цель. А фашисты прут и прут. И не стреляют. Наши пушки уже накалились, к стволам нельзя притронуться, а фашисты подбрасывают все новых смертников. Одни падают, утопая в грязи, другие разбегаются от наших снарядов, а задние идут и идут вперед.

— Они очень пьяные, товарищ младший лейтенант! — крикнул мне наводчик Юркевич.

— Психическая атака, — сдерживая неприятную дрожь, ответила я.

Справа врагов режет наповал зенитный пулемет, впереди все поле усеяно их трупами, а они не унимаются. Мы уже ясно различаем перед собой искаженные, обезумевшие, пьяные лица. Гитлеровцы все ближе подходят к нам, стараясь окружить позиции. Временами они в страхе бросаются назад, но мы ясно видим, как идущие сзади офицеры стреляют из автоматов по убегающим.

Нам вести огонь больше нельзя, гитлеровцы подошли на такое близкое расстояние, что осколки поражают нашу пехоту.

Подбежал связной.

— Комбат приказал отбиваться личным оружием.

На передовую во главе с начальником штаба капитаном Фридманом прибежали штабные офицеры с небольшим числом солдат службы тыла. Вместе с нами они залегли в боевом порядке пехоты.

Дело чуть не дошло до рукопашной. Огнем из всех видов оружия и гранатами, которыми нас снабдили пехотинцы, мы отбили эту сильно действующую на нервы психическую атаку врага и обратили его остатки в бегство.

— Вот бесовы души, — сказал командир орудия старший сержант Денисенко, утирая пот с лица.— До чего нахальны стали, идут, как на параде. Нехватает храбрости, так они солдат спаивают. Ты по нему стреляешь в упор, а он, пьяная морда, идет и улыбается.

К ночи нам было приказано сменить огневые позиции.

И так на протяжении месяцев мы меняли огневые позиции, тащили орудия по грязным проселочным и горным дорогам. Почти каждый день приходилось держать бой с освирепевшим противником. Отступая, он минировал дороги, устраивал засады, ставил ловушки в опустевших домиках, встречавшихся на пути, куда обычно устремлялись утомленные, промерзшие бойцы. Погода становилась все злее. Холодные дожди сменялись снегами. Густой туман часто застилал долины.

Когда наши офицеры получали письма от своих родных, вокруг царило веселье, неслись шутки и поздравления. Но меня письма Жернева не радовали. Что-то чужое пролегло между нами.

В одном из писем Жернев писал, что совершил большой подвиг, благодаря которому спас жизнь многим бойцам и офицерам.

Чувство к нему еще не совсем угасло, прервать переписку я не могла, но не допускала мысли, что смогу снова соединить с ним свою судьбу. Для меня он остался таким же, каким я встретила его в рабочем батальоне.

...Было около двенадцати часов ночи, когда мы въехали в темный небольшой городок, в котором намечалась остановка на отдых. Люди, промокшие и сутки не видевшие горячей пищи и сна, дремали на машинах. На окраине городка колонна остановилась. Бойцы, стоя в кузовах, притопывали ногами и разминали застывшее тело. Последовал приказ заезжать во дворы. Рокочущие моторы машин, выкрики старшин и командиров создали шум. Зажглись яркие фары и осветили стены домов, заборы и широкую мостовую, окаймленную молодыми деревцами, облили все впереди мертвенно-бледным светом. Кто-то из бойцов настойчиво звал старшину Немыкина. Сержант Юркевич упорно будил крепко уснувшего Денисенко.

— Денисенко, встань с моего мешка, слышишь, Денисенко.

Но тот, что-то буркнув сквозь сон, продолжал спать.

— Что тут за шум? — услышали мы голос командира дивизиона. — Комбат Бородин, ко мне.

— Я вас слушаю, — ответил капитан.

— Немедленно разгоните машины по дворам без шума и без света. Людей покормить в течение получаса.

Все притихли и стали расходиться по квартирам.

Только я сняла один сапог, чтобы посушить и погреть ноги, как пришел связной.

— Вас вызывают в штаб.

Командир дивизиона собрал офицеров, коротко сообщил обстановку и передал приказ командования. Наша дивизия получила задачу наступать в направлении города Иелшаву. Нам предстояло немедленно вступить в бой.

Возвращаясь в дом, в котором остановился наш взвод, я услышала звуки рояля и пение бойцов. Вошла в помещение. Сержант Юркевич играл на рояле, а вокруг него стояли бойцы и, забыв об усталости, пели свою любимую песню: «На позиции девушка провожала бойца...»

Через несколько минут мы двинулись в путь.

Вскоре нас стали настигать разрывы мин и снарядов то спереди, то сзади, то сбоку. На фоне серого предрассветного неба поднимались фонтаны земли. Перед нами встали силуэты домов какого-то населенного пункта. Мне передали приказ: тянуть пушки на край деревни. Окопавшаяся там пехота радостно встретила артиллеристов.

Измученные, утомленные бессонной ночью артиллеристы стали прорубать стены заборов и сараев, чтобы установить орудия. Когда все было готово для открытия огня прямой наводкой, я полезла на чердак ближайшего дома, где находился наблюдательный пункт командира стрелковой роты. Надо было засечь огневые точки противника. Но только я поднялась по легкой самодельной лестнице, как раздался сильный треск, все закрутилось, засвистело и что-то тяжелое придавило меня. Вокруг послышались стоны и крики. Я подняла голову, в ушах звенело, в глазах плыли цветные круги. Мимо пробежал с окровавленным лицом командир взвода пехотинцев. Невдалеке стонал тяжело раненный боец.

Как выяснилось позже, в крышу дома попал снаряд и завалил его.

Выбравшись из завалившегося домика, я спустилась к пушкам, которые уже стреляли по пулеметным точкам гитлеровцев. Враг, нащупавший наши орудия, которые стояли за деревянным забором, начал яростно обстреливать нас, но метким выстрелом наводчик Юркевич заставил замолчать ближайший дзот.

По сигналу ракеты в цепи пехоты пронеслось:

— Вперед!

Через проломы заборов, через опустевшие садики солдаты бросились в атаку. Артиллерийский огонь так же внезапно оборвался, как и начался. Пехота прорвала наспех созданную оборону противника, с ходу захватила город Иелшаву и двинулась дальше.

Было тихое зимнее утро, солнце обливало холодными косыми лучами утомленные лица бойцов и железо орудий. Сидя в кабине первой машины, я сладко дремала после бессонной ночи, проведенной на марше. Вот уже два дня, как я вместе со взводом находилась в расположении подполковника Шурухина, командира стрелкового полка нашей дивизии.

Полк двигался по ровному, как стекло, асфальтовому шоссе. Каждой машине хотелось мчаться по нему до самой деревни, которую предстояло занять. Люди этого полка славились отвагой и смелостью, он воспитал Николая Кучерявого и десятки других героев. Командир полка дважды Герой Советского Союза подполковник Шурухин был необыкновенно мужественным и инициативным человеком. О нем говорили в дивизии, что «он живыми танки берет».

Как обычно, опередив и оставив далеко позади утомленную далеким переходом пехоту, мы мчались по шоссе. Противник поспешно отступал...

Вдали показалась деревня. Вскоре мы заметили галопом мчавшуюся нам навстречу лошадь с едва державшимся на ней седоком. Шофер остановил машину. К нам подскочила вся в крови лошадь; сидевший на ней седой старик, корчась от боли, побелевшими губами едва успел прошептать: «Там немец, фашист... пулемет, засада...» — и свалился замертво. В подтверждение его слов в воздухе просвистели пули.

Бойцы мигом соскочили с машины, отцепили и развернули пушки и тут же открыли огонь по пулемету, указанному стариком.

Через час наши воины освободили деревню.

Когда на машине привезли тело убитого мадьяра, нас окружило население. Подошли родственники старика. От них мы узнали, что старик в прошлую войну был в плену в России. Часто он рассказывал односельчанам о русских крестьянах, которые отобрали землю у помещиков. «Вот нам бы так сделать, а то за маленькую полоску земли надо платить или отрабатывать», — мечтал он в кругу друзей.

— А когда гитлеровцы удирали и оставили засаду, он волновался, переживал и пошел за деревню пасти коней, — рыдая, сказала его жена.

Было ясно, что он сделал это с намерением предупредить нас о засаде.

Да будет светла память о нем! Он отдал жизнь, чтобы приблизить час освобождения своей родины от фашизма.

6

Поздним вечером 6 ноября 1944 года в одном из селений перед Тиссой мы собрались на торжественное заседание. Здесь мы узнали о докладе товарища Сталина по случаю XXVII годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. В этот вечер на весь мир прозвучали слова великого полководца и вождя советского народа о том, что теперь за Красной Армией остается ее последняя заключительная миссия: добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином знамя Победы.

Великой радостью и гордостью за свою могучую родину светились лица гвардейцев. Слова вождя были восприняты нами вдали от родных рубежей, как приказ идти на штурм последних укреплений врага и довершить дело освобождения народов Европы от фашизма.

В этот радостный вечер многие солдаты, сержанты и офицеры, в том числе и я, были повышены в званиях, многие получили правительственные награды.

Нам предстояла еще одна тяжелая переправа — через реку Тиссу. Гвардейцам хотелось именно в эту ночь, после торжественного заседания, форсировать реку и погнать противника дальше.

Ночь была темной. Грязь на дорогах стояла глубокая и жидкая. Ветер порывисто бил в лицо, обдавая крупными каплями дождя.

Быстрая река в эту суровую ночь казалась еще более быстрой и мрачной. С того берега гитлеровцы методическим минометным огнем обстреливали подходы к переправе. Временами над рекой вспыхивал яркий белый свет ракеты.

В двенадцать часов ночи гвардейцы, умудренные богатым опытом преодоления водных преград, быстро переправились через реку.

Комбат Бородин указал район закрытых огневых позиций. Только мы начали выкатывать свои орудия, как услышали, что у самого берега, недалеко от нас, открыла огонь какая-то пушка.

— Чья это пушка уже стреляет? — спросила я.

— Это комсорг полка Вася Овчинников захватил у немцев пушку и лупит из нее по их обороне.

Про отважного комсорга я давно слышала, а здесь воочию убедилась в его смелости и находчивости.

Бойцы торопливо окапывали огневые. В эту ночь царило торжественное молчание, всеми владело одно желание — праздничное утро встретить успешно выполненной боевой задачей.

Проверив огневые, я пошла на связь к командиру пехотного батальона, которому был придан мой взвод. В блиндаже штаба батальона увидела Галю.

— Ты почему здесь?

— Я уже связистка. Получила повышение, мне дали сержанта, — с довольным, улыбающимся лицом пояснила Галя.

— Это же очень хорошо, — обрадовалась я успехам девушки. — Сейчас работы будет много, так ты смотри — вовремя сообщай нам указания командира батальона.

Внезапно напав на вражескую оборону, наша часть овладела плацдармом на правом берегу Тиссы. Гитлеровцы упорно сопротивлялись, бросали в контратаку пехоту и танки. Гвардейцы встречали их сокрушительным огнем из всех видов оружия и неудержимо продвигались вперед, вытесняя противника с занимаемых рубежей. Во время боя несколько бойцов моего взвода получили ранения, а командир орудия гвардии старший сержант Петр Грешилов геройски погиб. Но победа была одержана. В дымке рассвета мы видели, что берег устлан трупами фашистов, ярким пламенем горят танки противника. Артиллеристы радостно говорили:

— Эти факелы мы зажгли в честь праздничного утра и приказа товарища Сталина.

Шли ожесточенные бои под Будапештом. Нашей дивизии была поставлена задача обойти город справа, затем, действуя через горный перевал, достичь границы Чехословакии и соединиться там с войсками 3-го Украинского фронта, которые с юга заходили в тыл будапештской группировке противника.

Не доходя границы, мы снова вошли в (Карпатские горы. С диким свистом проносились в горах ураганные ветры, заметая дороги и тропки.

В эти холодные снежные февральские дни бойцы и офицеры нашей дивизии шли по труднопроходимым горным местам. Подошли к подножью высоты, которую нам предстояло преодолеть. Я посмотрела вверх, и у меня закружилась голова.

— Как же туда тащить пушки? — спросил Осипчук.

— А вот тем путем, вслед за пехотой, видите? — указала я ему дорогу.

Один за другим по склону горы карабкались бойцы стрелкового полка. Впереди маячила огромная фигура их командира.

Двинулись и наши машины по крутому склону, но, утопая в глубоком снегу на узкой горной дороге, остановились.

— Взять лопаты и расчистить путь, — приказала я бойцам.

Долго работали солдаты, но машины продолжали буксовать. Через несколько метров они окончательно увязли в снегу.

— Разгрузить ящики с боеприпасами, отцепить пушки и на руках тащить машины.

Всю метельную ураганную ночь гора оглашалась командой: «Раз два, взяли!» Люди изнемогали от усталости.

Вытащили машины и орудия. Стали переносить ящики со снарядами.

Я работала наравне с бойцами, но таскать ящики мне не дали.

— Нельзя, товарищ лейтенант, вам тяжесть носить. Не разрешим, — сказал Юркевич, отбирая у меня ящик со снарядами.

На вершине бушевали бураны, они с ожесточением поднимали к свинцовому небу вихри снега.

Спускаться с горы было не менее трудно. Когда все же спустились, поступил приказ окопаться. Пехота залегла впереди.

Целый день шел сильный снег. Я закуталась в шинель и дремала после бессонной ночи в окопе под скалой, сапоги мои промокли, и замерзшие ноги онемели. Временами, когда по телефону вызывал комбат, я выходила из окопа. Уже вечерело, нападения танков противника не ожидалось: немцы не любили ходить в атаку в такую погоду.

К вечеру ветер усилился, с вершин гор повалил снег. Неожиданно к нам подъехала машина-вездеход, из нее вышел Бочков, командир нашей дивизии, недавно получивший звание генерала.

Генерал дает указание командиру орудия:

— Открыть огонь по пулемету противника! Где ваша готовность к бою?

За метелью ничего не видно, пушки занесло. Их откапывают, а они через пять минут снова исчезают под белой пеленой. Я все это вижу из заваленного снегом окопа, а встать не могу, окоченела. Вижу, бойцы очистили орудие, пытаются открыть замок, а он не открывается, его заело.

— Где командир взвода? Сейчас же позвать сюда.

Я выхожу из окопа, а у самой зуб на зуб не попадает.

Подошла и докладываю:

— Товарищ генерал, командир первого взвода гвардии лейтенант Сычева по вашему приказанию прибыла.

— Ах ты, чертова баба, — а сам смеется, — ты что орудия заморозила? Орудия всегда, в любую погоду должны быть готовы к бою.

Долго я стояла навытяжку перед генералом, слушая его выговор. В заключение он сказал:

— Разболтались вы тут, как я посмотрю. Вот завтра к вам придет командовать дивизионом майор Трощилов, он вам задаст!

Генерал часто появлялся там, где его не ждали. Расспросив об обстановке, о людях моего взвода, о наличии боеприпасов, подбодрив нас, Бочков уехал.

Эта ночь выдалась на редкость спокойной, мы отдыхали. Сидя в своем окопчике, я думала о том, что завтра нами будет командовать майор Трощилов. Неожиданно для себя почувствовала, что меня взволновало это известие. Вспомнила, как он протянул мне руку, а я не подала ему своей, в мыслях всплыла смущенная, добродушная улыбка майора.

...Выдержав большие бои, мы через несколько дней соединились с передовым отрядом войск 3-го Украинского фронта. Подразделения облетела радостная весть. Будапештская группировка противника разбита, город пал, а окруженные фашисты взяты в плен.

Мы снялись со своих позиций и двинулись вперед, преследуя мелкие разрозненные группы гитлеровцев, удиравших на запад.

Дивизия готовилась к новому наступлению. Все было приведено в движение. Командир дивизиона майор Трощилов приказал поставить пушки моего взвода на высоту, против которой у противника были пулеметные гнезда. На машинах подвезти туда орудия не было никакой возможности, на руках тоже не подкатить. Приходилось на протяжении трех километров расчищать путь от слежавшегося весеннего снега.

Я направилась в штаб к командиру дивизиона.

— Разрешите поставить пушки в другое место, где не нужно расчищать дорогу. Такое место я нашла.

— Товарищ лейтенант, прошу своих предложений сейчас не вносить. Они мне не требуются. Вы получили приказ — потрудитесь выполнить его.

Говорить мне больше было нечего.

— Ну, что? — спросили меня офицеры на батарее.

— Да что, и разговаривать не дает. Приказано выполнять.

— Майор, наверное, помнит, как вы когда-то обидели его.

— Не замечаю этого, — сказала я.

Требовательность нового командира дивизиона вначале не особенно нравилась нам. Но мы знали, что у майора большой боевой опыт, он умеет сам, когда надо, встать за орудие и стрелять по фашистским танкам. Его волевой, решительный характер в дивизионе почувствовали с первого дня.

Всю ночь мы работали. Большую помощь нам оказали чехи ближнего селения. К утру установили орудия, окопались. На следующий день наши части перешли в наступление. Я убедилась, что майор Трощилов был прав, поставив именно здесь пушки. Мы быстро подавили огонь вражеских пулеметов и дали возможность пехотинцам почти без потерь выбить гитлеровцев из насиженных гнезд.

Сбросив врага с гор, мы двинулись вдоль границы Чехословакии и дошли до Австрии.

Мелкие стычки с противником были обыденным явлением. То же случилось и сегодня. Не успели мы приехать в небольшой австрийский пограничный городок, как увидели, что с западной стороны в город движется колонна вражеских машин с солдатами и пушками на прицепе. Машины мчались по извивающейся горной дороге и то скрывались за поворотами, то снова появлялись. Противник, очевидно, гнал запоздавшие подкрепления своим потрепанным частям.

Мы открыли огонь. После третьего выстрела от первой машины остались только колеса. Вторая машина наскочила на переднюю и покатилась под откос вместе с автоматчиками и пушкой. У меня в ушах звенело от стрельбы: я, став за наводку, так увлеклась, что при выстрелах не отклонялась от панорамы орудия. Бой приобретал нежелательный для нас оборот. Неравенство сил было очевидным. Но фашисты, не знавшие наших сил, начали разворачивать машины и вскоре скрылись в западном направлении.

Спустились сумерки. Мы получили приказ: дать людям в эту ночь отдохнуть и высушить одежду.

Дома были пусты, но еще сохранили признаки недавнего присутствия хозяев. Кое-где ярко горели печи, были раскрыты постели, на столе стоял недоеденный ужин. Население, напуганное гитлеровской пропагандой, распространявшей небылицы о Красной Армии, пряталось в бункерах.

Мы заняли ближний от наших огневых позиций дом. В сараях кричали от голода коровы и овцы, в свинарниках пищали изголодавшиеся свиньи, а хозяева, несмотря на все наши уговоры, не хотели выходить из своих убежищ.

Когда Осипчук спросил выглянувшую из подвала женщину, почему она боится нас, та ответила: «Мы ведь немцы».

— Ну и что же, мы уничтожаем только фашистов, от которых хотим освободить и немецкий народ.

Женщина не поверила ему. Пришлось нашим бойцам накормить и напоить ни в чем не повинную скотину.

Старшина и повар готовили ужин. Бойцы, затопив печи, стали сушиться, а некоторые легли спать. Я увидела в кладовой много муки, масла, яиц и решила побаловать своих солдат. Закатала рукава

гимнастерки, надела халат, висевший на вешалке, и начала по старой памяти месить тесто, взяв в помощь двух бойцов. Вскоре мы пили кофе с домашним печеньем.

В дверь заглянул мальчик и удивленными голубыми глазами обвел сидящих. Его взгляд остановился на печенье, видимо в подвале он проголодался.

Осипчук, хорошо знавший немецкий язык, позвал ребенка и протянул ему печенье.

После сытного ужина бойцы заснули как убитые. Бодрствовали только часовые да дежурный офицер на батарее.

7

Мы вступили снова на чехословацкую землю.

Первый крупный город, в который мы въехали, был заполнен нарядными толпами. Лица людей сверкали счастливыми улыбками, вокруг царило торжественное веселье. С балконов белых высоких домов произносились приветственные речи в честь Красной Армии — армии-освободительницы, в честь великого Сталина. Все в этом городе казалось близким и родным. Люди на чистых широких улицах останавливали машины и целовали наших бойцов, восклицая:

— Братья наши, спасители!

Колонна остановилась на площади. Нас окружили жители. Женщины вынесли бойцам угощение: свежие торты, печенье, колбасы.

И вдруг перед нашими глазами пролетели две гранаты, брошенные откуда-то с чердака в толпу. Произошел оглушительный взрыв. Начальник штаба дивизиона Фридман и командир батареи Бородин с бойцами бросились в дом. Я тоже схватила автомат и побежала за ними. Бойцы прикладами разбили тонкую дверь и полезли на чердак. Через маленькое слуховое окошко проникал тусклый свет. Все кинулись через него на крышу. Одна я осталась на чердаке. Присмотревшись в полутьме, увидела, что за дымоходом кто-то прячется. У меня по спине пробежал холодок.

— А ну, вылезай! — крикнула я и навела автомат на неизвестного, а сама прислонилась к стенке, чтобы защитить себя сзади.

Из-за трубы вышел здоровенный рыжий немец с нашивками обер-лейтенанта.

— Хенде хох! — крикнула я.

Он поднял руки, а сам исподлобья смотрит зверем. На чердак вошел еще один наш боец, и мы вывели фашиста на улицу.

Увидев гитлеровца, люди бросились к нему. Народ требовал немедленного расстрела бандита.

— Нельзя. Будем судить по закону как военного преступника, — объяснил Осипчук.

На крыше были пойманы еще трое фашистов. Всех их отправили по назначению.

Оказав необходимую помощь раненым, мы снова двинулись в путь.

Радостно встречали нас в городах и селах Чехословакии. Девушки и женщины старались угостить, чем только могли, старики потихоньку утирали слезы радости, целовали наших солдат и офицеров. Щелкали сотни фотоаппаратов. Вверх летели шапки, платки, косынки.

— Слава победителям! Слава советскому народу! Слава великому полководцу Сталину! — неслось по улицам.

Тут и там возникали летучие митинги, ораторы произносили торжественные речи и призывали чешский и словацкий народы к нерушимой дружбе с народами Советского Союза.

Трудно было проехать по улицам. Нас обступали горожане. Однажды я почувствовала, что отрываюсь от земли и лечу вверх. Меня стали подбрасывать на руках и кричать:

— Слава советским женщинам! Слава женщинам - воинам!

Был дождливый март. Шли бои на подступах к городу Банска Бистрица. Вечером нас вызвали в штаб дивизиона и приказали поставить пушки на прямую наводку в боевых порядках пехоты. Ожидалась вражеская контратака.

Возвратившись на огневую, я подошла к крепко спавшим бойцам и осветила их фонариком. Пользуясь затишьем, они лежали по двое в окопе, завернувшись в шинели. Подумалось: «Когда же эти люди будут спать в постелях, ведь четыре года так живут». Мне жаль было поднимать их. «Пусть поспят, пока вернусь», — решила я.

Лейтенант Анаденко и я пошли на рекогносцировку местности. С трудом поднялись на высотку. В лицо бил холодный порывистый ветер с дождем. Противник обстреливал наш передний край из

шестиствольных минометов. Гитлеровцы находились близко, иногда порывы ветра доносили к нам их голоса.

Вернувшись обратно, разбудила бойцов. Через несколько минут, используя шум дождя и ветра, дувшего со стороны противника, мы потащили на руках пушки, временами подкладывая под колеса камни, чтобы передохнуть.

К утру окопались. Мой наблюдательный пункт находился недалеко от взвода. Около меня за аппаратом сидела Галя и, улыбаясь, рассказывала, как в эту ночь она тянула связь через речку и в липкой грязи потеряла сапог.

— Моего номера сапог нет. Мне надо тридцать шестой, а выдали сороковой. Вот он и сполз с ноги,— говорила она.

Наш разговор прервал боец, наблюдавший через стереотрубу за противником. Он сообщил, что показалась фашистская пехота. В бинокль увидела серые фигурки, а за ними из-за бугра выползающие танки, которые на ходу вели беспорядочный огонь из пушек и пулеметов.

— Галя, сообщи командиру батареи: фашисты атакуют высоту.

Девушка стала настойчиво кричать в трубку:

— «Киев», «Киев», вызывает «Орел».

— Двенадцать танков, — доложил наблюдатель.

— Ничего, пусть подойдут ближе, — ответила я.

Вражеские танки шли развернутым строем, высматривая объекты для нападения.

Последовали залпы наших пушек. Я видела, как слаженно и четко работал расчет старшего сержанта Денисенко. Наводчики Юркевич и Осипчук зорко следили за бронированными машинами и совершенно неожиданно для врагов стали посылать снаряд за снарядом. Один танк уже пылал. Фашистские машины замедлили ход, открыли ответный огонь в нашу сторону. Над головой свистели осколки и пули.

Вот танки с новой силой понеслись вперед и ворвались в расположение нашей пехоты. Мы стреляли с самой близкой дистанции. Врезалось в память напряженное, раскрасневшееся лицо Осипчука и его с разбитым стеклом пенсне, через которое он всматривался в панораму. Танки приблизились к нашим позициям. Один из них развернул башню в сторону Осипчука. Тот не успел навести орудие: недалеко от него разорвался снаряд, и лучший наш наводчик Осипчук схватился за грудь и замертво упал на станину.

— Ах вы, гады, — со злобой сказал Денисенко и, подскочив к панораме орудия, скомандовал: — Заряжай!

Последовал выстрел. Из танка показался дымок и пламя. Завязалась ожесточенная дуэль между танками и пушками. Прямым попаданием снаряды разворачивали броню, рвали гусеницы. Некоторые подбитые танки в ожесточении вертелись на месте, пытаясь выйти из боя.

Я смотрела на убитого Осипчука, едва сдерживая слезы.

На батарею пришел майор Трощилов. Увидев лежащее под кустом тело Осипчука, он снял шапку, отдав последнюю почесть погибшему товарищу. Потом, сжав кулаки, подошел к телефону и приказал:

— Галя, вызовите к аппаратам командиров батарей.

Галя стала кричать в трубку:

— «Дон», «Дон», вызывает «Орел».

— «Волга», «Волга», вызывает «Орел».

Связавшись с батареями, девушка передала майору трубку.

— Через несколько минут будет залп «Катюш», это сигнал к открытию огня по засеченным огневым точкам противника, — предупредил командиров батарей Трощилов.

Не успел он договорить, как заиграли «Катюши».

Наши пушки открыли ураганный огонь.

Артиллерийская канонада продолжалась около двадцати минут. Патом из окопов стали выскакивать гвардейцы-пехотинцы. С криком «ура» они бросились вперед и смяли гитлеровских вояк, удиравших восвояси. На плечах отступающего противника наши части ворвались в город Банска Бистрица и закрепились на его западных окраинах.

Спустилась ночь. Пошел дождь, бой утих. Вся промокшая, сидела я в окопе, застланном ветками, и дрожала. Прижавшись к мокрой стене и засунув руки в рукава, уткнула нос в поднятый воротник шинели, стараясь хотя бы немного согреться. Слышу меня кто-то зовет:

— Товарищ лейтенант, вам письмо.

Я подняла голову и увидела нашего почтальона. Несказанно обрадовалась, думая, что письмо от родных. Но оказалось, что оно от Жернева.

Григорий писал, что он живет около Москвы, служит в инженерных частях. Его назначили начальником отряда по разминированию полей и ликвидации неразорвавшихся снарядов. Он спрашивал о моем здоровье и выражал надежду, что после войны мы снова будем жить вместе, если и я останусь жива.

Но письмо его заканчивалось так:

«А впрочем, не знаю, сможем ли мы с тобой наладить семейную жизнь после того, как ты была в армии и носила серую шинель. Не нравятся мне женщины в серых шинелях».

Мне стало очень обидно. Я окончательно убедилась, что Жернев чужой мне человек.

Я написала ему:

«Ты возмутительно говоришь о женщинах, которые вместе с отцами и братьями борются против фашистских захватчиков. Какую огромную пользу приносят они родине! Если бы ты был больше на фронте, ты бы увидел их на передовой, в санбатах, в продовольственных отделах, ты бы увидел женщин— регулировщиц, летчиц, артиллеристок, зенитчиц. Всмотрись — и вытянись перед ними по команде «смирно».

За эти четыре года я прошла тяжелый боевой путь от рядового бойца до лейтенанта, командира взвода противотанковых пушек. На этом пути я видела женщин, которые, подпав под иго немецко-фашистской оккупации, уходили в подполье, в партизанские отряды. Я видела женщин в серых шинелях, которые спасали раненых из охваченных пламенем вагонов, женщин, стоявших у панорам орудий. Я видела женщин в серых шинелях, которые мужественно переносили все тяготы и лишения войны. Многие из них погибли смертью героев. После всего пережитого на войне моя голова покрылась сединой. Стыдись же своих слов.

Я давно решила, что жить с тобой не смогу, ты стал совсем для меня чужим».

В конце апреля, прорвав неприятельскую оборону под городом Брно, наши войска устремились вперед, настигая отступающих гитлеровцев. Воины дивизии, воодушевленные победами Красной Армии под Берлином, не давали врагу ни одного дня передышки. Вместе с чехословацкими партизанами они срывали его попытки сопротивляться, не давали возможности грабить и уничтожать народное достояние.

Однажды мы везли свои пушки на западную окраину села, только что освобожденного от оккупантов. Противник пытался продолжать сопротивление, делая артиллерийские налеты.

Офицеров дивизиона вызвали в штаб на совещание. Мы должны были познакомиться с новым приказом командования. Говорили, что на совещании будет представитель штаба армии. Не успела я переступить порог аккуратного чешского домика, в котором размещался штаб дивизиона, как начался ожесточенный массированный налет тяжелой артиллерии противника. Я с офицерами поспешила войти в домик. Снаряды рвались близко. Вдруг все загремело, меня отбросило в угол кухни. Дым и пыль застлали глаза.

Волной вырвало дверь в другую комнату, и сквозь проем я увидела ясное голубое небо.

— Там же были командир дивизиона и еще один майор, — услышала я чей-то возглас рядом.

Кругом слышались крики и стоны. Я поднялась и хотела выбежать во двор вместе со всеми, но камни и штукатурка, упавшие с потолка, ударили меня по спине, и я упала. Мимо меня пробежал кто-то из разрушенной комнаты и выскочил во двор. Между разрывами вражеских снарядов я ясно услышала протяжный стон, он доходил из разрушенной комнаты. Забыв о себе, бросилась туда. Из-под груды камней и балок увидела торчащие сапоги.

Вбежал связной командира дивизиона, и мы молча начали разбирать развалины. Через несколько минут томительного молчания и лихорадочной работы мы увидели лежащего без сознания, окровавленного майора Трощилова. Вытащили его в кухню, хотели переждать налет, но обстрел не утихал.

Снаряды рвались во дворе, сыпавшаяся штукатурка больно била по голове и телу. Связной выбежал во двор, чтобы позвать кого-нибудь на помощь, но сам был ранен.

Видя, что дом в любой момент может обвалиться, я напрягла все свои силы и, взвалив на спину грузное безжизненное тело майора, потащила его через двор в бункер. Внезапно снова раздался оглушительный взрыв. Меня чем-то очень сильно ударило по ногам, и я упала под тяжестью своей ноши. Подбежали сидевшие в бункере бойцы и подобрали нас.

В бункере врач дивизиона сделал нам перевязки. Майор был без сознания, его лицо заливала кровь, у меня была разбита нога.

Когда нас грузили на машину, чтобы везти во фронтовой госпиталь, я увидела, что от домика, где помещался штаб дивизиона, осталась только груда развалин.

Прошло несколько дней. Забинтованная нога еще болела, трудно было ступить на нее, но, достав костыли, я первая навестила майора Трощилова. Он удивился, когда увидел меня в госпитале.

— А вы почему здесь? — спросил он заикаясь. — Когда вас ранило?

— Тогда же, когда и вас. У меня ушиб голени.

Вскоре приехал навестить майора врач дивизиона.

Он рассказал ему все, что было связано с историей его ранения.

— Так что это значит? — спросил майор, когда я зашла к нему как-то утром. — Вы меня уже вторично спасли от смерти?

— Это мой долг. Надо же выручать боевых товарищей.

— И мне ничего не захотели сказать?

Я перевела разговор.

— Вашего связного ранило тогда же, во дворе, он лежит здесь, в госпитале.

— Да. Проведайте, пожалуйста, его сегодня же и передайте мой привет, — попросил Трощилов.

Майор больше ни о чем меня не спрашивал, лежал задумавшись. Его брови, видневшиеся из-под бинта, нахмурились, глаза были влажными. Я простилась и ушла к связному.

Вечером в мою палату пришла сестра и сказала:

— Чем вы сегодня расстроили майора? Ему стало хуже. Отказывается от еды, жалуется на головную боль. И все молчит, не отвечает на вопросы.

— Не знаю, в чем дело.

Я хотела пройти к майору, но сестра меня остановила.

— Пусть заснет.

Наутро она снова пришла и сказала, что майор всю ночь не спал.

— Лежит с открытыми глазами и о чем-то думает.

К обеду я пошла проведать его. Увидев меня, он обрадовался. Я придвинула стул к его койке и села.

— Как спали, Тамара? — улыбаясь, спросил он и добавил: — Здесь ведь подчиненных нет, и, значит, можно называть вас по имени?

— Вы, кажется, плохо спали, — проговорила я, чтобы не отвечать на вопрос.

— Да, я не спал, — серьезно сказал он.

— Почему?

— Потому, что много думал.

— О чем же вы думали?

— О вас, — произнес майор и замолчал.

Мне стало очень неловко и вместе с тем приятно. Наступило то удивительное молчание, в минуты которого многое рождается в душе.

В этот вечер я долго сидела у постели Трощилова, рассказывая ему о своей жизни. Рассказала о муже, о боях, в которых участвовала. Он очень внимательно слушал меня.

Впервые за четыре года я изливала свою душу.

Мой рассказ закончила тем, что показала ему последнее письмо Жернева. Майор с возмущением прочитал его.

— Я сам свидетель вашей жизни в армии, и ни о чем другом не мечтаю сейчас, как иметь такого друга.

Этот разговор был началом больших перемен в моей жизни...

Был яркий солнечный день, когда мы возвращались в часть. Машина мчалась по гладкому асфальту шоссе. Весенний ветер бил в лицо, трепал волосы. Вокруг все зеленело, радовалось весне. Радостно было и на душе. Сводки Совинформбюро говорили о наших грандиозных победах. Чувствовалось, что война подходит к концу, и это вселяло в каждого бодрость и особенную жажду жизни.

В части я снова заняла свое мест. Шли мелкие скоротечные бои и почти каждодневные стычки с противником. По дорогам в тыл направлялись вереницы пленных. На запад удирали самые отъявленные головорезы. Мы неотступно преследовали отступающего противника.

2 мая радио принесло долгожданную весть — пал Берлин, пала столица фашистской Германии.

Приближался час полной победы над врагом.

И вот, наконец, наступило это незабываемое утро. Подъезжая к небольшому городу под Прагой, мы еще издали увидели тысячи ракет, взлетавших над городом. На улицах чехи обступили наши машины, целовали бойцов.

— Конец войне! — проносилось эхом по площади.

— Конец войне! Победа! — кричали бойцы.

Цветы, смех, слезы радости, поздравления. Все словно помолодели, похорошели.

В это утро особенно чувствовалось, как долго люди ждали часа, когда можно будет сказать:

— Конец войне!

Я оглянулась вокруг. Наши бойцы обнимались, целовались, подбегали к своим командирам и с криками: «качать!» подбрасывали их в воздух. Мои бойцы крепко жали мне руку и поздравляли с победой. Подъехала машина командира дивизиона майора Трощилова. Его обступили. К майору подходили офицеры и целовались. Я стояла в стороне и наблюдала. Трощилов направился ко мне.

— Давайте поцелуемся, лейтенант, — сказал он. — Я вам жизнью обязан и хочу вас поблагодарить. — И он на глазах у всех поцеловал меня два раза. Я покраснела, но никто не обратил на нас внимания.

Через два дня мы были снова в походе. Нас послали на уничтожение гитлеровских группировок, которые еще чинили сопротивление и с боями уходили на запад. Один плененный нами немецкий офицер на вопрос: «Какой смысл вам теперь обороняться, когда закончилась война?», ответил: «Мы хотим добраться до американцев, там у нас найдутся покровители».

Восемь дней мы еще уничтожали остатки гитлеровцев. Покончив с ними, вернулись в город под Прагой, в котором праздновали победу.

Воцарилась тишина. Первое время не верилось, что эту тишину не нарушат больше разрывы бомб, гул орудий и скрежет танков.

Меня вместе с другими офицерами направили отдыхать в санаторий на озере Балатон.

Там я встретила Аню. На ее груди блестели орден Отечественной войны и орден Славы. Часто она рассказывала о сержанте Кучерявом. Видно было, что она все еще переживает его смерть.

В эти спокойные, счастливые дни особенно жаль было погибших товарищей, которые не дожили до победы.

С новой партией отдыхающих в санаторий приехал майор Трощилов.

В этот вечер мне захотелось красиво одеться. Вынула купленные недавно туфли, нарядное платье, надела и долго стояла перед зеркалом, не решаясь выйти в таком виде. Не знала, куда деть руки, смущали туфли на высоких каблуках.

Решившись, наконец, я вошла в зал, где звучала музыка. Казалось, что я иду строевым шагом и так неуклюжа, что все обратили на меня внимание. Лицо пылало от смущения. Подошел майор Трощилов, пригласил танцевать. Улыбаясь, наклонился ко мне и тихо сказал:

— Вам очень идет это платье...

Мое смущение сразу исчезло. В этот вечер мы долго веселились. Я думала: как все чудесно, как хочется жить!

Война отгремела, много было пережито на фронтовых дорогах. Но если над родиной сгустятся грозовые тучи, я готова, как и все советские женщины, снова пройти эти дороги.

Симферополь 1951 г.